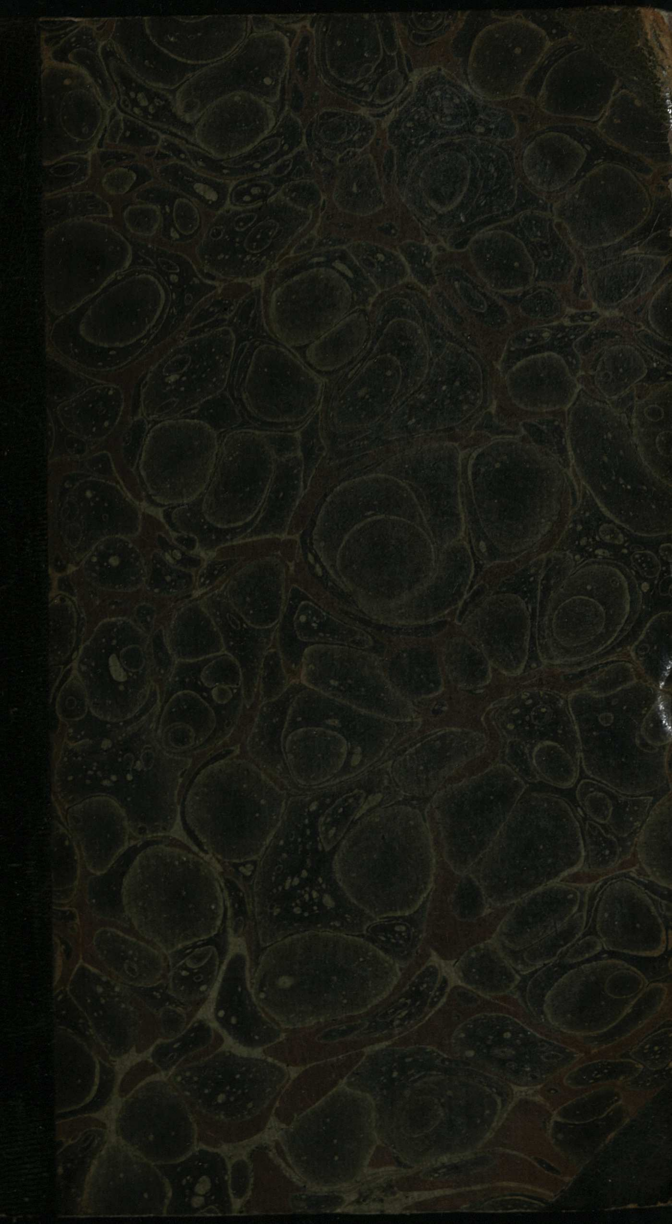

СТО НОВЫХЪ НОВОСТЕЙ

сочиненія

ГОСПОЖИ ГОМЕЦЪ.

ТОМЪ I.

съ Французскаго на Россійской языкъ переведенъ.

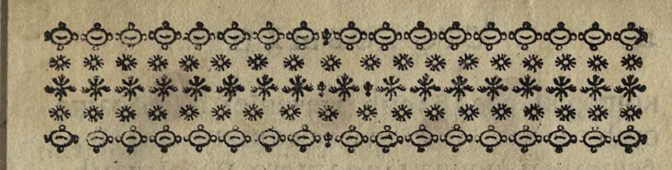
въ Санктпетербургѣ
1765 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сочиненія госпожи Гомецъ на Французскомъ языкѣ такую отъ публики похвалу имѣютъ, что я нашедъ нѣкоторыя манускрипты переведенныя изъ ста новыхъ новостей вознамѣрился предать ихъ печати; хотя я точно и не знаю, кто надъ оными трудился, однако не думалъ навлечь на себя тѣмъ съ его стороны досаду, что оныя издаю на свѣтъ, тѣмъ наипаче, что переводъ ево по изяществу Россійскаго слога немалую ему честь приноситъ; а что я оной въ нѣкоторыхъ мѣстахъ переправилъ, то произошло отъ многократныхъ переписокъ, ибо всѣ Манускрипты будучи чрезъ многіе руки списываены, обыкновенно наконецъ изъ хорошихъ худыми становятся. Не славолюбіе ниже корысть побудили меня напечатать сіи книги; но единственное желаніе здѣлать угодность читателямъ, промысливъ имъ веселое времени препровожденіе. За симъ первымъ Томомъ послѣдуетъ весьма скоро и второй, и естьли время меня допуститъ, то не премину продолжать и послѣдующихъ, когда оной отъ читателей благосклонно принятъ будетъ.

)o(

СТО НОВЫХЪ НОВОСТЕЙ

Часть I.

Несчастіе одного бываетъ другому счастіемъ.

Несогласіе отъ давныхъ временъ господствующее между Персіанами и Турками не препятствуетъ любьви, многажды плѣнять сердца сихъ двухъ народовъ и воспламѣняться въ одномъ противъ другова. Въ одной кровопролитной войнѣ бывшей между сими народами Горевъ Персидской вельможа командующій корпусомъ войска лежащимъ вкругъ Анны Турецкаго города,

 которовъ

которой раздѣленъ теченїемъ Евфрата отъ города Джебара лежащаго въ Дїарбекирѣ и принадлежащего Персїанамъ, выѣхалъ нѣкогда осмотрѣть положенїе города Анны, которой Персидской генералъ хотѣлъ осадить, и недалеко отъѣхавъ увидѣлъ покрытую каляску провождаемую великимъ числомъ Турокъ, которые по видимому ѣхали въ городъ. Горевъ атаковалъ ихъ мужественно и подкрѣпляемъ будучи храбростїю Курнама, своего сына, разбилъ на голову, и взялъ каляску, въ которой чаялъ быть къ войнѣ принадлежащимъ припасамъ; но сколь велико было ихъ изумленїе, когда открывъ оную не нашли въ ней ничего кромѣ женщинъ погруженныхъ въ слезахъ, изъ которыхъ одна была еще очень молода, и такой совершенной красоты, что подобной ей сыскать было не возможно. Горевъ крайнѣ оной изумѣлся; а Курнамъ заплатилъ сердцемъ своимъ за то удовольствїе, что ее увидѣлъ. Печаль не помѣшала ей, усмотрѣть то удивленїе, которое она и въ самихъ непрїятеляхъ своихъ возбуждала, и поднявъ омоченные глаза свои на тѣхъ, коимъ судьба ихъ привела въ неволю, не меньше почув-

ствовала

ствовала въ сердцѣ своемъ силу Курнамовыхъ пріятностей, сколько онъ уязвленъ былъ ея красотою. Онѣ смотрѣли другъ на друга съ равною охотою. Глаза ихъ встрѣчались своими взорами, познавали взаимныя движенія своихъ сердецъ, и въ семъ нѣмомъ разговорѣ наложивъ другъ другу оковы, казалось будто клялись вѣчною и искренною вѣрностію.

Такимъ образомъ любовь дѣйствуетъ въ сихъ странахъ. Стрѣлы ея едва только ранятъ покоренныхъ ея законамъ, то они тотъ часъ побѣдителю своему признаются въ своемъ порабощеніи; и ежели почтеніе, страхъ или стыдливость препятствуютъ имъ засвидѣтельствовать преданность свою словами, то употребляютъ для изъясненія оной вздохи и взгляды искренностію наполненные. Между тѣмъ временемъ, какъ Курнамъ и сія прекрасная плѣнница столь совершенно послѣдовали обычаямъ своихъ земель, казалось, что взаимно пріуготовляли оружіе къ побѣжденію другъ друга. Горевъ, имѣя въ сердцѣ своемъ великодушіе равное любви своего сына, обратясь къ старшей изъ сихъ плѣнницъ, которой прочіе казались быть послушными,

и которая показывала чрезвычайную печаль, говорилЪ: Перестаньте, сударыня, проливать слезы, и не думайте, чтобЪ вы впали вЪ варварскія руки; мы никогда намѣренія не имѣли кЪ нарушенію вашей чести, не знали, что скрыто вЪ сей каляскѣ, и чая вЪ ней быть военнымЪ припасамЪ, напали на вашу свиту; но исполнивЪ вЪ семЪ сраженіи нашу должность, не нарушимЪ и того, чего должное полу вашему почтеніе отЪ великодушныхЪ сердецЪ требуетЪ.

ГоревЪ былЪ такой КавалерЪ, которой своимЪ величественнымЪ видомЪ и пріятными поступками во всѣхЪ, кто его видѣлЪ, влагалЪ кЪ себѣ почтеніе и любовь. Сія по видимому знатная Турчанка, будучи ободрена его словами, отвѣчала ему сЪ нѣкоторымЪ спокойствомЪ: Ежели то правда, что ты столь великодушенЪ, сколько видЪ твой насЪ увѣряетЪ, то назначь нашЪ выкупЪ, и дай свободу намЪ вЪѣхать вЪ городЪ. Меня зовутЪ Фатимою, я вдова; однако могу заплатить тебѣ довольную сумму денегЪ за себя и за мою племянницу. Не откажи намЪ вЪ томЪ и не будь причиною смерти ея матери, которая сЪ великою нетерпѣливо-

стію

стію ее ожидаетъ. Она только одна осталась ей утѣшенїемъ по смерти ея мужа, котораго она искреннѣ любила. Смягчись младостїю и невинностїю Заиры, и не здѣлай насъ несчастливыми въ нашей прозьбѣ.

Горевъ по окончанїи сихъ словъ взглянулъ на своего сына, и познавъ по его глазамъ часть того, что въ сердцѣ его происходило, приказалъ ему отвѣчать Фатимѣ. Курнамъ по сему приказу ей говорилъ: мы не знаемъ, сударыня, положить тому цѣну, что оцѣнено быть не можетъ. Несравненая Заира превосходитъ все то, что вы намъ на выкупъ ея дать можете, и мыбъ погрѣшили, ежели бы хотѣли нѣчто сыскать въ свѣтѣ, чтобъ насъ за лишенїе ея наградить могло. Примите прежнюю вашу свободу, которую мы вамъ возвращаемъ, не требуя никакого воздаянїя, вмѣсто выкупа позвольте мнѣ имѣть честь васъ проводить, и себя ласкать, что вы безъ ненависти и огорченїя временемъ вспоминать будете Горева и Курнама. Весьма трудно, отвѣчала ему прекрасная Заира, ненавидѣть столь великодушныхъ непрїятелей, и мы не столь неблагодарны, чтобъ ихъ когда забыть могли. Сїи

слова произнесенныя прїятнѣйшимъ голосомъ и провожденныя пламеннымъ взоромъ, совершенно плѣнили Курнама. Онъ отвѣчалъ ей такимъ образомъ, которой увѣрить ее могъ, что онъ возвратя ей свободу, остается самъ въ неволѣ, и сїи разговоры не окончались бы можетъ быть еще долго, ежелибъ Горевъ имъ не напомнилъ, что онъ не въ такомъ мѣстѣ, гдѣбъ долго безъ страху медлить могли. Фатима не хотѣла принять отъ побѣдителей своихъ учтивости, не показавъ имъ нѣкоторыхъ знаковъ своего благодаренїя; но Горевъ и Курнамъ до тѣхъ поръ отговаривались принять отъ ней нѣкоторое воздаянїе, пока она великодушїю ихъ уступить была принуждена. Курнамъ взялъ сто человѣкъ изъ корпуса своего отца, окружилъ ихъ каляску, и тѣмъ временемъ какъ Горевъ возвращался въ Персидской лагерь, поѣхалъ съ Фатимою и Зацирою до города Анны. Прекрасная Турчанка будучи чувствительна къ сему великодушїю, разговаривала съ нимъ во весь путь съ такимъ разумомъ, сколько въ ней было прїятностей и красоты. Она объявила ему, что она дочь Янычарскаго Аги, которой убитъ

въ послѣдней войнѣ бывшей у Турокъ съ Христіанами. Мать ея въ разсужденій его заслугъ получила свободу жить съ Фатимою, сестрою ея супруга, которая живетъ въ Туркоманіи, а она Фатимою воспитана будучи, не выѣзжала никогда изъ города Анны, куда и мать ея для нея пріѣхала, и живетъ уже близъ двѣнатцати лѣтъ; но Фатима имѣя загородной домъ не далеко отъ сего мѣста, принуждена была туда ѣхать для нѣкотораго нужнаго дѣла, и взяла ее съ собою, гдѣ жили онѣ три мѣсяца, не чая, чтобъ Персіане на сію сторону обратили свое оружіе; но приведены будучи приближеніемъ ихъ въ страхъ, просили Алія, Губернатора города Анны, чтобъ онъ для безопасности ихъ прислалъ къ нимъ конвой, что онъ и учинилъ. Но твоя храбрость, продолжала она, смотря на него съ искренностію, здѣлала предосторожность нашу безполезною, и безъ твоего и отца твоего великодушія были бы мы твои плѣнницы. Сіе званіе, несравненная Заира, отвѣчалъ ей Курнамъ, принадлежитъ только тѣмъ, кто приближится твоимъ взорамъ. Мы побѣдили Турокъ, а ты покорила наши сердца. Мое не могло противиться

твоимъ пріятностямъ, я сталъ твой плѣнникъ, и ты не инако какъ отнятіемъ моей вольности получила свободу. Я не столь великодушна, какъ ты, отвѣчала она ему закраснѣвшись, и ежели налагаю на тебя оковы, то хочу, чтобъ ты носилъ оные во всю твою жизнь.

Каждой понять можетъ лехко Курнамову радость почувствованную отъ сего обязательнаго извѣстія. Ежели бы онъ при иномъ случаѣ оное получилъ, то не пропустилъ бы показать свое восхищеніе, бросясь къ ее ногамъ, но не возмогши оному отдаться, поклонился только, сколь низко возможно было, и показавъ ей въ глазахъ своихъ часть того пламѣни, которымъ къ ней пылалъ: Сіи оковы, говорилъ онъ, мнѣ гораздо дороже моей жизни, и вы свѣдаете прежде смерть мою, нежели окончаніе моей любьви. При окончаніи сихъ словъ пріѣхали онѣ уже такъ близко къ Турецкому лагерю, что Фатима и Заира боясь, чтобъ на Курнама не напали, просили ево, возвратиться назадъ; но ему весьма трудно было къ тому вознамѣриться, и ежелибъ ввѣренныхъ ему отъ Горева солдатъ не пожалѣлъ, то охотнѣе бы отважился къ сраженію, нежели разлучиться

читься съ прекрасною своею Турчанкою; но будучи столь разуменъ сколь страстенъ, преодолѣлъ себя противъ своей воли. Прекрасная Заира не скрыла отъ него, сколь болѣзненно ей сїе разлученїе, и проливъ нѣсколько слезъ, ему говорила. Я не плакала тогда какъ чаяла быть твоею плѣнницею; по тому разсуждай, сколь велико мое почтенїе къ моему побѣдителю. Я крайнѣ стараться буду, отвѣчалъ онъ, заслужить сїе драгоцѣнное почтенїе; не лишай меня того никогда, любезная Заира, и будь увѣрена, что ежели миръ мнѣ скоро не позволитъ при ногахъ твоихъ принесть клятву вѣчной любьви, то либо лишусь жизни, либо въ короткомъ времени ты меня увидишь. Фатима не хотѣла больше позволить имъ говорить, и чемъ ближе подъѣзжали къ лагерю, тѣмъ больше она безпокоясь, употребила ту власть, которую Заира надъ нимъ взяла, къ ихъ разлученїю. Курнамъ не столько бояся оружїя своихъ непрїятелей, сколько огорченїя своей любезной Заиры, принужденъ былъ повиноваться ея волѣ, и возвратился въ Персидской лагерь, безпрестанно обращая глаза свои назадъ, пока каляска вѣѣжала

въ лагерь, а оттуда въ городъ къ великому удивленїю всей армїи. Видя оную безъ всякаго конвоя Али, Губернаторъ города Анны, изумленъ сталъ о сей новости, и желая узнать оной подлинную причину, приказалъ, чтобъ Фатима его о томъ увѣдомила, для чего она прїѣхала одна, и гдѣ тотъ корпусъ солдатъ, которой онъ къ ней послалъ. Она не думая, что бы ей должно было утаить, какимъ образомъ она Персїанами обязана, увѣдомила его сама о великодушныхъ поступкахъ Горева и его сына, не скрывъ ничего отъ него кромѣ взаимной Заириной и Курнамовой любьви.

Али не имѣлъ въ сердцѣ своемъ нималыхъ знаковъ великодушїя, и почиталъ сїю добродѣтель столь безполезною, сколько великодушные сердца признаваютъ ее потребною, и для того съ печалїю то выслушавъ, что Фатима ему разсказала, отвѣчалъ ей грубымъ и варварскимъ образомъ: что бы Персїане гораздо лутче здѣлали, ежели бы обратно прислали къ нему ево солдатъ, а ее бы оставили у себя со всею ея свитою. Никто не удивлялся симъ словамъ: всѣ знали его жестокость и тиранство; онъ родомъ буду-

чи Скифъ, не пропускалъ никакого случая, показать сродство сего варварскаго народа, и полагалъ въ томъ свою славу, чтобъ его боялись, нимало не стараясь получить отъ народа любовь; былъ грубъ, кровожелателенъ и лютъ. Войски почитали его только для одного страху, которой онъ въ нихъ влагалъ своею жестокостїю. Фатима между тѣмъ не показала нимало того чтобъ сей отвѣтъ ея обидѣлъ, и довольна будучи, воздавъ достойное своимъ великодушнымъ побѣдителямъ, не безпокоилась о Алїевомъ огорченїи. Заирина мать имѣла весьма противные тому чувствїя, свѣдавъ Горевовы и Курнамовы поступки. Сердце ея склонилось имъ въ пользу, и она не могла удержатся, чтобъ не пожелать ихъ увидѣть, и засвидѣтельствовать имъ самимъ, сколь чувствительна она противъ того почтенїя, которое они дочери ея оказали; и хотя сїя прекрасная Турчанка и ея тетка ничего не объявили ей о Курнамовой страсти; однакожъ она дознала сь, что любовь имѣла нѣкоторое участїе въ семъ приключенїи.

Между тѣмъ, какъ сїи три Турчанки каждой день разговаривали о Горевѣ

ревѢ, и его сынѢ, и какЪ Заира питала пламень свой искреннимЪ и вѢрнымЪ напоминовенiемЪ, КурнамЪ ни очемЪ не думалЪ больше, какЪ только о способахЪ, чтобЪ ее опять увидѢть. Отсудствiе ея стало ему несносно, и какЪ война казалась продолжительною, а онЪ еще никакого чина при армiи не прянялЪ, желая прежде при случаяхЪ показать свои заслуги, и будучи такимЪ образомЪ безЪ всякаго дѢла, то хотѢлЪ испытать, войти вЪ городЪ Анну. Для исполненiя сего вышедЪ изЪ лагеря переодѢлся жидомЪ, и взявЪ сЪ собою многiе дорогiя вещи, сыскалЪ средство войти вЪ городЪ, и освѢдомился о всѢхЪ знатныхЪ домахЪ, гдѢ бы могЪ товары свои продать сЪ прибылью. Показали ему многiе знатные домы, между которыми и домЪ Фатимы, вдовы богатой и славной, которая сЪ охотою покупала всѢ дорогiя вещи. КурнамЪ велѢлЪ себя туда проводить, и спросилЪ евнуха, управителя госпожи. Оной вышелЪ кЪ нему тотЪ часЪ. КурнамЪ показалЪ ему ларчикЪ наполненной жемчугомЪ, и дорогими каменьями, и зная, что ничемЪ столько обольстить не можно таковыхЪ людей, вынувЪ дорогой перстень, отдалЪ ему

ему оной, прося уговорить Фатиму, чтобъ купила у него нѣкоторыя вещи. Евнухъ прельщенъ будучи симъ подаркомъ, не отговаривался, и проводивъ ево потаенною лестницею, ввелъ въ особливую комнату, гдѣ ево оставя, увѣдомилъ и Фатиму, что незнаемо какой жидъ принесъ великое число драгоцѣнныхъ вещей, и желаетъ ей оные показать, притомъ, такъ выхвалилъ ей сего Жида, и его товары, что Фатима отъ природы любопытна будучи, не могла ему отказать. Она была въ то время съ Заирою и ея матерью, и какъ женщины сей земли весьма рѣдко себя показываютъ, а особливо когда онѣ молоды и пригожи, то Фатима пошла одна въ ту комнату, гдѣ мнимой купецъ ее ожидалъ. Она ни на что прежде не смотрѣла кромѣ его товаровъ, но какъ скоро онъ говорить началъ, то голосъ ево, котораго онъ не притворялъ, принудилъ ее на него взглянуть: послѣ чего немедлѣнно ево узнала. Изумленіе ея не преодолѣло ее разума, и разсуждая, что онъ для нихъ предался такому великому страху, вознамѣрилась тотъ часъ показать ему при семъ случаѣ знакъ своей благодарности, и смотря

на

на него съ такимъ видомъ, которой ему знать давалъ, что она знаетъ притчину его присудствія. Сей жемчугъ, говорила она, выбравъ у него лутчей понравится, я чаю, моей племяннице, я ей оной покажу. Даубъ, говорила притомъ евнуху, не пускай ко мнѣ никого. При сихъ словахъ приказавъ Курнаму, за собою иттить, ввела его къ Тамарѣ (Заириной матери). Сія госпожа сидѣла одна съ своею дочерью. Прекрасная Заира показывала въ глазахъ нѣкоторую тоску, и давала знать, что сердце ея безпокойно. Ея и Тамарино присудствіе привело его въ такое движеніе, что его обьялъ трепетъ, котораго преодолѣть былъ безсиленъ. Фатима то примѣтила, но не говоря ни чего подошла къ Тамарѣ, и говорила съ нею весьма тихо, чтобъ не слыхала Заира, которую она нечаянно хотѣла обрадовать, и увѣдомя ею о притворномъ Курнамѣ, просила, чтобъ она приняла его по достоинству оказанной ей отъ него услуги. Тамара имѣла такое великое желаніе видѣть сего великодушнаго Персіанина, что не смотря на ее увѣдомленіе радость о томъ, что себя удовольствовать могла, превзошла

опасность

опасность сего приключенія, и не меньше радуясь, что познала Заирины чувствія, о которыхъ прежде только нѣкоторыя чаянія имѣла, вознамѣрилась то исполнить, чего Фатима отъ нее требовала, и призвавъ къ себѣ сего мнимаго купца, взяла ту нитку жемчугу, которую Фатима выбрала своей племянницѣ, и повязавъ оную на шею прекрасной своей дочери: посмотри Заира, говорила ей, не понравится ли тебѣ другое, что у сего купца, выбери себѣ, я заплачу. Тогда Курнамъ къ ней подошелъ, и подавъ ей предрагую Персиду, говорилъ: Сей уборъ, сударыня, сколь ни драгоцѣненъ, кажется потеряетъ все блистаніе свое, отъ сіянія прекрасныхъ вашихъ глазъ, и я не нахожу изо всѣхъ моихъ вещей ни одной, которой бы красота ваша помрачить не могла. Сіи разговоры въ такомъ человѣкѣ, какого Курнамъ представлялъ, столь удивительны были Заирѣ, что она взглянула на него, не говоря ни слова. Но сколь больше еще изумѣлась, его узнавъ; онъ столь памятенъ ей былъ, что опознаться въ немъ не могла, и не возмогши преодолѣть первыхъ своихъ движеній, вскричала не опомнившись

нившись его имя. Курнамъ видя, что его узнали, и сверьхъ того самъ не хотя себя долго скрывать, упалъ тотъ часъ Тамарѣ къ ногамъ, и принявъ на себя тотъ прїятной видъ, которымъ плѣнялъ сердца, говорилъ: Отпустите мнѣ, сударыня, что я здѣсь покоя не даю сей прекрасной непрїятельницѣ, но разсудите справедливоли то, чтобъ я въ то самое время, когда даровалъ ей свободу, отдавшись ей въ плѣнъ, не пришелъ васъ просить, чтобъ вы позволили ей хотя единымъ взглядомъ облехчить мою неволю.

Великодушной Курнамъ, отвѣчала Тамара, принудя его встать, Фатима довольно увѣдомила меня о томъ, чемъ я тебѣ должна и по тому не сомнѣвайся, что я тебя съ радостїю вижу, но сїя радость была бы еще несравненно больше, ежели бы Заира могла достаточна быть въ награжденїе показанной мнѣ отъ тебя услуги, я только для отмщенїя ей за тебя за тотъ плѣнъ, въ которой она тебя по твоему объявленїю взяла, хотѣла, чтобъ она тебя сама узнала, но теперь когда сердце ее само себѣ измѣнило, то вѣдай, что ты мнѣ

столько милЪ, сколько она, ичто я тебя признаваю за моего сына; для того храни твою жизнь, не подвергай больше оную никакому страху для полученія того, что я тебѣ назначила; какимЪ бы образомЪ ни окончалась сія война, ежели Персіане возьмутЪ городЪ, то мы будемЪ твои плѣнницы, и Заирина рука будетЪ ея выкупЪ, а когда мирЪ оставитЪ насЪ вЪ свободѣ, то я обѣщаюсь привесть ее кЪ тебѣ вЪ ДжебарЪ, и не давать ей никогда другова мужа, кромѣ храбраго Курнама. Молодой ПерсіанинЪ будучи восхищенЪ отЪ радости, упалЪ опять ТамарѢ кЪ ногамЪ, и не возмогши словЪ сыскать, всѣми своими поступками показывалЪ, что его щастіе далеко превосходитЪ его надежду, для окончаня его благополучія. Тамара и Фатима превели кЪ нему Заиру, и приказали ей принять Курнама, какЪ своево жиниха. Она исполнила сей приказЪ такимЪ образомЪ, которой его увѣрить могЪ, что ея искренность равна его любви. Удовольствія сихЪ двухЪ любовниковЪ описать не возможно. Тамара и Фатима не мало тому радовались, и почитали себя щастливыми, что сыскали средство дѣйствительно оказать

зать Курнаму свою благодарность. Между тѣмъ не смотря на сладость, которую онѣ имѣли въ семъ свиданіи, Заира опасна будучи о жизни своего любовника, просила его, удалиться, и выттти изъ города. Мы всѣ погибнемъ, говорила ему, ежели жестокой Али тебя узнаетъ. Бѣги, любезной Курнамъ, и твоею неосторожностію не принудь великодушнаго Горева, упрекать моей матери, что она меньше попеченія имѣла о его сынѣ, нежели онъ показалъ о ея дочери.

Курнамъ былъ столько плѣненъ, что бы охотно предалъ жизнь свою наибольшимъ опасностямъ, дабы никогда не оставлять любезную свою Заиру, но искреннія прозбы ея, матери ея и теткины увѣщанія обязали его разстаться. При семъ случаѣ показали ему сіи двѣ госпожи всѣ знаки почтенія и искренности, какихъ онъ только желать могъ; а прекрасная Заира изъявила ему всю горячесть своей любви, и никакая разлука жалостнѣе сей быть не могла. Онъ подарилъ ей помянутую Персиду съ дорогими каменьями, нитку жемчугу, и что еще лутчаго имѣлъ изъ своихъ товаровъ, а Заира на противъ того дала ему перстень высокой цѣны. Наконецъ клялись еще другъ

другу

другу любиться до гроба; и Фатима, чтобъ обязать его скоряе иттти, кликнула евнуха, и показавъ ему Курнамовы подарки для увѣренія, что они у него оные купили, приказала ему ево выпроводить. Евнухъ вывелъ Курнама, показывая ему великую дружбу и готовность къ его услугамъ. Притворной жидъ поблагодаривъ ево, пошелъ примо къ городскимъ воротамъ, но нѣкоторые Турецкіе офицѣры, мимо которыхъ онъ шелъ, прилѣжно его разсмотря, познали, что онъ конечно непростой купецъ. Они зарестовали его и отвели къ Губернатору, которой тотъ часъ его почелъ за шпіона. Курнамъ не возмогши стерпѣть, чтобъ его способнымъ почитали къ такому дѣлу противному свободности его состоянія, объявилъ нимало не тая свое имя, и не называя своей любовницы, признался, что одна только любовь причиною его притворнаго одѣянія. Али окруженъ былъ тогда знатнѣйшими Турками, Курнамово имя напомнило имъ о бывшемъ съ Фатимою приключеніи, они объявили о томъ сему Пашѣ, и удивляясь откровенности и образу сего молодаго Персіанина говорили ему, что надлежитъ извинить

любовь и дать ему свободу въ воздаяніе того, что онъ здѣлалъ Фатимѣ.

Али нимало не склоненъ былъ на сіе представленіе, и ежели бы вкругъ его не столь многолюдно было, то не умедлилъ бы приказать его умертвить, но боясь, что многіе изъ военныхъ служителей ему въ томъ противиться будутъ, говорилъ ему съ презрѣніемъ: Я дарую тебѣ животъ, и позволяю возвратиться къ Персіанамъ, но только на томъ условіи, чтобъ ты опять возвратился сюда увѣдомить меня о состояніи ихъ войска и о намѣреніи ихъ Генерала. Сіи слова весьма раздражили Курнама, и для того отвѣчалъ ему съ огорченіемъ: Я сказалъ уже тебѣ, что не сходно ни съ родомъ моимъ, ни съ состояніемъ, быть мнѣ шпіономъ, а еще меньше пристойно измѣнить моему Государю, и въ разсужденіи сего договора не принимаю ни свободы ни жизни. Али озлясь за благородную смѣлость сего могодаго Кавалера, и не возмогши преодолѣть больше силы своихъ движеній, приказалъ его оковать; но Орекъ Паша, его намѣстникъ, которой во всякомъ человѣкѣ почиталъ и любилъ добродѣтель, противился съ твердостію исполненію сего приказа, и имѣя въ тотъ день команду.

команду, взялъ Курнама за руку и обратясь къ Губернатору, говорилъ: Я не допущу до сей несправедливости, беру сего храбраго Персïанина подъ свое смотрѣнïе, и обѣщаю тебѣ ево представить, когда ты потребуешь. Потомъ вышедъ съ нимъ вонъ въ провожанïи всѣхъ офицѣровъ, которые защищали его партïю, проводилъ Курнама до городскихъ воротъ, гдѣ обнявъ его, говорилъ: Горевовъ сынъ! избери себѣ способнѣйшее нынѣшняго время для удовольствованïя твоей любви, а теперь поди, забудь Алïевы поступки и вспоминай Орбека Пашу. Курнамъ чувствуя Орбеково великодушïе, благодарилъ ево, и отвѣчалъ съ почтенïемъ: Великодушный Паша! подай мнѣ какой случай показать тебѣ мою благодарность, и будь надеженъ, что онаго не пропущу, хотя бы и жизни моей притомъ лишился. всѣ Офицѣры его обнимали, просили его къ себѣ дружбы, и съ печалïю съ нимъ разстались. Курнамъ возвратился къ Джебару, такимъ почтенïемъ наполненъ будучи противъ Орбека, коликимъ омерзѣнïемъ къ Алïю. Но какъ онъ еще никакого чину при армïи не имѣлъ, и гарнизонъ его не зналъ, то какъ скоро онъ къ городу подошелъ, Жидовское ево платье показалось

залось караульнымъ подозрительно. Они заарестовали его, и отвели къ Персидскому Генералу, которой съ довольнымъ гнѣвомъ его спросилъ, кто онъ, откуда пришелъ, и какое намѣренїе его привело въ Джебаръ. Курнамъ не удивился гнѣву сего Генерала, и показавъ ему должное почтенїе, снявъ съ себя Жидовское свое платье, говорилъ: Притчина больше безразсудная, нежели виновная принудила меня переодѣться. Любовь склонила меня иттии въ Анну, а должность обязуетъ возвратиться въ Джебаръ. Повѣрь, что Горевовъ сынъ не имѣетъ инаго намѣренїя какъ только служить своему Государю, и тебѣ показать свою вѣрность. Персидской Генералъ смягчился, услыша Горевово имя, и несъ такою ужѐ суровостїю смотря на него, говорилъ: Ежели то правда, что ты Курнамъ, сынъ Горевовъ, то можешь всего надѣяться отъ такого человѣка, которой еще никогда тебя не видалъ, знаетъ честь должную твоей храбрости, и вѣдаетъ тѣ преславныя дѣйствїя, которыми себя отъ другихъ отмѣнилъ. Горевъ прїѣдетъ нынѣшнаго вечера въ Джебаръ, и утвердитъ твои слова, поступимъ съ тобою какъ должно, а до того времени

не

не выходи изъ моего дому. Курнамъ довольно зная, какъ предосторожно поступать надлежитъ въ военныхъ случаяхъ, повиновался безъ противности приказу сего Генерала, и намѣрился до пріѣзду своего отца, не отлучаться отъ его присудствія, и въ сіе короткое время, пока онъ былъ при семъ Генералѣ, показалъ столько разума, и говорилъ съ нимъ съ такою твердостію о военныхъ дѣлахъ, что онъ тотъ часъ принялъ его въ свое покровительство и дружбу. Между тѣмъ пріѣхалъ Горевъ, и хотя крайнѣ безпокоенъ былъ о состояніи своего сына, не видавъ его прошедшаго дня; однако хотѣлъ прежде о немъ освѣдомиться, пока не отдастъ должнаго почтенія Генералу, и въ семъ намѣреніи пошелъ къ нему въ домъ, но сколь изумился, увидя Курнама разговаривающаго съ нимъ такимъ образомъ, изъ чего познать можно было его почтеніе.

Генералъ принялъ его пріятнымъ образомъ, и видя удивленіе его, говорилъ: Храбрый Горевъ, Курнамъ мой плѣнникъ, и я только тебя ожидалъ даровать ему свободу. Тогда увѣдомилъ его сей молодой Персіанинъ о своемъ приключеніи и отважности,

которая во время однихЪ сутокЪ привела его какЪ шпіона во власть двухЪ равно страшныхЪ ГенераловЪ. ГоревЪ искренно его любя, не похволилЪ его неосторожности, и просилЪ Генерала оную ему отпустить. Сей ГенералЪ тому не противился: дружба его кЪ Курнаму не допускала его инако поступить. Не хотя, чтобЪ онЪ больше свободенЪ былЪ, вергать себя вЪ опасность, поручилЪ ему вЪ команду корпусЪ войска равной тому, какой имѣлЪ отецЪ ево, дабы онЪ будучи обязанЪ чиномЪ, послѣдовалЪ всѣмЪ движеніямЪ войскЪ, и не могЪ бы отлучиться безЪ его позволенія.

Сіе наказаніе такую честь принесло Курнаму, что онЪ тому не могЪ противиться. Любовь не отняла у него честолюбія и желанія, чтобЪ отЪ другихЪ себя отмѣннымЪ показать; потому исправлялЪ онЪ должность свою ко удовольствію всѣхЪ ГенераловЪ, и показалЪ ТуркамЪ во многихЪ сраженіяхЪ дѣйствіе своей храбрости; но тѣмЪ временемЪ, какЪ онЪ восходилЪ на степень ГероевЪ, много разЪ Алія раскаеваться принуждалЪ, что его не умертвилЪ. Прекрасная Заира свѣдавЪ ту опасность, вЪ которую онЪ впалЪ,

пре-

препровождала дни свои въ смертельномъ страхѣ; она будучи великодушна и смѣла, желала вмѣстѣ съ нимъ быть въ страхѣ и чести; и для того говорила матери своей: Не позволилиль вы мнѣ съ нимъ ѣхать, приказавъ мнѣ имѣть его женихомъ, должно ли вамъ было соединя насъ, допустить, чтобъ мы разлучились; можетъ ли сердце мое быть спокойно, зная то, что оно любитъ подверженнаго многимъ опасностямъ.

Любезная Заира, отвѣчала ей Тамара, я отпущаю тебѣ твое безпокойство, и я чувствовала оное по твоемъ отцѣ; потому не могу осуждать твою боязливость, но знай, что не одна благодарность и Курнамовы заслуги склонили меня отдать тебя его любви, я узнала твою склонность къ нему изъ твоихъ разговоровъ, изо всѣхъ твоихъ поступокъ, и моя искренность къ тебѣ принудила меня, чтобъ здѣлать тебя щастливою. Я не спорила обѣщать тебя Горевову сыну, какъ скоро узнала, что онъ тебя достоинъ, познай мою искренность, успокоя твое мученiе, не умножай моего беспокойства, которое я для осторожности отъ тебя скрываю, видя смутность твоего сердца.

 Ежели

Ежели ты меня любишь, то будь надежна, что та рука, которая избавила его отъ Алїевой ярости, изведетъ его изъ опасностей, къ коимъ честь его обязуетъ, и что ты его скоро увидишь покрытаго честїю, станемъ молиться за него, и не безпокой любящую тебя мать, твоею печалїю и упреканїемъ.

Заира чувствуя такую любовь и милость, благодарила за то своей матери, съ искренностїю цѣлуя ея руки, и сїи разговоры оканчевались всегда возобновленїемъ ихъ любви другъ къ другу. Добродѣтельная Фатима часто имѣла въ томъ участїе и обѣихъ ихъ утѣшала сколько ей было возможно. Между тѣмъ какъ онѣ въ печали своей пребывали, Горевъ и Курнамъ посланы были для разгнанія Турецкихъ партій, которые прїѣзжали подъ самой городъ, и разоряли землю. Они имѣли многія сраженія съ добрымъ успѣхомъ, но въ послѣднемъ, въ которомъ Турки были ихъ сильнѣе, Персїане оставили своихъ командировъ Горева и Курнама почти одних противъ столь многихъ непрїятелей, которые не смотря на ихъ храбрость, наконецъ ихъ преодолѣли и взяли въ полонъ.

Два

Два Офицера разныхъ корпусовъ получили ихъ своими плѣнниками. Тотъ, которому достался Горевъ, принялъ его съ почтенїемъ, и последуя законамъ войны, оставилъ его въ городѣ, а тотъ, которой взялъ Курнама, поступилъ съ плѣнникомъ своимъ совсемъ инако. Онъ будучи Алїевой партiи, призналъ его за того притворнаго Жида, которой прежде былъ уже въ его власти, и отвелъ его тотъ часъ къ сему Губернатору, которой какъ скоро на него взглянулъ, приказалъ тотъ часъ посадить его въ тюрьму, сказавъ ему, чтобъ онъ готовился на другой день къ смерти. Курнамъ не отвѣчалъ ему ни слова, и пошелъ безспорно, куда его повели. Великодушной Орбекъ Паша не былъ тогда при Губернаторѣ; но другїе бывшїе при семъ случаѣ, говорили смѣло, что онъ поступаетъ противъ правъ, которые не позволяютъ умерщвлять военноплѣнныхъ, и что равнымъ образомъ и имъ никакой надежды къ избавленїю отъ Персїанъ не будетъ, ежели онъ погубитъ Курнама.

Но всѣ сїи слова были безполезны и ничего больше не здѣлали, какъ только размножили Алїеву ярость, и самъ Орбекъ Паша свѣдавъ о семъ приключенiи, не могъ

не могъ его уговорить. Тогда онъ вспомня, что Тамара ему нѣсколько въ свойствѣ, чаялъ, что она его скоряе упросить нежели такое великое число военныхъ служителей, которымъ онъ для показанія власти своей и силы въ прозбѣ ихъ отказалъ, и такъ пошедъ къ Фатимѣ, разсказалъ все бывшее, совѣтуя; чтобъ она пошла съ Тамарою и ея дочерью, просить Алія за сего плѣнника. Не возможно изъяснить болѣзни ихъ, какъ они получили сію вѣдомость. Заирино отчаяніе было безпримѣрно; однакожъ наконецъ ободрясь нѣсколько, просила Пашу, чтобъ онъ ей способъ сыскалъ видѣть Курнама, увѣряя, что она надежное средство знаетъ его избавить, ежели можетъ на одну минуту видѣть его одного, и что чрезъ то она свободитъ мать свою отъ боязни, просить немилосердаго Губернатора о милости. Они всѣ просили ее сказать, какое намѣреніе она имѣетъ, но всѣми прозьбами своими не получали отъ нее больше во отвѣтъ, какъ только что она того никому кромѣ Курнама не объявитъ, и что онъ можетъ ихъ о томъ увѣдомить. Орбекъ находилъ сіе требованіе весьма нѣжнымъ, но будучи чувствителенъ

и

и великодушенъ, долгое время думалъ, какимъ образомъ ее удовольствовать. Наконецъ вспомнивъ, что темничный стражъ чрезъ него получилъ свое щастіе, намѣрился его уговорить, чтобъ онъ только допустилъ видѣть его одной женщинѣ, которая по слабости своего рода ничего такого предпріять не можетъ, что бы ему вредительно быть могло. Такимъ образомъ обѣщавъ печальной Заирѣ употребить къ тому всю свою силу, и увѣдомить ее о томъ что здѣлаетъ чрезъ вѣрнаго услугу, пошелъ трудиться о исполненіи своего обѣщанія. Между тѣмъ временемъ, которое симъ госпожамъ казалось весьма продолжительно, не преставали онѣ проливать слезы, а особливо Тамара, боясь, чтобъ Заира не предпріяла нѣкоего опаснаго намѣренія, не преставала принуждать ее къ открытію сей тайны. Но сія прекрасная Турчанка непреодолѣнна была въ своемъ молчаніи, несомнѣваясь, что ей препятствіе учинитъ, какъ скоро свѣдаетъ ея намѣреніе, и увѣря ее безопасностію о себѣ самой, слушала съ непремѣнною твердостію, прозбы слезы, и принужденіи своей матери.

ТѢмъ временемъ какъ сїе у Фатимы въ домѣ происходило, Горевъ не зная ничего о состоянїи своего сына, и чая, что и онъ такъ же свободенъ, искалъ его вездѣ, и спрашивалъ у всѣхъ, но никто не смѣлъ объявить ему правды, и казалось, что всѣ согласились ему отвѣтствовать, что его не видали, и что не знаютъ ни одного плѣнника сего имяни.

Нещастливой Курнамъ напротивъ того забывъ собственную свою напасть, чувствителенъ только былъ о томъ отчаянїи, въ которомъ несомнѣнно быть чаялъ своему отцу и Заирѣ о его смерти, и не жалуясь на лютость своей судьбы, которая осуждаетъ его безчестнымъ образомъ погибнуть въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ своихъ. Въ то время когда онъ столь много разъ искалъ въ сраженїяхъ себѣ славной смерти, не печалился больше ни о чемъ, какъ только что не можетъ предъ концемъ своимъ видѣть Горева и любезную свою Заиру. Сїя только одна мысль приводила его въ малодушїе, ему казалось, что взоръ сихъ двухъ особъ потребенъ ему для дарованїя той твердости, которой и самъ собою имѣть не можетъ. Въ семъ размышленїи онъ нѣсколько разъ воз-

воздохнулЪ, что услышалЪ приставленной кЪ нему стражѣ. СЪ симЪ человѣкомЪ ОрбекЪ уже говорилЪ. ОнЪ подошедЪ кЪ плѣннику своему сЪ почтенiемЪ, утѣшалЪ его и обнадеживалЪ, что кЪ нему около полуночи придетЪ нѣкто отЪ Орбека Паши.

Сiе имя подало Курнаму нѣкоторую надежду. ОнЪ благодарилЪ своему стражу, и сказалЪ, что сЪ нетерпѣливостiю ожидаетЪ отЪ него присланного, и по семЪ казался уже не столь безпокоенЪ, а ОрбекЪ какЪ скоро уговорилЪ сего стража, послалЪ тотЪ часЪ кЪ Зирѣ по обѣщанiю своему письмо, чрезЪ которое ее увѣдомлялЪ, чтобЪ она послѣ полуночи пошла вЪ темницу переодѣвшись неволникомЪ, для того, что стражЪ не столь опасно разсудилЪ допустить до него мущину сколь женщину, что лехко подать можетЪ нѣкоторое подозрѣнiе, и потому она не боясь ничего иттить можетЪ, и онЪ будетЪ ее ожидать. Сiя великодушная любовница радуясь, что симЪ притворствомЪ облехчить можетЪ свое намѣренiе, не долго размышляла оное принять, и какЪ скоро назначенной часЪ наступилЪ, пошла изЪ своего дому одна вЪ неволническомЪ платьѣ, и

и для потребнаго случая взяла съ собою тайно кинжалъ, несмотря на всѣ прозьбы матери своей и тетки, которыя крайнѣе стараніе употребляли ее удержать, но она угрожала умертвить себя предъ ихъ глазами, по чему онѣ для того принуждены были дать ей волю. Между тѣмъ препровождали время отсудствія ея въ страхѣ и въ слезахъ; а смѣлая Заира пришла къ темницѣ, и назвавъ имя Орбека Паши получила отъ стража свободной входъ, которой отперъ ей ворота безъ всякаго шуму, и проводилъ со свѣчею въ тюрьму къ ея любовницу, и тамъ оставилъ съ нимъ одну. Курнамъ чая присланному быть отъ Орбека взглянулъ какъ скоро на сего прекраснаго невольника, то весьма изумился, узнавъ въ немъ свою любовницу, и говорилъ. Ахъ! ето ты любезная Заира пришла ободрять меня къ смерти.

Скажи лутче дорогой Курнамъ, отвѣчала она, пришла, чтобъ обязать тебя къ жизни, или ты чаешь, чтобъ моя смерть не послѣдовала твоей, и чтобъ я тебя въ несчастіи оставить могла! Дражайшая Заира, говорилъ онъ, я не сомнѣваюся о моемъ щастіи, когда ты меня въ томъ увѣряешь, будь участницею

стницею моей любви, а непечальной моей судьбины, я умираю, веселъ, когда тебя предъ концемъ моимъ еще вижу, я о томъ только печалился, что не могъ тебѣ еще сказать, что тебя люблю.

О Курнамъ, говорила Заира съ искренностію, не употребляй такихъ словъ, которые меня пронзаютъ, я хочу, чтобъ ты былъ живъ, и затѣмъ сюда пришла, чтобъ избавить тебя изъ варварскихъ рукъ жестокаго Алія. Возьми сїе платье, продолжила она, указавъ на свое, дай мнѣ свое, и бѣги сего ненавистнаго мѣста. При окончанїи сихъ словъ вынувъ свой кинжалъ, перерѣзала веревки, чѣмъ онъ былъ связянъ, и зачавши раздѣваться, принуждала его тожъ дѣлать; но Курнамъ гораздо больше смутясь симъ намѣренїемъ, нежели угрожаемымъ ему страхомъ, говорилъ. Нѣтъ, любезная Заира, я не пойду отсюда безъ тебя, пойдемъ, я согласенъ, но вмѣстѣ? Курнамъ, говорила тогда сїя прекрасная Турчанка, приставя конецъ кинжала къ своей груди, ежили ты отговариваться будешъ, то теперь увидишъ меня мертву, будь послушенъ, буде меня любишъ, и знай, что двое любителей соединенныхъ наикрѣпчайшими оковами любви, имѣютъ всегда случай другъ друга въ томъ

увѣрить; но всегда имѣютъ доказать оное другъ другу, не завидуй мнѣ въ семъ случаѣ, въ которомъ я могу тебя любовію моею увѣрить, что имѣю серце твое въ моей власти. Я знаю, что въ немъ происходитъ, вижу твой страхъ, твою опасность, и сколь тяжко тебѣ склониться на мою волю. Всѣ сіи движенія показываютъ мнѣ твою любовь, но одно только послушаніе можетъ показать мнѣ твою искренность, и удержать мою руку.

Курнамъ довольно зналъ, что можетъ истинная любовь, и не хотѣлъ Заиру приводить во отчаяніе, упалъ къ ея ногамъ, и больше своею печаліюи слезами, нежели словами изъяснялъ ей то состояніе, въ которое его требованіе ея вводитъ, но не могъ и тѣмъ обратить ее на другія мысли, видя, что она непрестанно угрожаетъ ему себя умертвить, принужденъ ей былъ повиноваться и переодѣвшись оба, она обняла его, и велѣла итти вонъ, увѣряя, что или ей не можетъ никакого зла здѣлать, потому, что онъ ему только опредѣлилъ смерть. Курнамъ зналъ сколь слабы сіи представленіи, однако не хотѣлъ ей далѣе спорить, и пошелъ къ темничному стражу, которой не узнавъ его, выпу-

стилъ,

тилЪ, и далЪ волю итти, куда сей великодушной любитель однюдЪ намѢренія не имѢлЪ скрыться вЪ безопасность. ВЪ то время, когда любимое ему насвѢтѢ подвержено страху, пошелЪ кЪ ФатимѢ, гдѢ служители его вмѢсто Заиры приняли, онЪ имЪ не открылся, но поспѢшалЪ прямо кЪ ТамарѢ вЪ камору, и потому прежде кЪ ней пришелЪ, нежели могли ее о возвращеніи его увѢдомить. Сія искренная мать такЪ какЪ и служители не знавЪ его, бѢжала кЪ нему его обнять, но КурнамЪ отнявЪ платокЪ, которымЪ закрывалЪ свое лице, и бросясь кЪ ея ногамЪ, привелЪ ее вЪ такое изумленіе, что она не могла сказать ни одного слова, а онЪ ей говорилЪ. Я пришелЪ, государыня, предать вамЪ жизнь мою за Заиру, которая гораздо немилосердее вашего Паши, привела меня уступить ей мое мѢсто. По семЪ расказавЪ ей все бывшее между имЪ и ея дочерью, привелЪ ее тѢмЪ вЪ удивленіе и вЪ печаль. Между тѢмЪ ласкала себя, что Али почтетЪ ея родЪ, и говорила. КурнамЪ! сколь ни великЪ мой страхЪ о жизни моей дочери, однако я не оставлю намѢренія ея безЪ совершенства, и твой отецЪ здѢсь вЪ городѢ, поди обрадуй его твоею свободою, и сохрани жизнь твою, дабы тѢмЪ менше Заира была безопасна.

нѣтъ, сударыня, отвѣчалъ Курнамъ, не надѣйтесь, чтобъ я удалился отъ избавленія той, которая все презрѣла для моего спасенія. Я не выду отсюда, пока любезная моя Заира не возратится изъ тюрьмы, и ежели тиранъ Али вознамѣрится ее задержать, и великодушную любовь ея признаетъ за преступленіе, то я свобожу, и ему отдамся. Тамара и Фатима напрасно противились сему намѣренію, и не возмогши склонить его къ бѣгу принуждены были намѣриться его скрыть, и ожидать съ нимъ вмѣстѣ дѣйствія будущаго дня. Можно лехко познать, что они всю ночь нималаго покою не имѣли, но препроводили оную въ безпрестанныхъ слезахъ, и не разлучались до самаго свѣту; а Заира радуясь, что избавила Курнама, ожидала дня безъ малѣйшаго страху.

Едва только показался свѣтъ, то Паша Орбекъ безпокоенъ будучи о ея намѣреніи, пришелъ къ Тамарѣ спросить, чтобъ она здѣлала, удивленіе было чрезвычайно, какъ она ему показала Курнама, и разсказала то, что дочь ея здѣлала. Онъ радуясь видя его въ безопасности, крайне старался уговорить его выйти изъ города, обѣщая облехчить его выходъ; но Курнамъ ему

ему отвѣчалъ, что хотя онъ не былъ Алїевъ плѣнникъ, однако по правамъ войны долженъ остаться въ городѣ такъ какъ его отецъ, и послѣдуя законамъ любви, долженъ жизнию своею отвѣтствовать Тамарѣ за Заиру, и будучи обязанъ честїю, должностїю и своею страстїю не выдетъ изъ города, пока не исполнитъ всей своей должности. Паша весьма радовался, видя въ немъ столь много добродѣтелей, и не возмогши его уговорить, оставилъ ихъ, и пошелъ къ Губернатору, дабы видѣть, что происходить будетъ. онъ нашелъ весь домъ его въ чудномъ смятенїи. Заиринъ обманъ увидѣли, и ни очемъ больше не говорили, только о любви сихъ двухъ любителей, и о Алїевой ярости, которой осуждалъ сїю прекрасную Турчанку къ смерти.

Всѣ знатные Офицѣры напрасно ему представляли, что ея поступки больше похвалы достойны, нежели наказанїя, и что онъ отъ войска получитъ хулу и ненависть, ежели поступитъ съ такою строгостїю, и что не можетъ Курнама какъ военноплѣннаго посправедливости умертвить, ниже погубить Заиру за его избавленїе. Орбекъ Паша говорилъ ему съ обыкновенною своею смѣлостїю, но безъ всякого успѣху, и потому отчаяли

всѣ ея жизнь. Тогда Горевъ свѣдавъ такъ, какъ и протчіе все сіе приключеніе, пришолъ показать образецъ наисовершеннѣйшаго великодушія, предать себя за ту, которая избавила его сына.

Али велѣлъ привесть предъ себя Заиру, надѣясь страхомъ мученія свѣдать отъ нее, куда Курнамъ скрылся. Сія прекрасная любовница, отвѣчала ему съ героичною смѣлостію. Тогда представилъ Горева; она увидя его, смутилась отъ страху, чтобъ сей незнакомой не открылъ ей тайности въ семъ мнѣніи. Онъ у него спрашивалъ, знаетъ ли онъ, гдѣ Курнамъ; но Горевъ не здѣлавъ ему ни малаго почтенія, отвѣчалъ, я не знаю, гдѣ онъ, но хотя бы и зналъ, то бы ты отъ меня того свѣдать не могъ. Я его отецъ, и для того только предъ тебя пришолъ, чтобъ предать себя твоей ярости на мѣсто сей прекрасной дѣвицы, которая за него умереть хочетъ: естественныя движенія неменьше любви имѣютъ искренность; я то же бы предпріялъ, что она, ежели бы зналъ опасность моего сына; но она меня въ томъ упредила, и когда она избавляетъ то, что мнѣ всего миляе, то я долженъ то здѣлать за ее, что она

для меня дѣлать хочешь. Она стала моя дочь, избавя моего сына, и такъ для избавленія двухъ дѣтей столь достойныхъ моей любви, я отдаюсь твоей ярости. Ахъ! великодушной Горевъ, вскричала Заира, можешь ли ты думать, чтобъ я прервѣвъ жизнь мою за сына, оставила отца въ страхѣ! могу ли я любить Курнама, и ненавидѣть Горева, не равно ли мнѣ оба вы драгоцѣнны, что пользы было бы твоему сыну, что я спасла его жизнь, ежели бы не предала себя и за тебя? Какими взорами могъ бы онъ смотрѣть на свою невѣсту, которая для спасенія жизни оставила въ пагубѣ того, отъ кого онъ рожденъ? можетъ ли сынъ твой быть мнѣ мужемъ, чтобъ ты притомъ не былъ мнѣ отецъ. И сіе столь любезное и столь почти темное имя не обязуетъ ли меня умереть за тебя равно какъ и за него?

Удивленія достойная Заира, отвѣчалъ Горевъ, твоя добродѣтель меня плѣняетъ; но она служитъ мнѣ примѣромъ, чѣмъ больше ты показываешь великодушія твоего сердца, тѣмъ больше дѣлаешь себя достойною той жизни, которую презираешъ, можетъ ли Курнаму мила быть полученная отъ

меня жизнь, ежели бы я допустилъ лишить его единой драгоцѣнности, которая его щасливымъ здѣлать можетъ, твои пріятности, твоя искренность и разумъ могутъ утѣшить его о лишеніи отца; но какое утѣшеніе можетъ горевъ подать его сердцу, ежели бы я твоею смертію оную искупилъ. Ахъ! любезная дочь, продолжалъ онъ ее обнявъ, разсуди, что ты еще жить начинаешъ, а я и безъ того уже прихожу къ концу дней моихъ, и нѣсколько лишнихъ часовъ не могутъ отвратить моей скорой смерти, ты и Курнамъ опредѣлены руками вашими закрыть мои глаза, и сіе будетъ противъ установленія судбины, ежели бы ты хотѣла пресѣчь путь мнѣ ко гробу.

Сей великодушной споръ произвелъ позорище столь пріятное и столь странное тѣмъ, которые притомъ были, что они слезъ своихъ удержать не могли, со всѣхъ сторонъ слышны были воздыханіи, природное Туркамъ звѣрство оставило ихъ всѣхъ въ семъ случаѣ, и отъ самаго вышняго Офицера до послѣдняго солдата не было ни одного, которой бы не просилъ за сихъ нещастливыхъ. Турецкой Офицеръ, которой

торой пленилъ Горева, подошелъ прежде всѣхъ, и говорилъ съ запальчивостію жестокому Губернатору, что онъ не можетъ безъ преступленія умертвить сего храбраго Персіанина, надъ которымъ военное щастіе здѣлало его господиномъ, по чему и самъ Султанъ права не имѣетъ съ нимъ инако поступать, развѣ отдать на промѣнъ противъ тѣхъ Турокъ, которые равнымъ образомъ впали въ руки Персіанамъ, и такъ въ противномъ случаѣ онъ будетъ справедливости искать у Султана, ежели онъ насильственно поступитъ съ его плѣнникомъ.

Орбекъ Паша подкрѣплялъ сіи слова всѣми представленіями, которые достаточными чаялъ къ приведенію Алія къ другому намѣренію; но сей варваръ тѣмъ больше раздраженъ, и одинъ только безчуствителенъ былъ. При такомъ сожалѣнія достойномъ случаѣ, велѣлъ молчать симъ великодушнымъ Туркамъ, и клялся Магометомъ умертвить Горева и Заиру, ежели Курнамъ въ двацать четыре часа не придетъ въ прежнюю свою тюрьму, и приказавъ ихъ оковать, и посадить подъ крѣпкой караулъ, пошелъ въ свои покои, нехотя слышать больше жалобъ и прозь-

бы знатныхъ служителей, которые разошлись столь смутны, какъ бы проиграли послѣднюю баталїю. Между тѣмъ сїе столь знатное дѣло распространилось во всемъ городѣ, такъ, что и у Фатимы въ домѣ стало извѣстно. Служители безпрестанно ходя съ двора, свѣдали оное тотъ часъ, но увѣрясь, что Заира возвратилась въ минувшую ночь домой, и что обманываются, включая ее въ сїе приключенїе, разсказали о томъ Фатимѣ, какъ о вымышленной баснѣ. Сїя госпожа для того только посылала, столь часто людей своихъ со двора, чтобъ свѣдать чрезъ нихъ, что чинится въ городѣ, и какъ скоро услышала сїю печальную вѣдомость, побѣжала тотъ часъ со слезами увѣдомить о томъ Тамару и Курнама. Сїя безъ утѣшная мать съ печали едва не умерла, а Курнамъ пришелъ въ ярость, и хотѣлъ тотъ часъ итти избавить отца своего и невѣсту, но Фатима удержавъ его, представляла, что имъ еще довольно времяни до употребленїя сея крайности, и что она намѣрилась итти съ Тамарою просить Алїя, ихъ вопль и слезы здѣлаютъ можетъ быть больше дѣйствїя, нежели прозьбы другихъ; но буде они нещастливы

будутъ

будутъ въ своемъ намѣренїи, то тогда уже ему свободно будетъ дѣлать то, что онъ за потребно признаваетъ къ избавленїю двухъ столь любимыхъ персонъ. Тамара согласна была сему намѣренїю, и хотѣла тогожъ часа онсе исполнить, а Курнамъ имѣя тайно свое предпрїятїе, казался тому согласенъ, и просилъ ихъ не терять времяни, дабы ему тѣмъ свободнѣе было произвесть въ дѣйство свое намѣренїе.

Они пошли не медля провожаемы всѣми служительми своими къ Губернатору. Курнамъ какъ скоро остался одинъ, велѣлъ призвать къ себѣ тотъ часъ Дауба. Сей евнухъ, которой почиталъ его за Заиру, какъ онъ въ прошедшую ночь пришолъ, и незная еще сей опасной тайны, пошелъ тотъ часъ, надѣясь какой приказъ принять отъ своей молодой госпожи; но увидя вмѣсто Заиры того Жида, котораго еще не забылъ, едва отъ ужасу устоялъ на ногахъ. Курнамъ пользуясь его молчанїемъ, подалъ ему кошелекъ полонъ Цекиновъ, чтобъ его тѣмъ нѣсколько ободрить; а потомъ разсказалъ ему все свое приключенїе и страхъ, въ которомъ находится Горевъ и Заира, просилъ, чтобъ онъ его выпустилъ изъ дому, пока

онъ во отсудствіи Фатимы и Тамары власть въ томъ имѣетъ. Чѣмъ больше Курнамъ говорилъ, тѣмъ болѣе Даубъ приходилъ во удивленіе, все слышанное казалось ему сномъ, наконецъ опомнясь, и разсуждая о важности сего дѣла по неотступной Курнамовой прозбѣ чаялъ, что лучше допустить сему молодому Персіанину отдаться въ опасность, нежели погубить Заиру, и что Тамара похулить его не можетъ за его учтивость для такой важности причины, итакъ не хотя удерживать ту помощь, которою Заира получить можетъ отъ Курнамова присудствія, отперъ ему ворота безъ всякаго отрицанія. Между тѣмъ Фатима и Тамара пришли къ Губернатору; но онъ ихъ до себя не допустилъ, подъ видомъ молитвеннаго часа, которой Магометане весьма радетельно наблюдаетъ. Сіи госпожи непремѣнно желая его видѣть, велѣли ему сказать, что они будутъ ждать и не выдутъ прежде изъ его дому, пока позволенія не получатъ его видѣть, но онъ отрицался до самой ночи, пока они принуждены стали безполезно возвратиться домой. Они въ крайнемъ отчаяніи пришли къ Заириной темницѣ, чтобъ упросить ея караульныхъ, и

ее

ее видѣть, но оные столькожъ неупросимы были какъ Паша. Такимъ образомъ они не знали больше, что дѣлать, и предались болѣзни своей и печали. Тогда Курнамъ пришолъ отдаться въ плѣнъ.

Сїе позорище, котораго они въ то время не чаяли, удвоило ихъ слезы о той кеобходимости, что онъ погибнуть принужденъ, для избавленїя Заиры. Жалкое ихъ состоянїе, въ которомъ они при семъ случаѣ находились, могло бы смягчить и самые ожесточенные сердца. Турки опредѣленные къ храненїю плѣнныхъ, не могли удержаться отъ жалости и отъ удивленїя о Курнамовомъ постоянствѣ, которой свободность имѣя себя спасти, лутче хотѣлъ умереть, нежели спасенїемъ своей жизни лишиться отца и невѣсты. Сїи столь неслыханные между ими чувствїя, привели ихъ въ великое изумленїе. Они не смѣли принять сего молодаго Персїанина не представя его прежде Пашѣ, бояся за то быть наказаны, они совѣтовали о томъ между собою, и несомнѣваясь, что онъ увидя Курнама свободитъ отца его и любовницу, намѣрились его о томъ увѣдомить, надѣясь чрезъ то Тамарѣ удовольствїе здѣлать, что она дочь свою съ собою

взять

взять можетъ; но жестокой Али приказалъ только тѣмъ, которые пришли ему о томъ донесть, чтобъ Курнама взять подъ караулъ, и подъ опасенiемъ смерти изъ тюрьмы не выпускать, отложа до будущаго утра, исполненiе своего намѣренiя. Сей темной отвѣтъ умножилъ безпокойство въ серцахъ Тамары и Фатимы, но ни мало не премѣнилъ Курнамова намѣренiя, которой убѣгая отъ дальней жалости, спѣшилъ войти въ тюрьму. безутѣшныя Тамара и Фатима не имѣя больше никакой надежды къ умилостивленiю Алiя, ходили во всю ночь ко всѣмъ знатнымъ Офицерамъ, которые имѣли нѣкоторую силу за нихъ вступиться, не забыли и великодушнаго Орбека Пашу, которой удержалъ ихъ въ своемъ домѣ до самаго утра, утѣшая ихъ сколько возможно, и желая, чтобъ они видѣли его старанiе, которое онъ къ избавленiю Горева и двухъ любителей употребить намѣренъ.

Онъ послалъ ко всѣмъ своимъ друзьямъ просить, чтобъ они по утру собрались къ Алiю, и соединили прозьбы свои о избавленiи плѣнныхъ, такимъ образомъ сiи защитители невинности препроводили сiю ночь въ движенiи. О нещастливые плѣнники въ наижесточайшемъ

шемъ страхѣ, великодушная Заира была о томъ неутѣшна, что Горевъ разрушилъ ея намѣренiе, и боялась, чтобъ Губернаторъ не исполнилъ его прозьбы, или бы Курнамъ не пришолъ. Горевъ желая одинъ быть жертвою сего жестокаго Паши, просилъ со всею искренностiю бога о спасенiи своего сына, а Курнамъ столь горячь къ своему отцу, сколь страстенъ къ своей невѣстѣ, ожидалъ съ крайнею нетерпѣливостiю того часа, въ которой смерть его свободитъ ихъ обѣихъ.

Сiи разные движенiи продолжались до наступленiя дня, какъ скоро отперли Алiевъ домъ, тогда собрались всѣ Генералы, и великое множество офицѣровъ, которые желали видѣть конецъ сего приключенiя. Орбекъ Паша пришелъ прежде всѣхъ съ Тамарою и Фатимою, которыхъ онъ привелъ до самого Алiя. Сей варварской Скифъ принялъ ихъ съ обыкновенною своею грубостiю, но матерняя горячность, здѣлавъ Тамару гораздо смѣляе, нежели она была отъ природы, принудила ее говорить. Милостивой государь! говорила она, поднявъ свое покрывало, ты видишъ при твоихъ ногахъ вдову и сестру храбраго Магомета, которые

пришли

пришли просить отъ тебя милости тремъ знатнымъ плѣнникамъ, которые никакого преступленія больше не здѣлали, только что тебѣ понравиться не могли. Горевъ и Курнамъ, дали свободу Заирѣ и Фатимѣ, моей сестрѣ безъ всякого выкупу; когда они того по справедливости требовать могли, или здѣлать ихъ плѣнными, моя дочь должна была имъ тѣми знаками благодаренія, которые она показала, а ты долженъ показать имъ милость, потому, что никто кромѣ Султана не можетъ отнять ихъ жизнь.

Али не могъ стерпѣть продолженія сей рѣчи, и пресѣкши оную въ ярости, говорилъ. Жена, невѣрная твоему отечеству, я покажу тебѣ, что имѣя власть наказывать тѣхъ, кои такъ какъ ты согласіе имѣютъ съ Султановыми непріятельми. По семъ приказалъ привесть плѣнныхъ, и не хотѣлъ больше слушать Тамару. Тогда подошли къ нему всѣ, которые притомъ были, и подкрѣпляемы Орбекомъ Пашею, всѣ силы употребляли къ умилостивленію; но онъ ихъ и отвѣта своего не удостоилъ, и дождался плѣнныхъ, не сказавъ никому ни слова. Курнама привели съ одной стороны, а Горева и Заиру съ другой. Не возможно

можно изъяснить того, что происходило въ сердцѣ отца и любовницы сего молодаго Персіанина, когда онѣ его увидѣли. Горевъ думалъ, что его взяли силою, а Заира разсуждая о любви его по своей, не сомнѣвалась, что онъ пришолъ самъ собою; но сіи разсужденія возбудили въ обоихъ равное дѣйствіе, Горевъ и Заира равно смущенныя симъ взоромъ, вскричали вдругъ, чтобъ ихъ умертвили, а Курнамубъ дали свободу, но сей молодой воинъ имъ говорилъ. О Заира! о мой родитель! какіе изъ поступокъ моихъ могутъ васъ увѣрить, чтобъ я спасъ жизнь мою вашею смертію, престанте нарушать мою честь такимъ вреднымъ мнѣ упованіемъ, умирая за тебя великодушной Горевъ, я ничего больше не здѣлаю, какъ только возвращу тебѣ то, что отъ тебя получилъ, а умирая за Заиру, исполню должность наисовершеннѣйшей любви. Али, говорилъ обратясь къ Губернатору, окончай сей споръ, ты требуешъ моей смерти, а Горева и Заиру хотѣлъ ты только умертвить во отмщеніе моего побѣга, я собою пришелъ отдаться въ твои руки, теперь исполни твое обѣщаніе, чини что хочешъ со мною, а ихъ оставь невредимыхъ.

Варваръ! присемъ вскричала Заира Пашѣ, видя изъ глазъ его Курнамову казнь, Скифъ, кровїю жаждущїй, ты не млекомъ воспитанъ искренней матери, когда ожесточаешъ сердце твое при такомъ жалкомъ позорищѣ представленномъ тебѣ въ сей день изъ любви иестества, тигры ильвицы тебя возрастили, онѣ только однѣ воспитать могутъ такого кровопїйцу, каковъ ты. Сїи слова склонили Пашу совершенно оставить остатокъ того почтенїя, которое его еще удерживало, и несмотря на вопль Тамары, и Фатимы, и прозьбы всего собранїя, осудилъ всѣхъ трехъ плѣнныхъ на смерть, велѣлъ ихъ отвесть опять въ тюрму, опредѣляя имъ казни быть послѣ полудня. Ярость его была столь велика, что бы онъ въ тотъ же часъ оную совершить велѣлъ, ежели бы не получилъ вѣдомости, что Персїане взяли нѣкоторое полезное мѣсто, и на ономъ поставили часть своей артиллерїи, и сїе принудило его немедлѣнно ѣхать для познанїя ихъ намѣренїя, а желая имѣть варварское удовольствїе видѣть казнь сихъ несчастливыхъ, отложилъ оную до своего возвращенїя. Мать и тетка Заирины вышли за нимъ омоченныя

ченныя слезами, и не хотѣли отойти отъ темничныхъ вратъ, надѣясь жалобами своими и слезами возбудить въ городѣ нѣкоторое сожалѣтельное возмущенiе; но какъ Али имѣлъ всю власть и силу, то страхъ такогожъ наказанiя удержалъ и самыхъ смѣлыхъ, и Горева и Курнама, и Заирина смерть конечно бы воспослѣдовала, ежели бы управляющiй всѣмъ свѣтомъ богъ, которой не праведныхъ наказуетъ, и защищаетъ невинныхъ во всѣхъ частяхъ свѣта, не нарушилъ сего жестокаго намѣренiя, столь удивитѣльнымъ, сколь нечаяннымъ ударомъ. Сей жестокой паша, котораго небоязливость равна была его варварству, заѣхавъ весьма далеко для осмотру непрiятельскихъ дѣйствiй, потерялъ голову свою чрезъ пушечное ядро, въ такое время, когда того отнюдь не чаяли.

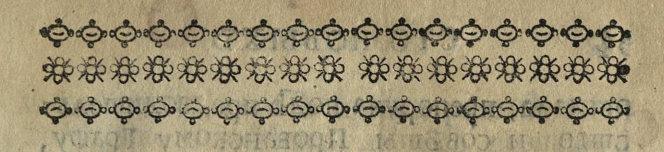
Сiе приключенiе гораздо поколебало Турокъ, которые не смотря на Алiеву жестокость, потеряли въ немъ человѣка искуснаго въ военныхъ случаяхъ, и испытаннаго въ храбрости при многихъ дѣйствiяхъ, но печаль ихъ скоро окончилась, какъ они свѣдали,

что великодушной и храброй ОрбекЪ вступилЪ на его мѣсто. Сей Паша вступя вЪ чинЪ свой сЪ согласія всей арміи, прежде всего приказЪ отдалЪ свободить Горева, Курнама и Заиру, которые чрезЪ его дружбу и дорогіе подарки, весьма скоро забыли Аліеву ярость. ОнЪ желая совершеннымЪ здѣлать ихЪ благополучіе, учредилЪ самЪ церемонію ихЪ брака, которой послѣ почтилЪ своимЪ присудствіемЪ, и сей бракЪ вселилЪ опять вЪ серца ихЪ сладостью своею то спокойство, которое страхомЪ и печальми прежде разрушено было, и имЪ засвидѣтельствовалЪ, что нещастіе одного бываетЪ иногда счастіемЪ другимЪ.

КОНЕЦЪ ПЕРЬВОЙ ЧАСТИ.

СТО

СТО НОВЫХЪ НОВОСТЕЙ

Часть вторая

Достойной приговоръ

Альфонзо вторый, сынъ раимунда беренгарія, Графа барцелонскаго, вступилъ въ младенчествѣ своемъ по смерти рамира втораго, своего дѣда, на Аррагонскій престолъ, и перьвые лѣта своего владѣнія препроводилъ подъ правленіемъ Графини барцелонской своей матери. Сія Принцесса имѣла правленіе надъ государствомъ цѣлые двѣнатцать лѣтъ съ всеобщею похвалою всѣхъ Аррагонцовъ, а какъ ужѐ сынъ ея въ состояніе пришелъ государствомъ своимъ управлять, и послѣдовать полученнымъ отъ нея премудрымъ наставленіямъ, то ему оное

 отдала

отдала, препоруча подъ предводительство и совѣты Прованскому Графу, его дяди. Сей Принцъ не имѣя законныхъ дѣтѣй, и Альфонза почитая своимъ наслѣдникомъ, крайнѣе попеченіе прилагалъ ввѣренной ему чинъ достойно исправлять. Онъ преизобиловалъ всѣми добрыми свойствами, былъ премудръ и добродѣтеленъ; однакожъ сихъ дарованій не наслѣдовалъ его сынъ рожденной отъ тайной любьви съ нѣкоторою женщиною, которой имени никто провѣдать не могъ. чрезвычайная горячность его къ сему плоду его любьви склонила откровенно признать онаго сыномъ, возвесть въ Княжеское достоинство, и представить молодому Королю, которой его не смотря на противные ихъ нравы, принялъ въ великую дружбу. Альфонзо Король Аррагонскій, былъ премудръ, милостивъ, великодушенъ, и такой великой добродѣтели, которая ему въ послѣдующія времена прозваніе *непорочнаго* исходатайствовала, подъ которымъ его потомство отъ преемниковъ его тогожъ имени отличало. Напротивъ того былъ Рамиро, побочной сынъ Прованскаго Графа, гордъ, высокоуменъ и жестокъ; но сіи страсти его скрыты

былц

были подЪ такимЪ притворнымЪ видомЪ, что не безЪ труда ихЪ познать было можно. Лъстивые его дѣла, которые онЪ во удовольствїе страстей своихЪ предпринималЪ, были столь остроумны, что почти невозможно было отЪ нихЪ укрыться, потому что онЪ тѣмЪ прежде великїя благодѣянїи дѣлалЪ, которыхЪ погубить искалЪ. Милость и благодѣянїи, которыя онЪ кому показывалЪ, были всегда открыты; а тотЪударЪ, коимЪ ихЪ послѣ того погублялЪ, столь разумно скрытЪ, и сверьхЪ того чрезЪ толь многїе руки происходилЪ, что онЪ никогда подозрительнымЪ быть не могЪ. ОнЪ умѣлЪ такЪ изрядно угождать склонности своего Государя, что сей ПринцЪ во всемЪ государствѣ своемЪ такого человѣка сыскать не чаялЪ, которой бы милости его достойнѣе былЪ сего молодаго Князя, и для того возвелЪ его на высочайшую степень.

По нѣсколькомЪ времени умерЪ Прованской ГрафЪ, и оставилЪ земли свои Аррагонскому Королю, сей МонархЪ приказалЪ сїе наслѣдство приписать кЪ своимЪ землямЪ, не думая, чтобЪ кто ему вЪ томЪ противиться могЪ,

взялъ Рамира съ собою, чтобъ участникомъ его здѣлать той чести, которую ему показывать будутъ, но Тулузской Графъ чая безспорное право имѣть къ тѣмъ землямъ, принялъ для удержанія оныхъ оружіе. Справедливость Альфонзова дѣла соединена была къ счастіемъ, чрезъ что онъ скоро получилъ надъ неприятелемъ своимъ побѣду, и Рамиро имѣлъ славу показать на баталіяхъ свою храбрость, а въ мирныхъ договорахъ свой разумъ, къ чему Тулузской Графъ хитростію сего королевскаго любимца склониться былъ принужденъ, такимъ образомъ и правомъ былъ взятъ и приведенъ подъ Альфонзово владѣніе, которой съ тріумфомъ имѣлъ въѣздъ въ городъ, и показавъ новымъ подданнымъ своимъ, сколь достоинъ онъ ими владѣть, возвратился въ Аррагонію, и пріѣхалъ въ Саррагосу съ тою надеждою, чтобъ довольствоваться тамо плодами своей побѣды; но почти не успѣлъ еще переѣхать Прованскія границы, то городъ Низа збросилъ свое иго, и зачалъ такой бунтъ, которой опасаться притчину подавалъ, что другіе города съ нимъ соединятся. Сія вѣдомость, которую Альфонзо

при

при самомъ прїѣздѣ своемъ въ Саррагосу получилъ, огорчила его такъ, что бы онъ тогожъ часа для усмиренїя сихъ бунтовщиковъ возвратился, ежели бы Принцъ рамиро его не уговорилъ, поручить ему сїе исправленїе. Альфонзо не могъ ничего отказать сему фавориту напротивъ того тотъ часъ на прозьбу его склонился. онъ не чаялъ никого способнѣе его имѣть къ сему дѣлу, и приказалъ ему немедлѣнно выступить съ войскомъ, притомъ напоминанїи чтобъ онъ при самой крайности строгость употреблялъ. Помни любезной рамиро, говорилъ ему, что я любовь страху предпочитаю, и что милость больше обязуетъ серца, нежели наисправедливѣйшая строгость. рамиро больше былъ къ гордости, нежели къ такому премудрому разсужденїю склоненъ; однакожъ обѣщалъ потому поступать. Онъ направилъ путь свой къ Низѣ, бунтовщики получа извѣстїе о движенїи его войска, приготовились оное принять, укрѣпили свой городъ въ томъ намѣренїи, чтобъ храбро противиться ихъ осадѣ, надѣясь обѣщанную помощь Тулузскаго Графа. Ихъ намѣренїе рамира не устрашило, и не удержало его похода. Онъ остановилъ свое

войско въ виду ихъ валовъ, и зачалъ укрѣплении дѣлать, съ такою прилѣжностію, изъ чего осажденныя разсудить могли, что они никакой милости не получатъ, ежели пребудутъ въ своемъ упрямствѣ: однакожъ непрестанно еще себя ласкали обѣщанною помощію, и вытерпѣли первые приступы, весьма храбро обороняяся: но съ такимъ знатнымъ урономъ, что оробѣвшіе жители главныхъ бунтовщиковъ принудили просить о договорахъ, угрожая притомъ, что они сами Принцу Рамиру городъ здадутъ, ежели они о милости его просить не будутъ. Сіе принужденіе уменшило ихъ бодрость, а притомъ видя, что Тулузской Графъ на помощь къ нимъ еще не идетъ. Послали депутатовъ въ Принцовъ лагерь, просить ево о всеобщемъ прощеніи, и подъ симъ договоромъ обѣщали сложить оружіе, отперетъ ему городскіе ворота возобновить присягу вѣрности Аррагонскому Королю, какъ истинному ихъ Государю, и всему тому себя подвергнуть, чего онъ для достовѣрности сего обѣщанія потребуетъ.

Рамиро не могъ одолѣть своей варварской склонности, чтобъ имъ совершенно простить; однакожъ принялъ

налЪ ихЪ сЪ притворнымЪ прїязтвомЪ, и представлялЪ имЪ важность ихЪ преступленїя наичувствительнѣйшими словами, говоря притомЪ, что Король доволенЪ будучи доказательствомЪ ихЪ вѣрности, не хочетЪ ихЪ наказать такЪ какЪ разгнѣванный побѣдитель; но какЪ милосердый отецЪ, а что отЪ нихЪ только зависитЪ получить его милость, ежели они начальниковЪ бунта, или по крайней мѣрѣ тѣхЪ выдадутЪ, которые ихЪ кЪ тому приводили, и такЪ только однимЪ средствомЪ могутЪ они получить совершенное прощенїе, а буде хоть мало умѣдлятЪ на сїе склониться, то онЪ указЪ имѣетЪ городЪ приступомЪ взять, и всѣхЪ безЪ всякой милости порубить, а городЪ сжечь. Посланные возвратились сЪ симЪ престрашнымЪ отвѣтомЪ, послѣ чего жители собравшись до самаго того мѣста, пробились, гдѣ военной совѣтЪ происходилЪ, отЪ котораго они трехЪ начальниковЪ бунта требовали, для утушенїя Альфонзова гнѣва. безпокойство и смятенїе умножалось каждой часЪ, на и храбрейшїе пришли во ужасЪ, и каждой хотѣлЪ для содержанїя своего имѣнїя презрѣть дружбу и жизнь своихЪ гражданЪ.

Одинъ изъ начальниковъ бунта Морнаской Графъ, человѣкъ особливыхъ заслугъ, вступившей въ сей бунтъ, только въ разсужденіи своего тестя, которой въ перьвомъ приступѣ убитъ, разсуждая по симъ обстоятельствамъ, что уже всѣ его назначили предать Королевской справедливости, и будучи въ той надеждѣ, что посвоему высокому роду и раскаянію получитъ его милость, не дожидался, того, чтобъ насильно его взяли; но представилъ себя самъ ко утѣшенію Королевскаго гнѣва. Не думайте долго, говорилъ притомъ собраннымъ чинамъ, склониться на ихъ требованіе, на меня только одного обращается всенародная ненависть. Вы можетъ быть никогда не приняли бъ оружія; ежели бы я васъ къ тому не уговорилъ. Моя знатность склонила васъ послѣдовать моимъ мнѣніямъ, я закрылъ вамъ глаза отъ той опасности, въ которой теперь находитесь мною только однимъ. Видите вы притчину онаго смятенія, въ которое я васъ ввелъ, ваши взоры, недоумѣніе ваше и молчаніе ясно мнѣ знать даютъ, что въ сердцахъ вашихъ происходитъ. И такъ не думайте долго, и когда смерть одного человѣка васъ

въ безо-

вѣ безопасность привести можетѣ, то я отдаю вамѣ себя во власть, отведите меня вѣ лагерь.

Сему великодушію всѣ удивились, и многіе отѣ жалости плакали; но никто не сыскался для отвращенія дѣйствія того, и хотя его всѣ любили, и тайно всѣ обѣ немѣ жалѣли, однакожѣ ужасѣ обладалѣ такѣ сильно всѣми сердцами, что и лутчіе друзья его оставили. Жители взяли его, и повели вѣ лагерь, обвиняли зачинщикомѣ бунта, и отдали Принцу рамиру. будучи доволенѣ ихѣ послушаніемѣ, и что получилѣ во власть свою такого знатнаго начальника, намѣрился показать надѣ нимѣ такой примѣрѣ, которой бы силенѣ былѣ другихѣ содержать вѣ ихѣ должности, велѣвѣ тотѣ часѣ публиковать всеобщее прощеніе, взялѣ городѣ, и вѣѣхалѣ вѣ оной, вѣ провожаніи своего цѣпями обложенного свѣтлѣйшаго плѣнника вѣ тріумфѣ, потомѣ его какѣ кѣ смерти приговоренного злодѣя вѣ тюрьму посадить велѣлѣ, а будучи намѣренѣ важность сего бунта прочимѣ со уличеніемѣ показать, приказалѣ публично его судить, сѣ тѣмѣ объявленіемѣ, что ему прощеніе учинено

нено будетъ, ежели онъ то за потребно найдетъ.

Графъ не надѣяся таковаго жестокаго себѣ прїему, и въ сердцѣ своемъ себя лаская, что его героичное дѣло Альфонзова фельдмаршала приведетъ въ жалость, и онъ конечно не умертвитъ такого человѣка, отъ котораго Король великихъ услугъ надѣяться можетъ, какъ скоро увидѣлъ себя въ темной темницѣ, и лишенна всякой надежды, раскаялся, что самъ себя ввергнулъ въ опасность, которой бы избѣжать могъ. Смертной страхъ прогналъ тотъ часъ храброе сердце, и оставилъ вмѣсто онаго наполненное боязни, которое всѣ малодушные разсматриванїи въ мысли ему вложили. Онъ только еще четыре года былъ женатъ на прекраснѣйшей изъ всей провинцїи женщинѣ. Пресильная любовь основала ихъ союзъ, а бракъ здѣлалъ оной еще не разрывнѣе; одна дочь была плодъ сего супружества, и рожденїемъ своимъ утвердила ихъ взаимные оковы. Онъ боясь подвергнуть ихъ опасности въ осажденномъ городѣ, изъ онаго выслалъ, и сїя молодая супруга жила тѣмъ временемъ, какъ онъ съ ея отцемъ Альфонзовой,

зовой, армїи противились, въ лѣжащемъ на нѣсколько миль отъ Низы замкѣ, призывая день и ночь бога имъ на помощь.

Ея образъ вкорененной въ сердцѣ нещастливаго Графа, представился тогда памяти его со всѣми своими прїятностьми. Онъ востренепеталъ отъ сего воображенїя, чтобъ безчестною смертїю вѣчно ея лишиться. рожденїе и любовь представили ему, какъ отцу и мужу жизнь его драгоцѣннѣйшимъ сокровищемъ, для того въ совершенномъ безпокойствїи будучи, о воображенїи себѣ предстоящей казни схватилъ, перо и изобразилъ Графинѣ грозящую ему опасность, просилъ ее прїѣхать въ Низу, и ничего не жалѣть для его избавленїя. рамиро стараясь по сїе время только еще о государственной пользѣ, и никакой особливой причины къ погубленїю Графа не имѣя, не запретилъ ему писать къ его женѣ и друзьямъ, былъ только доволенъ, оныя письма читая, потому и сїе письмо было Графинѣ вручено; но какой прежасной ударъ искренно любящей женѣ, отъ нее скрывали еще смерть ея отца, и плѣнъ ее мужа. Три дни, не имѣя она объ нихъ никакого извѣстїя,

была

была въ крайнемъ безпокойствіи, не зная что въ городѣ дѣлается, и намѣрена была сама ѣхать, несмотря на то, что всѣ ея служители крайне старались ее отъ того удержать. Въ семъ намѣреніи засталъ ее присланной отъ Графа съ письмомъ. Мучащее предвозвѣщаніе принудило ея оное наискоряе распечатать, неспрашивая ни очемъ, въ той надеждѣ, что сіе письмо овсемъ ее увѣдомитъ; но какая вѣдомость для ея любьви, руки ея дрожали, держа сіе письмо, оно казалось имъ такой тягости, которая силу ихъ превосходила, сердце ея нестерпимо было при читаніи онаго, и принудило омочить сію несчастливую бумагу цѣлыми ручьями слезъ, однакожъ преодолѣвала свои вздохи, и не хотѣла въ безприбыльныхъ жалобахъ время тратить; но сѣла тотъ часъ въ каляску, пріѣхала въ Низу, и бѣжала въ темницу. Караульные отвели ее въ крайнемъ удивленіи и со всякимъ почтеніемъ на то мѣсто, гдѣ нещастливой Графъ съ нетерпѣливостію ее ждалъ. Какъ скоро они увидѣлись, обняли другъ друга, и дали слезамъ своимъ свободное теченіе. Печальная Графиня не чая никогда въ Графѣ быть нѣкоторымъ подлости сроднымъ

сроднымъ слабостямъ, и приписывая ту, которую онъ въ семъ случаѣ показалъ, великой его любви, чувствовала чрезъ то умноженіе своей къ нему горячности. Любезный Графъ, говорила ему, обливая лице его своими слезами, уменши чрезмѣрную твою печаль. моя участь тѣмъ только зла, что ты въ нещастіи! станемъ стараться о твоемъ избавленіи, я ни очемъ столько не пекуся, скажи мнѣ только къ тому средство, покажи путь, которымъ мнѣ иттить, научи меня, и будь надеженъ, что я и самой жизни моей къ твоему избавленію не пожалѣю. Я не сомнѣваюсь о твоей любви, отвѣчалъ Графъ, умножая свои ласканіи, но сохрани боже, чтобъ я такой жалкой прозьбы отъ тебя требовалъ, поди любезная Графиня, поди у пади къ ногамъ Принца Рамира, представь ему мое раскаяніе, и обнадежь вѣрностію моею къ Королю, изобрази ему мое и твое отчаяніе, твои слезы приведутъ его въ жалость; наша сильная любовь смягчитъ его сердце; твое краснорѣчіе уговоритъ его милосердіе, побѣдитъ справедливость; а я буду имѣть удовольствіе должнымъ быть жизнію той, для которой только одной объ оной жалѣю.

Ахъ! когда бы богъ даровалъ словамъ моимъ божественную силу, отвѣчала она, его обнявъ, чтобъ они до внутренности его сердца коснуться могли! При сихъ словахъ просила его, возвращенія дожидаться съ постоянствомъ, оставила его, и пришедъ къ рамиму въ домъ просила, чтобъ допущена была его видѣть. Удивительная ея красота, которая печалью еще больше умножилась, привела всѣхъ тѣхъ въ изумленіе, которые мимо ея шли къ Принцу въ камору, каждой легко угадать могъ причину ея прихода, и каждой желалъ ей счастливаго успѣха въ ея прозьбѣ, нимало не сомнѣваясь, что столь сильные пріятности получатъ ей отъ Принца милость, ее пустили къ Принцу въ кабинетъ, и двѣри по обычаю тотъ часъ затворили. Онъ былъ въ немъ одинъ, пошелъ ей на встрѣчу, но остановился вдругъ, пораженъ будучи столь многими пріятностьми, и казался отъ изуменія почти окамененнымъ. Графиня видя его молчаніе, упала къ его ногамъ, обнимая оные, и поднявъ на него глаза свои наполненные страхомъ и печалю, говорила: Милостивый государь! вы видите у ногъ вашихъ безутѣшную жену. Морнанскій Графъ, мой мужъ, наисиль-

наисильнѣйшая любовь насъ соединила. Я принуждена умереть отъ того удара, которой по повелѣнію вашему отнимет у него жизнь, и для того прошу о себѣ и объ немъ. Я не хочу назвать его невиннымъ, онъ принялъ оружiе противъ своего Государя, вступилъ противъ него въ бунтъ; но ежели милостивой Государь, преступленiя по своимъ обстоятельствамъ больше или меньше быть могутъ, то Графское само въ себѣ заключаетъ его оправданiе. Мой отецъ былъ подданой Тулузскаго Графа, онъ принужденъ былъ принять партiю сего Принца, чтобъ меня чрезъ то получить; чего не дѣлаютъ для любви, мой мужъ послѣдовалъ только ея законамъ, и я одна причиною его преступленiя, можетъ быть вамъ небезъизвѣстна сила сей страсти, ежели сердце ваше къ ней чувствовательно, то разсудите о другихъ по себѣ самомъ, отпустите намъ оной дѣйствiе, подумайте, что смерть мужа моего Аррагонскому Королю больше удовольствiя здѣлать не можетъ, какъ только вамъ отмщенiе, а чрезъ его помилованiе будетъ онъ имѣть нынѣ и впредь въ немъ и въ его потомкахъ, тѣмъ вѣрнѣйшихъ подданныхъ, что они отъ него жизнь получили, но буде,

милостивой государь, знатность рода и раскаянïе мужа моего милости отъ васъ не получатъ, то сжальтесь по крайней мѣрѣ на мое состоянïе, въ которое вы меня смертïю мнѣ столь любезнаго мужа приведете. Для самого бога не разлучайте такъ скоро, столь твердо соединенныхъ сердецъ, не сократите часовъ нашей жизни, которые мы впредь только къ искреннѣйшему желанïю вамъ всякаго благополучïя употреблять будемъ, или прикажите, чтобъ и мнѣ съ нимъ вмѣстѣ определенная ему казнь учинена была. Пока печальная Графиня симъ образомъ говорила, и ея слова часть пламени того показывали, которымъ сердце ея по законному союзу горѣло. рамиро собиралъ въ себя искры онаго непозволеннымъ образомъ, и почиталъ ее себѣ такою добычею, которой упустить ему не надлежало. Чѣмъ больше сïя несчастливая старалась горячесть къ мужу своему изображать, тѣмъ больше чувствовалъ онъ любовь въ сердцѣ своемъ возрастающую; но не такую любовь, которую сама добродѣтель въ великодушныя сердца влагаетъ, ни сожаленïе, ни почтенïе, не были оной основанïемъ. Она происходила отъ одного только неукротимаго и страстнаго желанïя. Невѣрной

ной Рамиро былъ совершенно плѣненъ не чувствуя нималой жалости, не умяхченъ былъ ея слезами, влюбился въ нее, любя только себя, не столько чувствовителенъ былъ къ ея добродѣтели, сколько желалъ оную преодолѣть, и не столько думалъ о томъ, какимъ бы образомъ ей скрытную объявить свою любовь, которая конечно ее обидѣть могла, сколько о способахъ къ своему удовольствiю и ко утушенiю своего пламяни. Сiя наказательная страсть изгнала изъ сердца его всѣ разсужденiи чести и человѣчества. Какъ скоро она говорить перестала, то поднялъ ее въ сильнѣйшихъ движенiяхъ, и говорилъ: Счастiе вашего Графа превзошло бы благополучiе всѣхъ смертныхъ, ежели бы онъ безъ помѣшательства удовольствiе вкушать моiъ, имѣть прекраснѣйшую изъ всего свѣта супругу, отъ васъ только зависитъ его оправдать и избавить отъ смерти, склонитесь на мое пламенное желанiе, которое вложили вы въ мое сердцѣ, здѣлайте щастливымъ плѣненнаго вашею красотою, то получитъ Графъ прощенiе.

Добродѣтельная Графиня изумѣлась отъ сего безстыднаго предложенiя, побледнѣла отъ страху и печали, опу-

 стила

стила глаза свои и не могла отвѣчать. Рамиро опять говорилъ: Скажите ваше намѣренїе, теперь не время защищаться лживою добродѣтелью, вамъ надлежитъ меня счастливымъ здѣлать, или Графа видѣть мертва, на семъ договорѣ состоитъ его жизнь. Ахъ! милостивой государь! вскричала наконецъ Графиня, залившись слезами, можете ли вы милость и милосердїе начать съ преступленїя, можете ли вы безъ ужасу великодушїе подкрѣплять стыдомъ и безчестїемъ. Ахъ! нѣтъ, говорила она, бросясь опять къ его ногамъ, вы хотите искушать мое постоянство, сердце ваше великодушно, и не можетъ подлинно принять такого ужаснаго намѣренїя, моя легковѣрность весьма скоро меня безпокоить стала. Альфонзовъ любимецъ не можетъ быть не добродѣтеленъ, и его только великой милости буду я благодарна за жизнь моего мужа. Никому кромѣ себя, отвѣчалъ онъ, за оную благодарить не должны будете, ежели склонитесь на мою любовь, всѣ слова безполезны, Графъ получилъ васъ отъ отца вашего чрезъ нарушенїе вѣрности къ своему Королю, а я не могу ему безъ вашей склонности оставить жизнь, подите къ нему, суда-

рыня, можетъ быть умягчитъ васъ его взоръ, но не забудьте, я что сего дня конечно отвѣтъ имѣть долженъ, что отъ удовольствования моей любви зависитъ его жизнь, и завтре ужѐ поздо будетъ надѣяться какой премѣны. При сихъ словахъ принялъ онъ на себя паки суровой и повелительной видъ, чтобъ тѣмъ лучше скрыть отъ присудствующихъ матерію ихъ разговора, отворилъ самъ двѣри своего кабинета, и далъ чрезъ то ей знакъ итти вонъ. Печальная Графиня была послушна, пошла вонъ въ крайнемъ отчаяніи, сердце ея наполнено было великимъ къ нему омерзѣніемъ, она скрывая лице свое, шла чрезъ нѣсколько придворными служительми наполненныхъ покоевъ, которые и на самые малые движеніи своего начальника примѣчательны, и не мало изумѣлись, видя въ глазахъ ея крайнее безпокойство и отчаяніе. Въ семъ жалкомъ состояніи, пришла она опять въ тюрьму къ своему Графу, и вошедъ, говорила слезящими глазами: Надлежитъ умереть, любезной Графъ. Варварской Рамиро, неупросимъ, но хотя мои стараніи о сохраненіи твоей жизни были напрасны, однако я тѣмъ утѣшаюсь, что въ смерти тебя предускорю.

Графъ будучи извѣстенъ уже о своей смертной казни, и наполненъ великимъ страхомъ, смотрѣлъ на нее смутными глазами, и просилъ непрестанно, чтобъ она ему весь свой съ Принцомъ разговоръ разсказала. Графиня казалась смущенна, и молчала. Но отъ несчастныхъ ничто скрытно быть не можетъ, Графъ увидя, что она боится говорить, хотѣлъ знать причину. просилъ ее, и принуждалъ, и наконецъ велѣлъ ей говорить. Сїя несчастливая супруга не могла болѣе противиться, и расказала ему про весь сей нещастливой разговоръ, хотя ея стыдливости крайнѣ страдала отъ изъяснения тѣхъ словъ, кои повторять была принуждена; однакожъ умѣла въ томъ чѣмъ супругу своему и себѣ должна была, столь осторожно поступать, что и въ самомъ изображенїи сего нещастливаго приключенїя, столько добродѣтели показала, столько противности къ своему безчестїю. Между тѣмъ казался Графъ, слушая ее весьма прилѣжно, отъ часу спокойнѣе, чѣмъ долѣе она говорила, и отвѣтствовалъ ей потомъ только воображенїемъ своей казни, и тѣмъ временемъ какъ она слезами его облива-

ла

ла, говорилъ: я умру, мы не увидимъ больше другъ друга. Умремъ оба, отвѣчала Графиня, его обнимая, твоя смерть, говорилъ, здѣлается мнѣ только несноснѣе, потомъ опустилъ свои глаза, подобно такому человѣку, которой о великомъ предпріятіи размышляетъ. Я знаю твою добродѣтель, говорилъ ей потомъ не поднимая своихъ глазъ, и не могу объ ней сомнѣваться въ соизволеніи одномъ состоитъ преступленіе. Ты была бы мной не меньше любима. Ахъ Графиня! продолжалъ онъ въ насильнѣйшемъ движеніи, чего не дѣлаютъ для соблюденія того, что кто любитъ.. Не возможно изъяснить, что услыша сіи слова Графиня въ сердцѣ своемъ чувствовала, она поблѣднела отъ ужасу, стыдилась чрезвычайной слабости своего супруга, отвращала отъ него глаза свои, и вдругъ перестала показывать ему свои ласканіи. Долгое время не могла повѣрить, что бы вправду слышала, но молчаніе его и жалкіе воздыханіи открыли ей глаза; съ крайнимъ изумленіемъ увидя, что смертной страхъ прогналъ все его мужественное великодушіе и разсудокъ, усмотрѣла въ глазахъ его тайное его неудовольствіе о томъ, что

она честь свою предпочитаетъ его жизни, и что сїя добродѣтель, въ которой онъ по сїе время все щастїе свое полагалъ, теперь казалась ему знакомъ несовершенства ея къ нему любви, наконецъ отважилась она въ крайнемъ безпокойствїи и изумленїи, и смущенна различными мыслями на него взглянуть, при чемъ повстрѣчалась его взглядамъ, но вмѣсто того, чтобъ видѣть въ нихъ изображенїе той совершенной любви, которая ихъ соединяла, не нашла въ нихъ ничего кромѣ ненависти и гнѣва, встала съ трепетомъ, и внѣ себя съ своего мѣста, подняла руки свои на небо, просила у него помощи, оставила сїе нещастливое мѣсто, и пошла опять къ Рамиру. онъ увидѣлъ ее и приказалъ къ себѣ пустить, она пошла въ крайней болѣзни, и ея блѣдность весьма ясно показала, съ какимъ принужденїемъ она то дѣлаетъ, но вмѣсто того, чтобъ варварскїй Рамиро тѣмъ въ жалость приведенъ былъ, полагалъ онъ въ томъ всю драгоцѣнность своей побѣды, чѣмъ чувствительнѣе была она побѣжденной части, тѣмъ прїятнѣе ему казалось. Между тѣмъ она къ нему подошла, сей жестокой радовался о ея смутности;

смотрѣлъ

смотрѣлъ гнѣвомъ и любовїю наполненными взорами, какъ она къ ногамъ его упала, и говорилъ. Какое опять намѣренїе привело тебя сюда? Неблагодарной тиранъ, отвѣчала она ему съ рыданїемъ, непринуждай меня сказать, побѣждай варваръ, противъ моей воли, и дай тѣмъ жизнь моему мужу. При сихъ словахъ далъ сей преступникъ радости своей совершенную волю, поднялъ ее съ земли, обнялъ, и клялся вѣчною любовїю. Не бойтесь ничего, любезная Графиня, говорилъ притомъ, я буду вамъ впредь сильнѣйшая подпора, всѣ желанїи ваши исполнятся, все щастїе мое состоять будетъ въ вашемъ благополучїи, и каждой день будете видѣть новыя свидѣтельства моей любви. Она отвѣтствовала только слезами, но ему оные не были противны, уговаривалъ ее, утѣшалъ и обнадеживалъ вѣчнымъ молчанїемъ, повелъ ее въ отдаленную камору, заперся съ нею, и оставилъ при себѣ только повѣренныхъ своихъ премерзскихъ страстей.

Несчастливая Графиня пребывала въ безпрестанномъ молчанїи, и непоказывала своему недостойному любителю, ничего кромѣ слезъ и воздыханїя, но въ крайнемъ безпокойствїи о

Графѣ

Графѣ твердила только его имя. Рамиро усмотрѣвъ ее страхъ, говорилъ. Не боитесь любезная Графиня, я приказъ уже отдалъ, завтре возвратится вамъ сей щастливой мужъ, но не противтесь, что моя великая любовь прежде своимъ щастіемъ увѣрена быть хочетъ, нежели вы увидите моего соперника. Сими наисильнѣйшими увѣреніями подкрѣпляемые слова склонили Графиню вѣрить, что ея попущеніе по крайней мѣрѣ здѣлаетъ ожидаемое дѣйствіе. Она воздохнула и впала въ прежнѣе состояніе. Между тѣмъ приближился несчастливой часъ, ночь наступила, и о совершеніи своей побѣды нетерпѣливый Рамиро исполнилъ наконецъ свое тиранство. День опять насталъ, печальная Графиня выведена изъ сего премерзскаго дому тайными дорогами въ темницу, чтобъ вывесть изъ оной того, котораго жизнь она столь дорого искупила? Но увы, какой престрашной зракъ представился ея глазамъ, трупъ несчастливаго Графа лежалъ на сторонѣ, а голова на другой, кровь его текла еще ручьемъ. При семъ ужасномъ зракѣ изсохли ея слезы, вздохи ея пресѣклись, ея несчастіе было гораздо больше, нежели бы

одну

одну только печаль возбудить. Ужасъ ея поразившей не требовалъ отъ нее ничего больше кромѣ однихъ только слезъ, она вышла изъ сего престрашнаго мѣста, сѣла въ свою каляску, и возвратилась въ свой замокъ. Ея присудствїе будучи всегда служителямъ ея прїятно, возбудило въ нихъ тогда безпокойство и печаль. Служительницы ея подошли къ ней съ крайнимъ страхомъ, и старались изъ глазъ ея познать сїю пречудную перемѣну, которая въ ней видна была; но скоро свѣдали о томъ чрезъ печальное платье, котораго она просила, и смерть несчастливаго Графа стала во всемъ домѣ извѣстна. Сїя несчастливая вдова препроводила цѣлые двѣ недѣли безъ всякихъ жалобъ, и не пролила ни одной капли слезъ, пока въ домѣ своемъ надлежащей разпорядокъ здѣлала, послѣ чего оставя свою дочь, поѣхала въ Сасаррагосу съ тѣмъ намѣренїемъ, чтобъ самаго Короля просить о отмщенїи его фавориту за учиненную имъ невѣрность.

Тѣмъ временемъ, какъ она путь свой продолжала, немилосердой Рамиро ничего больше не желая, и ее столь скоро забылъ, сколько прежде ее обмануть страрался. Здѣлавъ городъ

Низу ѳеартомъ своей жестокости, велѣлъ не смотря на объявленное всеобщее прощенíе всѣхъ казнить, которыхъ партíи Морнанскаго Графа быть чаялъ, и будучи надеженъ, что страхъ смертной казни жителей сего города въ должности ихъ содержать будетъ, возвратился въ Саррагосу. Несчастливая Графиня упредила его однимъ днемъ, она по прíѣздѣ своемъ на другой день пошла во дворецъ, и дожидалась Короля, пока онъ изъ государственнаго собранíя вышелъ. Онъ окруженъ былъ великимъ числомъ придворныхъ служителей, но не столько примѣчателенъ на ихъ почтенíе, сколько на нужду тѣхъ, кои о справедливости его просить имѣли, для того смотрѣлъ на всѣ стороны, нѣтъ ли какого просителя, и тогда увидѣлъ Графиню въ печальномъ ея уборѣ. Она подошла къ нему, упала къ его ногамъ, и открывъ свое лице, говорила! Великíй Государь, я несщастливѣе всѣхъ женъ на свѣтѣ, хочу всеподданнѣйше просить тебя о отмщенíи наибольшаго насильства? Мое нещастíе подобнаго себѣ не имѣетъ, и лишенíе мое не возвратно; но чѣмъ больше оное, тѣмъ болѣе справедливости я отъ тебя

получить

получить надѣюсь. Потомъ донесла ему свое имя, и расказала все свое жалкое приключенїе, окончавъ оное прегоркими слезами. Добродѣтельный Альфонзо удивясь ее красотѣ, смяхченъ ея слезами, и разгнѣванъ рамировымъ преступленїемъ, поднялъ ее милостиво, и смотря на нее лицемъ показующимъ чистоту его сердца, говорилъ: успокой сїю чувствительную печаль: невинность и по претерпѣнномъ насильствѣ бываетъ невредима и чиста, хотя и въ безбожные руки впадетъ, но не смотря на то чиста она въ глазахъ нашихъ, твое желанїе исполнится, и обида отмстится. Величество видимое при сихъ словахъ во всемъ лицѣ сего Государя, и надежда, которую онъ Графиню утѣшилъ, вложили въ сердцѣ ея такое спокойство, какого она давно уже не чуствовала, при чемъ смотря на него съ почтительнымъ удивленїемъ вскричала? О боже мой, возможно ли повѣрить, чтобъ рамиро былъ Альфонзовъ наперстникъ! Ему въ томъ меньше славы, отвѣчалъ ей премудрой Государь, что онъ имѣлъ сїе званїе, нежели мнѣ стыда, что я его тѣмъ почтилъ; но теперь не станемъ больше ни очемъ думать, говорилъ онъ, подавъ ей ру-

ку, только о наказаніи преступленія. Поди Графиня, и прими у Королевы безопасную защиту противъ преступленія и несправедливости. Съ сими словами повелъ ее къ Королевѣ, которую о томъ увѣдомить приказалъ, представилъ ей ее, разсказалъ про ея нещастіе, и просилъ, чтобъ она ее утѣшала, зная, что добродѣтель ея лучше всего печаль несчастливыхъ утѣшить можетъ. Достойная супруга приняла Графиню весьма пріятно, оставила ее у себя, и старалась прогнать печаль ея, показывая искреннее свое сожалѣніе. Такое безпримѣрное великодушіе со обоихъ сторонъ успокоило скоро Графинино сердце, ударъ ея судьбы казался ей уже не столь чувствителенъ, она не могла лучше благодаренія богу, и симъ двумъ свѣтлѣйшимъ особамъ засвидѣтельствовать, какъ препоруча себя въ ихъ волю, и возвращеніе своей чести, стараніе о отмщеніи, и всю оставшую жизнь свою отдала ихъ власти.

Аррагонскій Король зная чрезъ Рамировы письма день его возращенія, приказалъ всѣ пріуготовленіи здѣлать къ пріятію его по своему намѣренію,

ренію, онъ хотѣлъ, чтобъ онъ ни о намѣреніи его, ни о Графининомъ пріѣздѣ извѣстія не имѣлъ, и для того всѣмъ до тѣхъ поръ молчать о томъ приказалъ, пока свою справедливость публично показать былъ намѣренъ. Его столь много всѣ любили а напротивъ того рамира столько всѣ ненавидѣли, что каждой сей приказъ съ охотою исполнить старался. Между тѣмъ пріѣхалъ рамиро въ Сарагоссу въ великомъ удовольствіи о своихъ преславныхъ дѣлахъ, и надѣясь Королевской милости, о Графинѣ Морнанской времянемъ для того только вспоминалъ, чтобъ радоваться о добромъ успѣхѣ измѣны, не имѣя нималаго подозрѣнія ни безпокойства совѣсти, ниже страха, съ тою только надеждою, чтобъ отъ всѣхъ получить новую честь и почтеніе. Первое его стараніе было итти къ Королю, но сколь велико было его удивленіе, какъ онъ во всѣхъ встрѣчающихся ему ничего не нашелъ, кромѣ холодности и пренебреженія; однакожъ шелъ своею дорогою, и намѣренъ былъ итти въ Королевской тайной кабинетъ по своему обычаю, но драбанты его удержали, и сказали, что еще спросить надобно

но, естьли Королю время. Сіи новыя поступки его безпокоили, но принужденъ былъ ими быть доволенъ, и приказалъ Королю о себѣ доложить. Король хотѣлъ ему чрезъ сей необычайной пріемъ показать свое намѣреніе, и имѣя при себѣ Королеву, Графиню Морнанскую, и знатнѣйшихъ придворныхъ служителей, приказалъ его передъ себя пустить, чая ужѐ перьвою встрѣчею гордости его довольно быть униженной. Рамиро обо всемъ что видѣлъ, чувствуя великой ужасъ, какъ скоро взглянулъ на своего Государя, тотъ часъ увидѣлъ въ глазахъ его себѣ погибель, но еще ласкалъ себя надеждою, и старался утишить свое безпокойство, и ставъ на одно колѣно, говорилъ: Я пришелъ, всемилостивѣйшій Государь, вамъ отвѣтъ дать въ моихъ поступкахъ, и обнадежить вѣрностію жителей города Низы. Я чаю, отвѣчалъ ему Король съ небреженіемъ, что тебѣ трудно будетъ дѣла твои расказывать, я избавлю тебя отъ сего труда, ты довольно знаешъ сію госпожу (говоривъ, указалъ ему на Графиню) и сомнѣваться не можешъ, что она мнѣ о томъ обстоятельное извѣстіе привезла. Рамирова изумленія

при

при взорѣ Морнанской Графини изъяснить не возможно, онъ поблѣднѣлъ, задрожалъ и упавъ къ Альфонзовымъ ногамъ, вскричалъ: я достоинъ наказанія, всемилостивѣйшій государь, признаваю мое преступленіе, и готовъ оное моею вѣрностію исправить. Сего не довольно, отвѣчалъ Король, тебѣ надобно къ тому еще и все имѣніе твое прибавить, и оное по смерти твоей съ сыномъ твоимъ отдать ей во власть. Невѣрной рамиро чая тѣмъ получить прежнюю милость, не въ состояніи былъ сему повелѣнію противиться, и склонился на все, отдавъ себя въ его волю. Альфонзо приказалъ ему не говоря больше ни слова, подать письменное утвержденіе его съ Графинею брака, укрѣпленіе ей всего своего имѣнія, которое уже изготовлено было. Онъ подписалъ оное безъ отрицанія. Графиня учинила тожъ дрожащею рукою. Послѣ чего Король и Королева почтили ее многою честію, и какъ уже всѣ пріуготовленіи здѣланы были, то повели ихъ тотъ часъ въ придворную церьковь, и тамо со всѣми церемоніями въ присудствіи Короля, Королевы и всѣхъ знатныхъ обвѣнчали, послѣ чего Король сію новую Принцессу взявъ за

руку, сказалЪ: Теперь чести твоей защищеніе учинено, и дошла очередь до отмщенія. При сихЪ словахЪ взяли драбанты поданному имЪ знаку Рамира, обезоружили его, и повели на обычайное судебное мѣсто, гдѣ ему вЪ присудствіи безчисленнаго множества народа голова отрублена, и тѣмЪ показанЪ всѣмЪ незабвѣнной примѣрЪ справедливости ихЪ Государя, и наказанія непремѣнно назначеннаго отЪ Провидѣнія преступникамЪ.

Хотя сія казнь вЪ наказаніе употребленнаго противЪ Графини насильства потребна, однакожЪ возбудила новое безпокойство вЪ ея сердцѣ. Ей не пристойно казалось послѣ сего остатся вЪ свѣтѣ, и намѣрилась посвятить себя Богу. Аррагонская Королева по своему истинному страху Божію и добродѣтели не хотѣла ее отЪ того удерживать, но имѣя кЪ ней великую дружбу не могла допустить, чтобЪ она для исполненія того вЪ Низу возвратилась, и до тѣхЪ порЪ просила ее остаться вЪ Сарагоссѣ, и дочь свою туда же привесть велѣть, пока она на то склонилась. Между тѣмЪ пребывалЪ Алфонзо непремѣненЪ вЪ своемЪ намѣреніи, и хотѣлЪ учиненной противЪ

рамира приговоръ во всемъ точно исполнить, и послалъ его въ домъ, взять сына его Фердинанда, съ тѣмъ намѣренiемъ, чтобъ его отдать Графинѣ, но печальная премѣна его отца привела имѣвщихъ смотрѣнiе надъ нимъ въ такой ужасъ, что они въ ту же ночь съ нимъ укрылись, и не смотря на всѣ учиненныя поиски не сысканы. Альфонзу было сiе тѣмъ чувствительнѣе, что онъ намѣренъ былъ его съ Графининою дочерью воспитать вмѣстѣ, и чрезъ совокупленiе ихъ несчастливую память приключенiя отца и матери въ забвенiе привесть. Графиня Морнанская, которую Король титуломъ Прованской Принцессы пожаловалъ, столько жъ о томъ сожалѣла, но для другихъ причинъ: ее намѣренiе было возвратить ему имѣнiе его отца, и Короля упросить, чтобъ онъ свободилъ его отъ наказанiя такого преступленiя, въ чемъ онъ былъ невиненъ. Онъ столько же невиненъ въ моемъ нещастiи, говорила она Королевѣ, сколько моя дочь въ рамировой смерти. Ненависть моя утушена и умерла съ нимъ вмѣстѣ, я почла бы себя недостойною вашихъ милостей, ежели бы оную еще далѣе простирать хотѣла, я желала почитать Ферди-

нанда, не такъ какъ сына моего гони-
теля, но какъ потомка свѣтлѣйшей
Альфонзовой крови, и почла бы
то за новое посрамленіе чести,
когда бы меня способною почли
предпріять нѣчто насильственное про-
тивъ его жизни. Королева будучи из-
вѣстна о тайныхъ намѣреніяхъ своего
супруга, весьма радовалась о великоду-
шныхъ Принцесиныхъ мысляхъ, и
старалась ее въ нихъ содержать, въ той
надеждѣ, что посланные для сыска-
нія Фердинанда, привезутъ его въ Са-
рагоссу, но ихъ старанiи были тщет-
ны, и Король принужденъ былъ взы-
сканіе его оставить. Посланные въ Низу
для привезенія Евланіи, дочери Графа
Морнанскаго, были щастливѣе въ по-
рученномъ имъ дѣлѣ, ихъ путь былъ
благополученъ, и сей младенецъ будучи
только трехъ лѣтъ, привезъ по прі-
ѣздѣ въ Сарагоссу весь дворъ своею кра-
сотою, и удивительною пріятностію
своего разума въ великое удивленіе. Ко-
ролева не могла на нее насмотрѣться, и
хотѣла чтобъ она съ Принцессою Конс-
танцiею ея дочерью была воспитана, ко-
торая была съ нею въ однихъ лѣтахъ.
Ея свѣтлѣйшая мать была весьма ра-
да видя дочь свою подъ смотреніемъ
емъ сей добродѣтельной Королевы, и
уступила

уступила съ охотою ей тѣ правы, которые рожденіе ей надъ нею дало: она довольствуясь нѣсколько дней тѣмъ пріятнымъ утѣшеніемъ, которое столь многія благодареніи печали ея подавали, отдала Королю все имѣніе полученное послѣ рамира и Морнанскаго Графа, а для себя оставила только чѣмъ бы въ построенномъ отъ Королевы монастрѣ, какъ простая монахиня прожить могла, итакъ постриглась въ присудствіи Королевы и всего двора. Сія церемонія совершена не меньше слезами, сколько великолѣпіемъ, потому что удивительная добродѣтель сей несчастливой Принцессы во всѣ сердца совершенное къ ней почтеніе вложила.

Какъ скоро она свѣтъ оставила, то принявъ Альфонзо вмѣсто отца и защитетеля молодую Евланію, пожаловалъ ей титулъ и достоинство Принцессы, и приказалъ ее называть Принцессою Евланіею, будучи тѣмъ намѣренъ, имя побочнаго Прованскаго Принца и Морнанскаго Графа въ вѣчное привесть забвеніе. Евланія и Принцесса Аррагонская обязались весьма скоро неразрывною дружбою, и сходство ихъ нравовъ видно было изъ ихъ удовольствія, которое онѣ въ перьвой разъ

другъ друга увидя, показывали. Съ того времени, не могла изъ нихъ одна быть безъ другой; но не столько по королевскому приказу, сколько по собственной ихъ склонности, и ни одна не имѣла безъ другой никакого веселїя и никакого удовольствїя, а тѣмъ временемъ какъ Евланїя первые лѣта свои такимъ образомъ провождала, въ возрастъ приходила, и ея красота умножалась, и Принцъ Фердинандъ при томъ дворѣ, гдѣ прибѣжище себѣ сыскалъ, возбуждалъ къ себѣ не менше удивленїя. Эволи Аррагонскїй дворянинъ, которому Рамиро попеченїе о воспитанїи его ввѣрилъ, будучи въ страхѣ, какъ выше объявлено о строгой казни его отца, увезъ его ночью послѣ смерти въ провожанїи трехъ вѣрныхъ служителей изъ Рамирова дому и изъ Сарагоссы, переодѣлся самъ въ такое платье, чтобъ его узнать не могли, и взялъ путь свой прямо къ Вѣнскому двору.

Генрихъ шестый былъ тогда Цесарь, и подъ его защищенїе отдалъ Эволи своего свѣтлѣйшаго бѣглеца, при чемъ и все нещастїе отца его объявилъ. Цесарь не могъ похулить Альфонзова приговора, но еще похвалилъ

его

его справедливость; однакожъ сожалѣлъ о Фердинандѣ, которой только былъ шести лѣтъ, и ужевъ семъ малолѣтствѣ показывалъ сколь великъ онъ со временемъ будетъ. Онъ принялъ его милостиво, и приказалъ обучать его вмѣстѣ съ Принцомъ Өридрихомъ своимъ сыномъ, которой только однимъ годомъ его былъ старѣе; но какъ великїе государи всегда такїе намѣренїи имѣютъ, коихъ простой народъ провидѣть не можетъ, то не признавалъ Генрихъ за полезно Рамирова сына публично защищать, опасаясь, чтобъ чрезъ то Королю Альфонзу не здѣлать противности, котораго союза онъ давно уже желалъ, для того объявилъ Фердинанда сыномъ Комарскаго Князя, и послалъ для лучшаго закрытїя сей лести къ нему о томъ со увѣдомленїемъ, и притомъ просить, чтобъ онъ скрывалъ недавно воспослѣдовавшую смерть своего сына, и объявилъ всѣмъ, что онъ послалъ его въ Вѣну. Сїя лесть имѣла желаемой успѣхъ, и ни одинъ человѣкъ не могъ провѣдать истинны; но Эволи вкорениъ въ сердцѣ своемъ непримиримую ненависть противъ Графини Морнанской, воспиталъ сего Принца въ поз-

нанiи его рода, и старался, не зная ея дочери, ниже ея дѣтей, ни того, что по отъѣздѣ его въ Сарагоссѣ чинилось, вселять въ сего Принца равные своимъ движенiи. Принцъ будучи еще не въ такихъ лѣтахъ, чтобъ различить моi справедливость съ отмщенiемъ, показывалъ себя сначала согласнымъ его намѣренiямъ, но какъ скоро разумъ просвѣтилъ смыслъ его, и способнымъ его здѣлалъ разсмотрѣть великость Рамирова преступленiя, то не могли естественные движенiи преодолѣть омерзѣнiя его къ такому дѣлу, его добродѣтель превосходила движенiи крови, и стыдился быть сыномъ такого отца, сожалѣлъ о Графинѣ, и чувствовалъ тайную печаль о ея ненависти, которую она противъ его имѣть принуждена, и не смотря на ненависть своего дядки, такъ укрѣпился съ прибавляющимися лѣтами въ сихъ склонностяхъ, что его сердце только случая желало доказать Аррагонскому Королю, что онъ тѣмъ больше достоинъ его милости, чѣмъ меньше отецъ его оную заслужилъ.

Цесарь радуясь, что нашелъ въ немъ столь изрядные свойства, утверждалъ его въ нихъ сколько возможно было, и намѣрился

намѣрился съ того времени обрѣсть ему у Альфонза милость, возвративъ въ его отечество. Такимъ образомъ прошло четырнатцать лѣтъ. Фердинандъ дошелъ до такой степени, когда нравъ человѣка въ состоянїе приходитъ, и показывалъ такїя удивительныя добродѣтели, что весьма скоро получилъ любовь при всемъ дворѣ своего благодѣтеля, ни одинъ человѣкъ въ душевныхъ истинныхъ дарованїяхъ ему сравняться не могъ, и всѣ большїе и малые ему удивлялись. Прекрасная Евланїя была столько же совершенна, ея чрезвычайная красота, прїятности видные во всѣхъ ея поступкахъ, благородныя движенїи, высокая добродѣтель и основательный страхъ божїй представляли въ лицѣ ея Альфонзову двору наисовершеннейшую тварь премудраго естества. Аррагонской Король и его супруга любили ее какъ свою дочь, и Констанцїя Принцесса ничего безъ ней имѣть не могла. Свѣтлѣйшая Рамирова вдова имѣла часто во уединенїи своемъ удовольствїе ее видѣть, и утверждала премудрыми своими совѣтами природные дарованїи въ ея сердцѣ; но хотя она крайнѣ старалась

скрыть

скрыть отъ ней источникъ своего несчастія, однако оное всѣмъ уже столь извѣстно было, что она оное легко провѣдать могла. Она узнала всѣ обстоятельства онаго, многія о томъ проливала слезы, и не смотря на свое глубокое покореніе Божіей воли, не могла преодолѣть своей чувствительности, которая безпрестанно ее противъ Рамировой памяти огорчала, и иногда себѣ представляла, что бы отецъ ея былъ живъ, и мать ея могла бы окончать жизнь свою въ славѣ непорочной добродѣтели, ежели бы онъ не былъ столь безсовѣстенъ и жестокъ, и такъ не въ ея власти было преодолѣть къ нему свою ненависть и омерзѣніе.

Таковые имѣли мысли Фердинандъ и Евланія, какъ Цесарь Генрихъ намѣреніе принялъ совокупить кровь свою съ Альфонзовою, и Принцессу Констанцію требовать своему сыну Фридриху въ супружество. Онъ коронованъ былъ Римскимъ и Венгерскимъ королемъ, и былъ одинъ только наслѣдникъ государства, котораго благополучіе требовало имѣть пріемниковъ его крови; того ради не находилъ Генрихъ знатнѣе и пристойнѣе

нѣе Альфонзовой Принцессы ему въ супруги, которая только двумя годами моложе была сего Римскаго Короля, и намѣрился всѣ мѣры употребить къ полученїю оной; но прежде хотѣлъ знать склонность сего двора, и притомъ старался о Фердинандовомъ возвышенїи, для того изобралъ его послать Посломъ въ Сарагоссу, дабы онъ познать могъ Принцессинъ нравъ, и какїе намѣренїи имѣютъ при семъ дворѣ, въ разсужденїи иностранныхъ Принцовъ, и объявилъ ему намѣренїе свое въ конечной надеждѣ его на то согласїя; но сей Принцъ выслушавъ его, упалъ къ его ногамъ, и говорилъ. Я нещастливѣе бы былъ всѣхъ на свѣтѣ, всѣмилостивѣйшїй Государь! ежели бы ваше велечество благодарность мою неравно почитали вашимъ благодѣянїемъ; но ежели я приму ту милость, которую мнѣ показывать изволите, то здѣлаюсь ея недостойнымъ, я изгнанъ изъ моего отечества, я бѣглецъ, и рожденъ отъ ненавидимой Королю моему крови, не будетъ ли онъ причину имѣть вѣрить, что я презираю его законы, когда прїѣду въ государство его подъ знатнымъ титуломъ

вашего

вашего Посла, я знаю, что онъ меня узнать не можетъ, и что я легко вѣрность его обмануть могу, ежели бы честолюбіе мнѣ позволило пользоваться вашимъ благодѣяніемъ, но беру смѣлость, всемилостивѣйшій государь, вашему величеству признаться, что наибольшее желаніе мое состоитъ въ томъ, чтобъ исправить преступленіе моего отца, и получить почтеніе отъ великаго Монарха. Для исходатайствованія того, надлежитъ мнѣ ему показать мои услуги, и не принимать отъ него никакого почтенія, о которомъ онъ стыдиться принужденъ будетъ, ежели послѣ свѣдаетъ подлинное мое состояніе, наконецъ я не могу, милостивѣйшій Государь, вѣчно содержать званіе Комарскаго Принца. Правда выдетъ когда ни есть насвѣтъ, и я принужденъ буду показать въ себѣ всему свѣту бѣднаго сына рожденнаго отъ знатнаго человѣка, коего память не столько безчестною смертію, сколько причиною оной у всѣхъ въ презрѣніи. Позвольте мнѣ всемилостивѣйшій государь упредить то несщастливое время, позвольте мнѣ подъ именемъ чужестранца безъ всякаго чину и безъ всякой

свиты

свиты ѣхать въ Сарагоссу, и тамо искать смерти, или случая показать Королю моему мою ревность и преданность. Сарацыны, грозятъ Аррагонїи нападенїемъ. Альфонзо вооружается наказать ихъ отважность, позвольте мнѣ первой путь взять къ чести и омыть кровїю непрїятелей моего Короля, безчестїе и преступленїе моего отца. Удивленїе, которое Цесарь имѣлъ, не позволяло ему пресѣчь его рѣчь; но увидя что Фердинандъ ожидаетъ его отвѣта, обнявъ его велѣлъ встать, говоря притомъ: Аррагонскїй Король весьма справедливъ и не соединитъ сыновней добродѣтели съ покорами его отца, когда познаетъ драгоцѣнность такого человѣка, каковъ ты. Я хвалю твою кротость и не противлюсь твоему намѣренїю, даю свободу тебѣ поступать по твоей волѣ, и изберу другова Посла; но какъ я тебя не для того въ дружбу мою принялъ, чтобъ только милость мою къ тебѣ казать, пока ты въ моемъ государствѣ, то прикажу ему на всѣ противности прилѣжно смотрѣть, которые тебѣ при намѣренїи твоемъ случаться могутъ, и велю не обьявляя

твоего

твоего имени, развѣ когда ты самъ того пожелаешъ, всегда готову быть къ твоей помощи, когда нужда того потребуетъ. Молодой Принцъ весьма обрадовался о полученіи своего желанія, и Цесарю за то благодарилъ, прося притомъ, чтобъ больше никто кромѣ его величества и Посла сей тайности не зналъ, и такъ началъ тотъ часъ пріуготовленіи дѣлать къ отъѣзду своему въ Аррагонію.

Но боясь, что ему Эволи противенъ будетъ, не хотѣлъ его съ собою взять, и просилъ у Цесаря, чтобъ онъ его для нѣкотораго дѣла въ Венгрію послалъ. Послѣ чего на другой день простился съ Цесаремъ и съ кронпринцомъ, и въ провожаніи двухъ вѣрныхъ служителей, поѣхалъ въ Сарагоссу. Онъ назвался вмѣсто Фердинанда Донъ Педромъ, желая, чтобъ его какъ простаго Гишпанскаго дворянина принимали, и такъ пріѣхалъ благополучно въ Сарагоссу, и хотя Альфонзо дѣлалъ пріуготовленіе къ войнѣ противъ Сарацыновъ, которые Гишпаніи нападеніемъ грозили, однако при дворѣ его не смотря на то, каждой день были веселія учрежденные въ честь Принцессамъ, ковалерскіе игры,

и

и звѣриные ловли показывали, какъ великолѣпіе такъ искуство и храбрость придворныхъ служителей, коихъ смѣлость еще Король ободрялъ подарками получаемыми отъ Костанціи и Евланіи. Щастіе склонно было Фердинандовымъ намѣреніямъ, и привело его въ Сарагоссу за день до назначенной кавалерской игры. Къ сему Король все свое шляхетство въ томъ намѣреніи созвать велѣлъ, чтобъ оное склонить итти съ нимъ на войну противъ Сарацыновъ. Притворный Донъ Педро нашелъ всѣхъ жителей упражняющихся въ пріуготовленіяхъ къ сему торжеству. Сей случай казался ему весьма полезнымъ къ его желанію, и намѣрился показать приономъ опытъ своей храбрости, и для того назначеннаго къ тому часа ожидалъ съ нетерпѣливостію. Сей день наступилъ. Король, Королева и Принцессы взошли на галлерею, ибо то мѣсто боицамъ отворилось. Фердинандъ пустилъ нѣсколькихъ напредъ, чтобъ видѣть силу того, которой побѣдителемъ будетъ. Сей былъ молодой и храброй господинъ Альфонзова двора, плѣненъ самъ собою; онъ пятерыхъ збилъ съ лошади, послѣ чего Фердинандъ не могъ больше нетер-

пеливости своей преодолѣть, но подъѣхавъ, требовалъ, чтобъ отворили ограду. онъ сидѣлъ на преизрядной лошади, богато былъ вооруженъ; но его статность, величавой и хорошей видъ привлекали къ себѣ глаза всѣхъ смотрителей больше нежели его уборъ. Ограду отворили, онъ объѣхалъ мѣсто и поклонился Королю, Королевѣ и Принцессамъ, которые на него смотрѣли со удивленїемъ, и тотъ часъ желали ему побѣды. Весьма извѣстно уже, какимъ образомъ бываютъ сїи кавалерскїе игры, и я за нужное не признаваю оное обстоятелно описывать, скажу только, что Принцъ того побѣдилъ, которой уже себя ласкалъ получить назначенной подарокъ; такожъ и всѣ протчїе отъ него побѣждены были, которые съ нимъ биться хотѣли, и всѣ изъ сѣдла выбиты, а его ни одинъ поколѣбать не могъ. По одержанїи совершенной побѣды повели его судьи подъ звукомъ военной музыки, къ прекрасной Евланїи, которая въ тотъ день побѣдителей награждала. Король самъ пришелъ къ ней на галлерею, чтобъ ближе его видѣть. Молодой Герой сталъ предъ Принцессою на колѣни; но не столько послѣдуя обычаю, сколько почувствованному

въ сердцѣ

вЪ сердцѢ своемЪ движенію, которые пречудные ея пріятности вЪ немЪ силою страсти возбудили, коей власть ему еще была неизвѢстна. ОнЪ скинувЪ свой шишакЪ, показалЪ всему двору такое лице, вЪ которомЪ мужество и красота видны были, и отЪ произшедшей всеобщей похвалы здѢлался вЪкругЪ его небольшой шумЪ, которой бы онЪ вЪ славу себѢ принять могЪ, ежели бы его глаза и мысли не углубились вЪ разсматриваніи одной только Евланіи. Сія Принцесса такіежЪ имѢла обЪ немЪ мысли, какіе онЪ обЪ ней. Она сЪ самаго начала брала тайное участіе вЪ его похвалахЪ, и не могла преодолѢть радостныхЪ своихЪ движеній, увидя его побѢдителемЪ. Пріятности его лица совершили то, что храбрость его начала. Она почувствовала, его видя, нѢкоторое безпокойство, отЪ котораго закраснелась, и на нѢсколько времени онѢмѢла; но Альфонзо, которому ФердинандЪ безмѢрно понравился, подошелЪ кЪ ней, и смотря на нее усмѢхаясь, говорилЪ. Ты конечно забыла Принцесса, что сей храброй побѢдитель награжденія своей храбрости отЪ тебя ожидаетЪ, ты чрезЪ сіе продолженіе лишаешЪ насЪ удовольствія сЪ нимЪ го-

ворить, и узнать его имя. Сіи слова вывели Принцесу изъ ея размышленія, она подала тотъ часъ Фердинанду Королевской портретъ въ золотомъ драгими каменьями убранномъ футляре. Принцъ принявъ оной съ глубокимъ почтеніемъ, и обратясь къ Королю, говорилъ: Сіе награжденіе, всемилостивѣйшій государь, далеко превосходитъ мою заслугу, и потому, дивиться не можно, что Принцесса сомнѣвалась меня тѣмъ почтить; но ежели желаніе о заслуженіи онаго можетъ отважностъ мою извинить, то беру дерзновеніе ваше величество подданнѣйше просить, милостиво подать мнѣ случай, чтобъ я могъ въ службѣ вашей чрезъ пролитіе крови моей себя того достойнымъ учинить. Фердинандъ умѣлъ такою пріятностію провождать свои слова, что ему всѣ сердца плѣнить весьма лехко было. Альфонзо будучи при всемъ томъ весьма чувствителенъ, что съ его великодушіемъ сходно казалось, принявъ сію прозьбу съ великою радостію, приказалъ ему встать, подалъ руку, и отвѣчалъ, что онъ ему весьма высокое мнѣніе вложилъ о своей храбрости, потому щастливымъ себя почитать

будетъ

будетъ содержать его преданность, и съ радостїю случай ему подасть себя еще больше прославить; но притомъ будетъ жизнь его щадить, дабы далѣе щастливъ быть могъ ево при себѣ имѣть. При сихъ словахъ повелъ ево самъ къ королевѣ, и ей его представилъ. Она весьма удивилась его совершенствамъ, и приняла съ великою милостїю. Альфонзо имѣя великое желанїе знать его имя и рожденїе, просилъ, чтобъ онъ его въ томъ удовольствовалъ. Фердинандъ надѣясь уже сего вопроса, не испужался, но сталъ на одно колѣно, и отвѣчалъ съ благородною смѣлостїю. Я прошу подданнѣйше, всемилостивѣйшїй Государь, отъ сего объявленїя меня свободить, я не хочу обмануть ваше величество, я называюсь Донъ Педро Аскорда, важные притчины принуждаютъ меня подъ симъ принятымъ именемъ скрывать подлинное мое имя: но ежели я щастливъ буду здѣлать себя моими услугами и вѣрностїю достойнымъ вашей милости, тогда не умѣдлю, не смотря на всѣ трудности предать себя власти вашего величества.

Король казался о сихъ словахъ изумленъ, и размышлялъ нѣсколько вре-

мени, смотря на притворнаго Донъ Педра весьма прилѣжно, такъ какъ бы самъ его вспомнить хотѣлъ. Потомъ вдругъ говорилъ ему величественнымъ видомъ. Кто бы ты ни былъ, будь надеженъ моею склонностїю, ежели дѣла твои сходствуютъ съ твоими словами, то Альфонзовъ дворъ столько безопасенъ для добродѣтели, сколько порокамъ страшенъ. При сихъ словахъ взялъ его за руку для показанїя ему той чести, которую его придворные служители ему оказать должны, и повелъ въ свой покой, въ провожанїи всѣхъ въ бою бывшихъ кавалеровъ, кои скрывая стыдъ свой, что иностранецъ ихъ побѣдилъ, и почитая то за свою должность похвалы свои съ тѣми соединяли, которые Король ему приписывалъ. Фердинандъ принималъ оные съ великою кротостїю и разумомъ, и такъ умѣлъ хранить ихъ честь, что они ему въ дружбѣ своей отказать не могли. Каждой желалъ ему прежде услужить, и имѣть его въ своемъ домѣ; но онъ не хотя никого чрезъ почтенїе другаго обидѣть, просилъ ихъ всѣхъ, чтобъ они ему свободу дали, и званъ будучи отъ Короля на балъ, которой того дня въ вечеру въ Королевиныхъ

виныхъ покояхъ быть имѣлъ, возвратился въ свою квартиру и переодѣлся такъ, чтобъ при ономъ знатно себя показать.

Между тѣмъ пошла Евланія съ Принцессою въ свои покои, готовоться къ оному балу, и какъ скоро себѣ отъ всѣхъ подозрительныхъ свидѣтелей свободу увидѣла, предалась мыслямъ своимъ, и такъ задумалась, что Констанція съ нею близко часа говорила, не получивъ отъ ней никакого отвѣта. Принцесса примѣтила ее безпокойство, когда она того незнакомаго увидѣла, для того подошла къ ней, и обнявъ любезно ее, говорила усмѣхаясь: Любезная Евланія, я боюсь быть принуждена сего иностранца ненавидѣть, и только одною быть, которой пріѣздъ его нещастливъ. Евланія закраснѣлась отъ сихъ словъ, и смотря на Принцессу смущеннымъ лицемъ, отвѣчала: Чѣмъ можетъ, онъ любезная Принцесса, навести на себя твою ненависть, и какое нещастіе тебѣ пріѣздъ его проповѣдать можетъ? Лишеніе твоего сердца, отвѣчала Констанція. Какъ скоро мы сего любви достойнаго иностранца увидѣли, такъ скоро стала ты уже непрежняя Евланія, ты смущен-

на и задумчива, твои мысли кажутся не съ тобою, и ежели я моей прозорливости вѣрить могу, то сей молодой Герой не одинъ только портретъ Короля родителя моего въ награжденіе своей побѣды получилъ. Ахъ! любезная Констанція, отвѣчала Евланія воздухнувши, сколь немилосерда твоя прозорливость, какое смущеніе возбуждаешъ ты во умъ моемъ, я не умѣю притворяться, дарагая Принцесса, и не могу отъ тебя скрыть, что сей иностранецъ перьвой изъ мущинъ, которыхъ я видала, вложилъ мнѣ удивленіе, онъ не выходитъ изъ моихъ мыслей, и я съ удовольствіемъ объ немъ говорю; но вмѣсто того, чтобъ сіи новые движеніи тебя изъ сердца моего изгоняли, они умножаютъ еще мою къ тебѣ любовь, показывая, сколь нѣжна мнѣ твоя дружба въ теперешномъ моемъ состояніи. Аррагонская Принцесса будучи намѣрена только шутить, не признавала за потребно продолжать сію шутку, увидя, что Евланія говоритъ въ правду, она не сумнѣвалась больше, что Донъ Педро сердце ея побѣдилъ, и не хотя безпокойство ея умножать безвременными представленіями, для того, говорила

ей

сей постояннымъ образомъ: я не могу понять, какимъ бы образомъ тебя то, что ты мнѣ сказываешъ, безпокоить могло, ежели Донъ Педро твоего почитанія столько по рожденію своему достоинъ, сколько по преимуществамъ полученнымъ отъ натуры быть кажется, то твои чувства объ немъ ничего хулы достойнаго не имѣютъ, моя прозорливость, любезная Евланія не довольна была примѣчаніемъ твоихъ движеній; но я и въ его глазахъ усмотрѣла, что ты въ сердцѣ его гораздо больше дѣйствія здѣлала, нежели онъ въ твоемъ. Въ знаніи склонности, которую вы кажется другъ противъ друга имѣть предвозвѣщаете, можетъ быть больше счастія, нежели ты думаешъ, образъ, которымъ онъ по видимому при здѣшнемъ дворѣ прославиться хочетъ, и съ какимъ Королевской портретъ принялъ; его кротость, когда онъ говорилъ о себѣ, благородные и величественные поступки видные во всѣхъ его дѣлахъ, весьма ясно знать даютъ, что онъ знатной крови, и я не сумнѣваюсь, что тайность отъ его роду великіе намѣреніи въ себѣ скрываютъ. И я то же думаю, отвѣчала Евланія; но сколько ни ласкаетъ сіе пред-

 ставленіе

ставленїе моей любви, однако всѣми силами стараться стану преодолѣть мою склонность, знай, что я надъ сердцемъ моимъ безъ Королевскаго повелѣнїя власти имѣть не должна, и твердо надѣюсь, что никакой иностранецъ меня не получитъ. Король мой родитель, отвѣчала Констанцїя, весьма справедливъ, и не будетъ твоему щастїю какъ бы то ни было противиться, когда заслуги съ рожденїемъ соединены. Ты по твоему рожденїю, любезная Евланїя, продолжала она воздохнувши, не можешъ опасаться той судьбы, которой я подвержена, тебѣ позволено избирать по волѣ, а я лишена того щастїя, я буду жертвою государственному благополучїю, не станутъ спрашивать ни сердца моего, ни воли, когда мнѣ супруга назначатъ, и буду со временемъ принуждена оставить то, что мнѣ всего миляе, и отдамся можетъ быть тому, кого любить не могу. Сїе возраженїе такъ чувствительно было Аррагонской Принцессѣ, что отъ слезъ удержаться не могла, а прекрасная Евланїя сожалѣя, что подала ей къ тому случай, принуждала себя то забыть, что изъ мыслей своихъ изгнать не могла, и старалась только

вывесть ее изъ того безпокойства, въ которое ее смутность ея ввела.

Тѣмъ временемъ, какъ сіи двѣ несравненныя Принцессы такимъ образомъ разговаривали, Фердинандъ возвратясь домой не менше ихъ былъ въ безпокойствіи. Евланіина красота пронзила сердце его тою стрѣлою, отъ которой онъ укрыться не могъ. Сильнѣйшая любовь обладала вдругъ его сердцемъ, и желаніе, чтобъ получить взаимную склонность, прогнало изъ мысли его прежнюю причину его пріѣзда, и стало единымъ его намѣреніемъ. Онъ свѣдалъ, что она рождена отъ той, которая причиною была смерти его отца, и сіе познаніе утвердило его въ его любви вмѣсто того чтобъ оную уменшить, или пресѣчь оной возвращеніе, и намѣрился либо умереть, или ее побѣдить, думая, что она къ Рамировой крови кромѣ ненависти имѣть не можетъ. Либо чистое и непорочное сыновнее пламя, говорилъ онъ въ себѣ, истребитъ изъ сердца ея то движеніе, которое безъ разсужденія любовь отца въ ней вкоренила, или нещастливъ будучи въ сей побѣдѣ, по крайнѣй мѣрѣ предамъ себя сей прекрасной не пріятельницѣ на жертву, умру

умру во удовольствіе ея ненависти, но прежде смерти докажу, что Фердинандъ щастливѣе быть заслужилъ. Въ сихъ мысляхъ пошелъ онъ въ назначенной къ тому часъ въ Королевины покои. Онъ ничего не уступивъ ко умноженію своихъ природныхъ пріятностей, имѣлъ удовольствіе съ великою радостію и удивленіемъ принятъ быть. Всѣ знатные собрались тамъ въ богатомъ уборѣ, но не смотря на все великолѣпіе, Евланія и притворной Донъ Педро превосходили всѣхъ. Альфонзо усматривая по лицу Рамирова сына томныя чаянія, смотрѣлъ на него весьма прилѣжно, и скоро примѣтивъ то преимущество, которое сердце его давало молодой Принцессѣ, у которой онъ отдавъ почтеніе Королевѣ и Аррагонской Принцессѣ сталъ позади стула. Между тѣмъ приказалъ Король не объявляя своихъ мыслей зачать балъ Донъ Педру и Констанціи. Ихъ искуство всѣ хвалили; но удовольствіе стало чрезвычайно, какъ онъ Евланію поднялъ, они сами себя превосходили, и такъ равно казались въ пріятности, что ими довольно нахвалиться не могли, но сколь много сія пара смотрителей плѣнила, тѣмъ

болѣе

болѣе взаимно плѣнила другъ друга, и любовь наложила на нихъ сего часа такіе крѣпкіе оковы, которые одна только смерть разорвать была сильна. Хотя Фердинандъ отъ любви былъ внѣ себя, однако почтеніе и страхъ принуждали его къ молчанію, и только говорилъ глазами, которые такъ ясно изображали движеніи его сердца, что Евланія познавъ силу ихъ взглядовъ краснѣлась, но честолюбіе ея подкрѣплялось разумомъ, и такъ умѣла себя преодолѣвать, что онъ въ ней ничего кромѣ небреженія и твердости видѣть не могъ. Онъ почиталъ себя чрезъ то нещастливѣе всѣхъ на свѣтѣ; однако скрывалъ свою печаль столь рачительно, сколько свою любовь, и совершенно чрезъ то доказалъ, что онъ достойнѣе всѣхъ ея любви. Альфонзо, Королева и Принцесса Аррагонская безпрестанно приписывали ему похвалы, и показывали многое почтеніе, и ежелибы ему сей дворъ могъ даровать удовольствіе, то никакогобъ недостатка въ сей день въ славѣ его не было, но не имѣя ничего кромѣ Евланіи въ мысли, не чувствовалъ ничего кромѣ муки. Въ томъ презрѣніи, которое она противъ его имѣть казалась,

и такимъ образомъ возвратясь опять домой, предался всему тому, что безнадежная любовь мучительнаго въ себѣ имѣетъ. Какъ скоро онъ свободу получилъ о томъ размышлять, что въ сей день ему приключилось, то при довольномъ разсужденіи всѣхъ Евланиныхъ поступокъ, чаялъ видѣть въ нихъ совершенную свою погибѣль. Она меня ненавидитъ, говорилъ въ себѣ, тайное предвозвѣщаніе, воображаетъ меня сердцу ея убійцею ея отца, сколь больше еще возрастетъ ея ненависть, ежели она меня узнаетъ? Что она тогда скажетъ! увы, сколько меня возненавидитъ, когда я ей объявлю, что Рамировъ сынъ къ ней сильнѣйшую любовь имѣетъ; но для чего мнѣ таить отъ ней сіе нещастливое признаніе, жалѣть ли мнѣ жизнь, которая ей несносна, о чемъ мнѣ больше думать, пускай она удовольствіе имѣетъ оную сократить, умру, когда ей то угодно, и престану больше мучиться такою жизнію, которая мнѣ нещастлива быть можетъ, не самъ ли Альфонзо то предъопредѣлилъ? Какіе услуги могу ему показать, которыми бы милость его заслужить могъ, а хотя бы онъ мнѣ оную и даровалъ, буду ли я тѣмъ

щастливѣе

щастливѣе, когда твердая Евланія безчувственна противъ любви моей пребудетъ?

При сихъ мысляхъ онъ остановился, и не могъ отъ нихъ во всю ночь заснуть, предпочиталъ смерть своему состоянію, и намѣрился обьявить себя на другой день, и удовольствовать Евланіину ненависть, и Альфонзовъ приговоръ своею смертію, которую онъ по его мнѣнію еще въ младенчествѣ его ему опредѣлилъ. Но сколь отдалена была сія Принцесса отъ тѣхъ движеній, которыми онъ ее обвинялъ, и сколь тяжко было ей себя принуждать къ преодолѣнію своего безпокойства. Она жаловалась Констанціи на жестокость своей судьбы, которая ея принуждала любить не знакомаго ей человѣка, которой по всѣмъ признакамъ не для ее назначенъ; ей весьма чувствительно было, что примѣтила его къ себѣ любовь, и противъ того обязана казать ему небреженіе и суровость; отъ сего воображенія залилась слезами, и своими сильными движеніями Аррагонской Принцессѣ ясно знать дала, что уже поздо одолѣваетъ ея склонность, для того она старалась ее утѣшить, и ободрясь къ побѣжденію

жденію столь вредительной покою ея страсти, и не объявлять оной тому, отъ кого оная происходитъ, до тѣхъ поръ, пока онъ самъ ей любви своей не объявитъ, притомъ обѣщала короля и королеву склонять къ познанію его рода, и ежели онъ ея достоинъ, то всею любовію его къ себѣ пользоваться, чтобъ привесть въ совершенство ихъ бракъ, наконецъ ее успокоила, но не отпустила отъ себя, не хотя допустить, чтобъ она свободу имѣла предаться опять своимъ мыслямъ, и такъ препроводили въ мѣстѣ всю ночь, въ которую Евланія никакой сладости сна вкусить не могла.

Восхожденіе солнца прогнавшаго ночную тьму, учинило иное дѣйствіе въ Евланіиномъ и Фердинандовомъ сердцахъ. Оно проповѣдывало имъ часъ ихъ свиданія, и удвояло страхъ, одну отчаяніе, другаго многія различныя мысли безпокоили. Притворный донъ Педро не въ состояніи себя находилъ итти ко двору, гдѣ только радость и веселіе видны были. Онъ сѣлъ на лошадь, поѣхалъ съ однимъ только конюшимъ за городъ, искалъ въ густотѣ великаго лѣса не далеко лежащаго того покоя, котораго отъ сна получить

лучить не могъ и ѣздя по оному выдумывалъ самъ къ своему мученію весьма жалкіе намѣреніи. Аррагонской Король еще за нѣсколько дней до пріѣзду сего Принца увѣдомился, что дикой кабанъ чрезвычайной величины, страны вкругъ того лѣса разоряетъ, и свою лютость простираетъ до ближнихъ деревень, гдѣ какъ скотину такъ и пастуховъ пожираетъ безъ разбору, для того приказалъ онъ по утру всѣмъ придворнымъ собраться его ловить, и какъ сія ловля была не столько для забавы, сколько для показанія смѣлости и храбрости, то каждой притомъ быть хотѣлъ въ той надеждѣ, чтобъ при сей ловлѣ больше чести получить, нежели при прошедшемъ кавалерскомъ бою. Потребные къ тому пріуготовлении были учинены. Король чая своего иностранца охотника быть до сей забавы, приказалъ его о томъ уввдомить, но какъ его нигдѣ найтить не могли, то сѣлъ Король съ своими придворными на лошадей, и поѣхалъ прямо въ сей лѣсъ.

Сей звѣрь сходенъ былъ больше нѣкоему страшилищу, нежели обыкновенному звѣрю, и потому не возможно было сію ловлю порядочно учредить,

для того взяли изъ крестьянъ, знающихъ всѣ пути сего лѣса, чтобъ они указали, гдѣ оной обрѣтается, притомъ уговаривались напасть на него всѣмъ вдругъ, для того, что Король ни одного изъ сихъ охотниковъ особливому страху подвергнуть не хотѣлъ, а они боялись, чтобъ Король опасности себя не предалъ; но всѣ предосторожности ихъ были тщетны, кабана нигдѣ сыскать не могли, и сія храбрая компанія принуждена была проѣхавъ весь лѣсъ, и пуская собакъ, чтобъ сего звѣря изъ мѣста его выгнать, оставить сіи мѣста, гдѣ его найтить чаяли, и гдѣ часа съ два напрасно трудились и отъ того всѣ устали. Умножающійся солнечный жаръ принудилъ ихъ нѣсколько отдохнуть, и Король хотя быть другимъ примѣромъ оставилъ прежде всѣхъ назначенной къ ловлѣ путь, и пріѣхалъ съ тремя или четырьмя кавалерами подъ густую тѣнь, а притомъ приказалъ для отдохновенія ѣхать на способные мѣста, что немедлѣнно всѣ и учинили. Король выбравъ себѣ мѣсто, сошелъ съ лошади, легъ подъ дерево, и приказалъ бывшимъ при немъ такожъ отъѣхать.

Сей

Сей государь за великими своими дѣлами мало сна вкушая, какъ скоро легъ подъ прохладную тѣнь, то тишина сей пустыни, которая только пѣнiемъ разныхъ птицъ пресѣкаема была, погрузила его въ глубокомъ снѣ. Его проводники не опасаясь никакого страху на семъ мѣстѣ весьма отдаленномъ отъ того, гдѣ сей звѣрь обыкновенно обрѣтался, привязали лошадей своихъ къ деревьямъ, пошли далѣе въ лѣсъ, оставя Короля одного, тѣмъ довольны будучи, что его голосъ услышать могутъ, а тѣмъ временемъ какъ Король и его служители сладкимъ сномъ покоились. Фердинандъ не возмогши нигдѣ, куда ни поѣдетъ, сыскать покоя, ѣздилъ почти до самаго полудня по лѣсу, и по слуху охотничьихъ роговъ, отзывающемуся по всему лѣсу, надѣясь быть великой ловлѣ, поѣхалъ отдаленными дорогами, чтобъ не повстрѣчаться симъ охотникамъ, притомъ то ходилъ весьма тихо то садился, будучи безпрестанно въ глубокомъ разсматриванiи своихъ нещастiй. Сiи мысли во все то время его безпокоили, пока кабана искали, наконецъ онъ увидѣлъ, что уже солнце весьма высоко, и не сумнѣваясь, что Принцессъ уже уви-

дѣть могъ, вознамѣрился прекрасной Евланіи объявить свою любовь, и потомъ поступать по пріятію его объявленія. Въ семъ намѣреніи возвратился онъ къ тому мѣсту, гдѣ лошадей своихъ оставилъ, и хотѣлъ ѣхать во дворецъ; но намѣренъ будучи поворотить съ одной дороги на другую, представился такой зракъ его глазамъ, которой его удержалъ предпріятой путь далѣе продолжать. Онъ увидѣлъ Короля одного лежащаго на травѣ въ глубокомъ снѣ, и престрашнаго кабана, которой ненасытенъ будучи кровію разтерзанныхъ лошадей, шолъ прямо къ нему, чтобъ и на немъ показать такуюжъ лютость. Хотя сей молодой герой, ничего при себѣ не имѣлъ, кромѣ шпаги и кинжала, которыя всегда въ дорогу съ собою бралъ, однако не долго размышлялъ, что дѣлать, но взявъ въ одну руку шпагу, а въ другую кинжалъ, сталъ между Альфонзомъ и симъ лютымъ звѣремъ, чрезъ что пресѣкъ ему путь, и принудилъ всю лютость его обратить на себя, а симъ препятствіемъ раздраженной, звѣрь хотѣлъ ему тотчасъ за то отмстить своими престрашными зубами; но Принцъ какъ скоро увидѣлъ раствореной ротъ его,

вон-

вонзилъ въ него кинжалъ свой съ такою силою, что горло ему все перерѣзалъ, и конецъ желѣза прошелъ ему въ шею. Отъ сей чувствительной раны принужденъ онъ былъ нѣсколько отступить назадъ, а храброй Фердинандъ пользуясь робостїю своего жестокаго непрїятеля, вонзилъ ему шпагу свою по самой ефесъ въ сердце, такъ что онъ къ самымъ королевскимъ ногамъ мертвъ упалъ. Альфонзо проснулся отъ сего паденїя, вскочилъ въ великомъ страхѣ, и смотрѣлъ на всѣ стороны, желая узнать, что его разбудило, но сколь велико было его изумленїе, какъ онъ увидѣлъ Донъ Педра въ крови, а престрашнаго кабана мертва на земли лежаща. Ему казалось сїе сномъ; однако опамятовавшись, позналъ величину того страха, отъ котораго сей молодой герой его избавилъ, и спрашивалъ, не раненъ ли онъ, и увѣдомясь, что онъ не поврежденъ, обнялъ его съ великою любовїю, и говорилъ: Я долженъ тебѣ моею жизнїю, ты можешь всего отъ благодарности моей ожидать, но требую отъ твоего великодушїя, чтобъ ты при сей оказанной мнѣ великой услугѣ объявилъ свое рожденїе, дабы невѣденїе мое не прину-

дило меня погрѣшить, и такого человѣка принимать какъ незнакомаго, которой достоинъ наибольшей чести.

Ахъ! милостивѣйшій государь! вскричалъ на сіе Фердинандъ, бросясь къ его ногамъ, въ какое великое смущеніе приводятъ меня ваши неописанные милости, вы открываете мнѣ гораздо больше прежняго, соединенное съ рожденіемъ моимъ нещастіе. Когда я по повелѣнію вашему открыть принужденъ, сколь мало я достоинъ вашей милости. Я ничего такого не здѣлалъ, милостивѣйшій государь, что бы вы награждать причину имѣли, ваша жизнь мнѣ моей дороже, и я на то рожденъ, чтобъ умереть за ваше величество! я почелъ бы себя весьма щастливымъ, ежелибъ пролитіемъ всей крови моей за ваше величество, могъ изъ сердца вашего загладить несчастливую память, и показать къ себѣ совершеннаго вашего величества подданнаго! О Небо, отвѣчалъ сей Монархъ, возможно ли, чтобъ ты въ Аррагоніи родился, и что мои чаянія правдивы? Скажи, не бойся ничего предъ такимъ государемъ, которой благодарность почитаетъ выше всѣхъ добродѣтелей.

Я знаю великодушїе вашего величества, отвѣчалъ онъ, меня нѣкая боязливость склонила скрыть мое имя и рожденїе, сверьхъ того и жизнь мнѣ не столь прїятна, чтобъ я стараться хотѣлъ оную беречь; но прежде хотѣлъ вашему величеству быть полезенъ, и не прежде представить нещастливаго Рамирова сына, пока не лишусь жизни моей за вашу освященную особу. При окончанїи сихъ словъ, хотѣлъ упасть къ его ногамъ; но Альфонзо отъ того его удержалъ, и подавъ руку ему съ прїятнымъ лицемъ, говорилъ: Встань Фердинандъ, добродѣтель уничтожаетъ въ глазахъ моихъ все бывшее, я не стану въ тебѣ Рамирову, но мою собственную кровь признавать, и съ радостїю нахожу опять сына той Принцессы, которая мнѣ была мила, и подъ симъ званїемъ даю тебѣ при мнѣ должную честь и мѣсто; но какая, скажи мнѣ, страна свѣта скрывала тебя такъ долго отъ твоего отечества, и по какому счастливому случаю ты въ оное опять прибылъ? Я ничего не скрою отъ вашего величества, отвѣчалъ Фердинандъ, прошу только выслушать мои приключенїи безъ всякихъ свидѣтелей.

Аррагонскій Король намѣренъ былъ ему отвѣчать; но въ томъ помѣшалъ ему пріѣздъ всѣхъ охотниковъ, коихъ нѣкоторые крестьяне увѣдомили, что кабана въ сей странѣ видѣли, и для того они всѣ въ той надеждѣ собрались, чтобъ его умертвить. Ржаніе и топотъ лошадей и крикъ столь многихъ людей разбудилъ бывшихъ въ королевской свитѣ, и такъ они вмѣстѣ съ прочими пришли предъ короля. Изумленія ихъ описать не возможно, какъ онѣ его одного съ Дономъ Педромъ, и при нихъ мертваго кабана въ крови лѣжаща на семъ пустомъ мѣстѣ увидѣли, причемъ они разговаривали столь спокойно, какъ бы никакого страха не видали, они остановились всѣ испужавшись и застыдившись, и не смѣли просить ихъ о изъясненіи сего приключенія, но только въ великомъ смущеніи молчали. Альфонзо провидя причину ихъ молчанія, смотрѣлъ на нихъ усмѣхаясь, и съ такимъ видомъ, которой имъ проступокъ ихъ знать давалъ, и притомъ говорилъ: Мы пріѣхали сюда съ цѣлымъ войскомъ, для сего престрашнаго звѣря, но не токмо его умертвить, да и видѣть его не получили, а Донъ Педро и не искавъ его, но увидя что

онъ меня намѣренъ растерзать, побѣдилъ и умертвилъ его одинъ. больше онъ ничего имъ не сказалъ, чтобъ не умножить ихъ изумленія, сѣлъ на лошадь и приказалъ Донъ Педру за собою ѣхать, и прямо возвратился въ Саррагосу, причемъ Донъ Педро вовсю дорогу ѣхалъ подлѣ его. Король пошелъ въ великой нетерпѣливости въ свои покои, желая вѣдать, какою осторожностію онъ укрыться могъ отъ посланныхъ для сысканія его вовсю Аррагонію, для того пошелъ съ нимъ одинъ въ свой кабинетъ, и съ великою радостію его принявъ, говорилъ: Теперь мы одни, любезной Фердинандъ, ты можешъ мнѣ все раскавать, что тебѣ съ ребячества твоего приключилось; а что бы ты тѣмъ на то скоряе склониться могъ, то вѣдай, что я никогда не намѣренъ былъ тебя участникомъ здѣлать Рамирова нещастія, справедливость требовала того, что я надъ нимъ здѣлалъ, но совершенно зная великодушіе неприятельницы, не опасался, чтобъ ненависть ея до тебя простиралась, твое увезеніе лишило тебя опытовъ моей милости, которые я тебѣ оказать былъ намѣренъ, теперь чрезъ твою откровенность любезной Фердинандъ дай опять поводъ

дѣйствовать моему великодушію, забудь, что ты говоришь съ Аррагонскимъ Королемъ, или когда и вспомнишъ о томъ, то только для того, чтобъ ты откровеннѣе со мною говорить могъ.

Столь великою милостію и великодушіемъ внѣ себя приведенный Принцъ упалъ къ его ногамъ, благодарилъ со всею искренностію за сію милость, и не возмогши за то ничемъ больше благодарѣнія своего показать, какъ только скорымъ послушаніемъ, донесъ вѣрно все приключившееся ему съ того времени, какъ его дядька изъ Сарагоссы увезъ въ Вѣну, а притомъ не хотя умолчать показанные ему отъ Цесаря благодѣяніи, открылъ всѣ его стараніи, которые онъ о воспитаніи его подъ именемъ Комарскаго Принца показывалъ, обьявилъ имѣвшее намѣреніе его, какъ онъ его Посломъ ко Аррагоскому двору избрать хотѣлъ, чтобъ просить Принцессу Констанцію Принцу его въ супругу, не скрылъ и той причины, которая принудила его отказаться въ сей чести, то есть превеликое его желаніе, чтобъ не казаться ему прежде, пока руку свою въ службѣ его не прославитъ, и не загладитъ своими добро-

добродѣтельми, памяти преступленія своего отца. Сіе то, милостивѣйшій государь, продолжалъ онъ, принудило меня подъ прінятымъ именемъ пріѣхать въ ваше владѣніе, при послѣднемъ торжествѣ я получа способной случай съ честію представить себя вашему величеству, призналъ знатную должность онаго не упускать, и щастіе мое даровало мнѣ получить за то такое награжденіе въ портретѣ моего государя, за которое бы я жизнь мою оставить хотѣлъ; но увы, та рука, отъ которой я оное получилъ, подала мнѣ оной съ провожаніемъ такого нещастливаго покою моему взора, что больше ни малой надежды имѣть не могу получить то, къ чему былъ намѣренъ. Я знаю, что мнѣ почтеніе воспрещаетъ объявить вашему величеству мою любовь, но ваше величество сами мнѣ приказать изволили ничего не утаить, и мое теперешное безпокойство мыслей столь сходственно съ причиною перьваго моего нещастія, что я принужденъ для предупрежденія новыхъ злополучей вашему величеству оное открыть. Любовь! милостивѣйшіи государь, преодолѣла всю мою добродѣтель. Сія нещастливая

страсть

страсть, которая была источникомъ нещастія моему отцу, будетъ причиною моей смерти, несравненная Евланія дочь Графини Морнанской, наложила на меня оковы, которыхъ ни что кромѣ смерти снять не можетъ. Я не сомнѣваюсь о той ненависти, которую она имѣетъ къ рамировой крови; потому не сомнѣваюсь и о той, которую обратитъ на меня, ежели свѣдаетъ мою природу, и такъ не надѣюсь ничего отъ любви моей, кромѣ досады и мученія; однако не смотря на столь многія препятствіи, и на самую надежду къ преодолѣнію оныхъ, мнѣ не возможно утушить мое пламя, и та сила, которую оно въ такое краткое время надъ сердцемъ моимъ взяло, весьма ясно мнѣ показуетъ, что преступленіемъ отца моего разгнѣванное Провидѣніе не довольно его наказаніемъ, но и меня хочетъ пожрать Евланиною ненавистію. Отпустите мнѣ всемилостивѣйшій государь, продолжалъ онъ, падши къ Альфонзовымъ ногамъ, что я слабости мои вашему величеству открываю, и буде вамъ моя откровенность отважною кажется, то примите ваше величество тѣ чувствіи, которые съ сею любовію

вію соединены извиненіемъ моей дерзости: я хотя искреннѣ люблю Евланію; но притомъ располагаю желаніи мои по ея добродѣтели, и ни вчемъ себѣ такого счастія не нахожу, какъ въ ея противъ меня ненависти. Я ничемъ инымъ то получить желаю, токмо чрезъ мое почтеніе, чрезъ мои услуги и преданность, не видя нималой вѣроятности къ полученію сего щастія, прошу ваше величество милостивѣйше позволить мнѣ искать себѣ смерти въ войнѣ противъ вашихъ непріятелей, и не объявлять прежде моего рода, развѣ по лишеніи моей жизни.

Храброй Фердинандъ говорилъ съ такою пріятностію, и такимъ плѣняющимъ образомъ, что Аррагонскій Король въ великомъ удовольствіи о благородности его мыслей и чувствій поднялъ его, и съ пріятнымъ видомъ, говорилъ: Живи дорогой Фердинандъ, живи для Евланіи, ея ненависть противъ отцовой памяти, скоро принуждена будетъ уступить мѣсто заслугамъ его сына, я не такъ плѣненъ, какъ ты, и потому лучше познать могъ внутренія ея движеніи, но нельзя ея винить, что она предать-

предаться онымъ опасна; потому что тебя не знаетъ, станемъ представлять ей только Принца, покажемъ ей его тако подъ именемъ побѣдителя въ кавалерскихъ играхъ, и моего избавителя, подъ симъ скрытнымъ званіемъ, одобри ей твои услуги, и оставь имѣть мнѣ о прочемъ стараніе.

Ахъ! милостивѣйшій государь! вскричалъ Фердинандъ, я лучше приму наимучительную смерть, нежели подумаю Евланіи хоть мало принужденіе дѣлать, она безъ сомнѣнія вамъ всегда послушною себя показывать будетъ; но какая печальная отрада, плѣненному и любящему сердцу получить то, чрезъ страхъ и послушаніе, чего оно чрезъ одну только любовь участнымъ быть желаетъ. Альфонзо позналъ изъ сихъ отъ сердца происходящихъ словъ ту разность, которую Небо здѣлало между нравовъ сего Принца и Рамировыхъ, не скрылъ отъ него свою о томъ радость, и приписывалъ ему достойную похвалу, обнадеживая, что никогда сей Принцессы противъ воли ея принуждать не будетъ. Я не для того принялъ ее въ мое защищеніе, говорилъ онъ, чтобъ быть

ея тираномЪ, я здѣлаю ея и тебя щастливыми, и для совершенія того не буду ничего кромѣ любови твоей употреблять, когда ты подЪ именемЪ Комарскаго Принца побѣдишЪ ея суровость, когда ты ее чувствительною здѣлаешЪ, и она согласится на любовь твою, то мнѣ не трудно будетЪ получить конецЪ моему намѣренію, и безЪ избавленія искренности ея дать тебѣ подлинное твое имя, послѣдуй предписанному тебѣ отЪ меня закону, и будь надеженЪ, что я только доказать ищу, какимЪ образомЪ я пороки наказывать, а еще болѣе добродѣтель награждать умѣю.

ФердинандЪ отвѣчалЪ на сіи слова почтительнымЪ поклономЪ, которой Короля увѣрилЪ его послушаніемЪ, и по успокоеніи своихЪ мыслей чрезЪ дарованную ему отЪ сего Монарха надежду, обратилЪ разговорЪ, коимЪ образомЪ желаетЪ Цесарь получить Аррагонскую Принцессу вЪ супругу своему Принцу, и умѣлЪ при семЪ случаѣ благодарность свою кЪ нему, и свою должность Альфонзу столь осторожно употреблять, что сей Король не меньше былЪ доволенЪ его разумомЪ, какЪ храбростію, и сЪ

того

того дня возъимѣлъ къ нему великую любовь, но не признавая за полезно спѣшить симъ бракомъ, ему отвѣчалъ, что сей бракъ есть дѣло государственное, которое требуетъ великаго разсужденія, и что прежде ожидать хочетъ, для того отъ Цесаря пословъ и его требованія, а между тѣмъ какъ ево бракъ не принадлежитъ до государственныхъ дѣлъ, хочетъ только помышлять о томъ удовольствіи, съ которымъ совершить оной желаетъ; потомъ предписалъ ему, какимъ образомъ онъ по желанію его поступать долженъ, и приказалъ ему готовиться итти къ королевѣ.

Фердинандъ былъ послушенъ, удалился отъ множества придворныхъ, которые его при выходѣ изъ королевскаго кабинета окружили, и пошелъ наполненъ ласкательною надеждою въ свою камору. Тѣмъ временемъ какъ онъ послѣдовалъ своимъ мыслямъ, которые весьма отмѣнны были отъ тѣхъ, кои онъ имѣлъ въ минувшую ночь, пронесся слухъ, что Альфонзо находился въ смертномъ страхѣ, и оной слухъ дошелъ до королевы, которая тотъ часъ пошла въ прово-

провожанїи Констанцїи и Евланїи въ Королевскїе чертоги, и пришла въ самое то время, какъ онъ всему присудствїю объявлялъ, что Донъ Педро есть Принцъ Коморскїй, которой имѣя желанїе видѣть свѣтъ, и получить случай прославить себя своею храбростїю, намѣренъ осмотрѣть знатнѣйшїе Европѣйскїе дворы скрытно, и безъ всякой свиты, дабы тѣмъ избѣжать всѣхъ церемонїй и принужденїя, коимъ обыкновенно Принцы бываютъ подвержены. Королева и Принцесса не примѣтя въ Королѣ ничего показующаго бывшей его страхъ, которой чувствовали онѣ изъяснененїями, довольно искренность ихъ къ нему показующими, а особливо Королева, которой совершенная любовь къ ея супругу, при всемъ ея чувствителъною дѣлала, что бы ему приключиться могло. Альфонзо встрѣтя ее, благодарилъ съ великою искренностїю за ея объ немъ сожалѣнїи, обнадежилъ ее своимъ совершеннымъ здравїемъ, и публично разсказалъ свое приключенїе съ великою хвалою Донъ Педровой храбрости и мужества. Когда неизвѣстной Донъ Педро, Государыня, говорилъ онъ, заслужилъ

отъ васъ похвалы и удивленіе; то Принцъ, для своего разума, и для своей красоты достоинъ отъ васъ совершеннаго почтенія, однимъ словомъ вы должны за жизнь мою благодарить Коморскаго Принца. Прекрасная Евланія не могла столько скрыть радости своей о сей вѣдомости, чтобъ Король оной не примѣтилъ, но онъ притворился будто того не примѣтилъ, и продолжалъ похвалу о Фердинандѣ, притомъ просилъ Королеву, чтобъ она помогла ему показать достойное благодареніе. Я давно чаяла, отвѣчала Королева, что Донъ Педро не таковъ какъ себя объявилъ. Онъ возбудилъ уже въ сердцѣ моемъ истинное къ себѣ почтеніе, а сія услуга, которую онъ мнѣ съ презрѣніемъ жизни своей въ избавленіе Короля моего отъ смерти показалъ, дѣлаетъ мнѣ его весьма драгоцѣннымъ.

Его принуждаютъ нѣкоторые тайные причины, говорилъ Король, прожить нѣсколько времени въ Сарагоссѣ; но какъ я его здѣсь удержать намѣренъ, и позналъ, что Евланія его больше, нежели моя прозьба склонить можетъ, то прошу тебя, говорилъ обратясь къ ней, постараться уговорить его, чтобъ онъ у насъ остался. Сей Принцъ, милости-

лостивѣйшій государь, отвѣчала она закраснѣвшись, столь краткое время еще находится при вашемъ дворѣ, что я никакой власти надъ волею его имѣть нечаю, и однѣ только милости вашего величества могутъ его здѣсь удержать. Я охотно раздѣлю съ тобою, отвѣчалъ онъ усмѣхнувшись, дѣйствіе его угодности; но ты здѣлаешъ мнѣ не малое удовольствіе, ежели будешъ главною оной причиною. При сихъ словахъ подалъ онъ Королевѣ руку, чтобъ вести ее въ ея покои, куда Фердинандъ притти приказъ имѣлъ. Всѣ придворные были тамо въ собраніи, и тѣмъ временемъ, какъ нѣкоторые старались узнать причины пріѣзда Коморскаго Принца, а Принцесса Констанція съ Евланію о семъ приключеніи разговаривала, вошелъ Король съ Королевою въ свою камору, и открылъ ей Фердинандову тайну и свое желаніе, чтобъ утушить пламя ненависти и мщенія въ Рамировой и Морнанскаго Графа фамиліяхъ чрезъ совокупленіе ихъ дѣтей. Королева храня при всѣхъ случаяхъ страхъ божій питающій ея сердце, находила сіе намѣреніе весьма со онымъ сходно, и зная, что Алфонзо сіе совокупленіе еще въ дѣт-

скихъ лѣтахъ Фердинандовыхъ и Евланїиныхъ опредѣлилъ, стала съ того часа оному вспомоществовать, и обѣщалась Королю, хотя не сомнѣваясь о Евланїиной противности ко всему тому, что съ Рамиромъ нѣкоторое свойство имѣетъ, крайнѣ стараться, склонить ее къ принятїю его воли безъ принужденїя, лаская себя такъ какъ и онъ, что видимые Фердинандовы заслуги безъ труда преодолѣютъ все противное ея объ немъ мнѣнїе, и что когда любовь обладаетъ ея сердцемъ, то ей возбудивши оную равно подъ всѣми именами онъ милъ будетъ.

Альфонзо увѣдомилъ ее о своихъ намѣренїяхъ, и дабы тѣмъ удобнѣе достигнуть къ исполненїю оныхъ, не хотѣлъ присемъ случаѣ нималоупотреблять своей знатности, потому что его честь важное участїе имѣла въ публичныхъ поступкахъ противъ сей Принцессы, и какъ конецъ сей лести, которую онъ къ побѣжденїю ея ненависти употребить намѣрился, было ихъ законное совокупленїе, то Королева безъ труда на оную согласилась, и обѣщала съ радостїю въ томъ помогать. Въ то самое время какъ онѣ о семъ разговаривали, былъ разговоръ Евланїинъ

и Принцессы

и Принцессы Арагонской, столько же важенъ. Констанція по своему веселому нраву пользуясь отсутствіемъ своихъ родителей, говорила ей усмѣхаясь: Теперь я отпущаю тебѣ, любезная Евланія, твою завидливость, смутность и всѣ движеніи, которыми сердце твое повреждено. Отъ сего дня принимаю сторону Коморскаго Принца вмѣсто того, чтобы движеніи твои хулить.

Такъ вы хотите лишить меня того щастія, чтобъ при васъ быть, отвѣчала она также усмѣхаясь, ибо мнѣ уже не возможно кажется совокупившись съ Коморскимъ Принцомъ быть въ Аррагоніи. Я признаюсь притомъ, что меня сія мысль удерживаетъ столь чувствительной быть, какъ вы того желать кажетесь; притомъ удовольствіи, что мое почтеніе не такого человѣка избрало, которой бы оное возбудить былъ не достоинъ, я радуюсь, что онъ Принцъ: но притомъ крайнѣ печалюсь, что чужестранецъ. Хотя сіи слова, отвѣчала Принцесса, обо мнѣ весьма обязательное мнѣніе показываютъ, однакожъ они несходны съ твоими мыслями, и я вижу изъ нихъ больше любви къ твоему отечеству, нежели ко мнѣ, потому что ты не знаешъ,

что я не рождена препроводить въ немъ жизнь мою, и что ты хотя бы и за Аррагонца вышла столь же мило увѣрена быть всегда со мною, и такъ не употребляй, любезная Евланія такихъ вымысловъ къ прикрытію искреннихъ твоихъ движеній. Коморской Принцъ любви достоинъ. Онъ умѣлъ тебѣ понравиться, Король мой родитель столько же видитъ какъ я, что любовь побѣдила его сердце, для того онъ тебя просилъ, чтобъ ты его здѣсь удержала, для чегожъ ты хочешъ скрывать такую склонность, которая пріуготовляетъ вѣчное благоденствіе

При окончаніи сихъ словъ, вошли Король и Королева къ нимъ въ камору. Ихъ приходъ помѣшалъ Евланіи отвѣчать, а хотя бы оной ее отъ того не удержалъ, то Фердинандово присудствіе, которой въ тожъ время въ камору вступилъ, умножило такъ ея смущеніи, что ей не возможно было выговорить ни одного слова. Принцъ подошелъ къ Королю, показать свое почтеніе. Король взялъ его за руку, и представя его королевѣ говорилъ ей. Ето избавитель мой, сударыня, храброй Принцъ Коморской, котораго я прошу принять

въ вашу

въ вашу дружбу. Потомъ хотѣлъ Фердинандъ поклониться ей въ землю, но она удержавъ его, подала ему руку свою поцѣловать, и говорила: Весьмабъ было трудно, дорогой Принцъ, отказать тебѣ въ совершенномъ нашемъ почтенiи, и я приняла бы худое мнѣнiе о тѣхъ, которые бы тебѣ показать оное отреклись. Почтенiе вашего величества, отвѣчалъ онъ ей, милостивѣйшая государыня! столь преславно, что мнѣ ничто не трудно будетъ здѣлать себя того достойнымъ, и ни о чемъ столь великаго желанiя не имѣю, какъ оное заслужить; потомъ подошелъ онъ къ Принцессамъ, и показалъ Аррагонской должное ей почтенiе. Констанцiя приняла его весьма милостиво, и благодарила съ искренними изъясненiями за избавленiе Короля ея родителя. Когдажъ ему съ Евланiею говорить очередь пришла, то поблѣднѣлъ противъ всѣхъ страховъ безстрашной воинъ, смутился и не могъ сыскать словъ къ изъясненiю своихъ мыслей. Евланiя то усмотря, и не хотя страхъ его умножить безвременною холодностiю, показазала ему въ глазахъ своихъ такую прелестную прiятность, ко-

торая его ободрила, и смотря на него своею любовїю, коей пламя въ сердцѣ своемъ чувствовала: Вамъ милостивая Принцесса, говорилъ онъ, долженъ я тою похвалою, которую мнѣ здѣсь приписываютъ, и хотя бы сердце мое не отъ природы склонно было, Королевскую жизнь охранять, то ободрили бы вы оное ко исполненїю его должности тѣмъ преславнымъ залогомъ, которымъ вы побѣду мою почтить удостоили. Моя рука управляемая любви достойною Евланїею долженствуетъ быть необходима. Сколь ни полезно то, Принцъ, отвѣчала она, чтобъ дѣлить съ вами вашу славу, однакожъ я не имѣю тщеславїя повѣрить, чтобъ имѣла въ томъ нѣкоторое участїе, я не хочу быть столь не справедлива, чтобъ васъ оной лишить хотѣла, а Королевская жизнь мнѣ столь драгоцѣнна, что я безъ всякихъ другихъ причинъ благодарность мою показывать долженствую. Евланїя говорила сїи слова съ такою прїятностїю, и провождала ихъ такими проницательными взглядами, что плѣненному Фердинанду весь разумъ его потребенъ былъ, чтобъ не забыть, что многочисленное собранїе на него глаза обратило, и что

почтенїе

почтенїе ему возбраняетъ показать ясно свои чрезвычайныя движенїи, и такъ преодолѣлъ себя, и невозмогши ей отвѣчать, какъ желалъ, доволенъ былъ показать ей мысли свои молчанїемъ, которое краснорѣчивѣе было пространнѣйшихъ словъ. Всѣ придворные госпожи старались въ тотъ часъ показать ему должную честь, вывели его изъ смущенїя, и разговоръ былъ до самаго Королевскаго полуденнаго кушанья общей. Всѣ довольны разошлись Фердинандовымъ разумомъ не меньше какъ храбростїю. Альфонзо приказалъ, чтобъ онъ съ того дня жилъ при дворѣ, и всѣмъ своимъ служителямъ обѣявилъ, что ему весьма угодно будетъ, чтобъ онъ въ почтенїи былъ содержанъ, почему каждой старался ему услуги свои показать. Сїя скорая милость вмѣсто возбужденїя зависти служила всѣмъ придворнымъ къ лучшему изъясненїю преизрядныхъ качествъ сего молодаго Принца.

Прїятные и плѣняющїе поступки, благодарные мысли, и показуемая радость, когда случай имѣлъ кому служить, плѣнили ему скоро всѣхъ сердца такъ, что и тѣхъ себѣ откровенными друзьями здѣлалъ, которые оными быть не хотѣли.

Аррагонскій Король о томъ только старался, чтобъ Евланія невъ состояніи была отрицаться принять его себѣ супругомъ, когда свѣдаетъ его подлинное рожденіе, и для того безпрестанно ей знать давалъ, что ему весьма угодно будетъ сіе совокупленіе, и хотя не говорилъ ей о томъ явно; однакожъ мнѣніе свое изъяснялъ довольно, но сіе безмолвное соизволеніе, которое онъ тайной склонности ея противъ Фердинанда дать казался, не привело бы ее къ конечному намѣренію, ежели бы Королева своимъ стараніемъ того не учинила. Сія Государыня будучи съ королемъ одного мнѣнія, взяла ее чрезъ нѣсколько дней послѣ помянутой ловли особо, и говорила: Я чаю, любезная Евланія, что ты увѣрена моею дружбою, которую и Король тебѣ чрезъ свои милости надѣюсь довольно показалъ, и потому ты сомнѣваться объ оной причины не имѣешъ, однакожъ мы еще не довольны показанными тебѣ знаками оной, но намѣрены утвердить оные дѣйствительнѣйшими, которыя тебя непремѣнно здѣлаютъ щастливою; но какъ на то потребно твое соизволеніе, то открой мнѣ твое сердце о Принцѣ Коморскомъ,

Коморскомъ, онъ тебя любитъ, его любовь весьма важна, не смотря на то принужденїе, которое онъ себѣ для сокрытїя оной дѣлаетъ. Короля склоняютъ важные причины желать вашего соединенїя, но онъ безъ твоего на то позволенїя никакого намѣренїя положить не хочетъ, потому не бойся мнѣ открыть твое мнѣнїе, и ожидай всего отъ нашей къ тебѣ любви, какое бы намѣренїе твое ни было.

Евланїя во время сей рѣчи перемѣнялась нѣсколько разъ въ своемъ лицѣ, и не знала что отвѣчать, опустила глаза свои, но ободрена Королевскою добродѣтелью, отъ которой не надѣялась, чтобъ она нѣкоторую лесть имѣла, къ открытїю внутренности ея, отвѣчала: Отпустите мнѣ, милостивая государыня, мое молчанїе, я опасаюсь при толикихъ милостяхъ вашего величества проступиться въ моемъ благодаренїи, котораго вы отъ меня требовать изволите, но будучи вашимъ великодушнымъ попеченїемъ воспитана, и чувствуя ваши ко мнѣ всегда милости, была бы оныхъ недостойна, ежели бы хотя малую мысль мою отъ васъ скрыть хотѣла, когда вы повелѣвать изволите, оную

вамъ открыть, и такъ размышляю вамъ донести, что ежели бы только моя воля потребна была, то бы я никому кромѣ Принца Коморскагоруки не отдала, и его только одного почитаю достойнымъ любви моей; но несмотря на сіе чисто сердечное откровеніе моего мнѣнія, и моей склонности будетъ всегда сердце мое повиноваться повелѣнію Королевскому, и моя должность превзойдетъ мою любовь? Нѣтъ, любезная Евланія, отвѣчала Королева, ее обнявъ, мы не требуемъ отъ тебя сего принужденія, оно было бы весьма вредительно твоему покою, и разрушило бы всѣ намѣреніи наши. Благополучіе государства и польза Констанціи принуждаютъ Короля съ Цесаремъ искать союза. Онъ желаетъ сына его Фридриха соединить съ моею Принцессою, и для совершенія сего великаго брака, потребно ему склонить къ себѣ сердце Коморскаго Принца, которой у Цесаря все здѣлать можетъ, и по любви его къ тебѣ и по твоей къ нему благосклонности чаемъ желаемаго исполненія нашему намѣренію. Альфонзо хочетъ вѣнчать Фердинандовы желаніи, когда совершитъ бракъ Констанціи; но не отдастъ за Цесарскаго

скаго Кронъ-Принца свою дочь, ежели Фердинандъ не будетъ твоимъ супругомъ, и такъ любезная Евланія состоитъ благополучїе государства и Королевской фамилїи въ твоихъ рукахъ, не сказывай Аррагонской Принцессѣ о семъ важномъ дѣлѣ, но старайся по ея къ тебѣ дружбѣ здѣлать ея къ Фридриху склонною, и невидимо приуготовить ее предпочесть его всѣмъ Принцамъ, которые бы союза ея искать могли. Евланїя разумна была, познать, сколь преславно сїе совокупленїе Принцессѣ, и радовалась о томъ, чтобъ благополучїе государства, любовь ея къ Коморскому Принцу имѣло предмѣтомъ, обнадежила Королеву непремѣнным молчанїемъ и усердїемъ, съ которымъ для Фридриха стараться хотѣла. Тѣмъ временемъ, какъ она такимъ образомъ съ Королевою разговаривала, пошелъ Король къ Принцессѣ своей дочери, чтобъ ее склонить на пользу Фердинанда противъ Евланїи, открывъ ей его любовь и все желанїе, которое онъ о щастїи ея имѣетъ. Онъ нашелъ ея къ тому весьма склонну. Опасность, отъ которой храбрость сего Принца Короля избавила, привела ее къ совершенному намѣ-

намѣренїю, чтобъ вспомоществоватъ любви его, сверьхъ того хотѣла съ королевою о томъ говорить, и видя себя отъ Короля въ томъ предупрежденну, не скрыла отъ него радости своей о его намѣренїи, но еще ему объявила, что Евланїя безъ труда послѣдовать будетъ его волѣ, и что она по Фердинандовымъ заслугамъ не сомнѣвается о ея послушанїи.

Король познавъ изъ ихъ словъ согласїе Евланїина сердца съ своимъ намѣренїемъ, чувствовалъ о томъ великую радость. Сей государь имѣлъ многїе причины о Фердинандѣ имѣть попеченїе, потому что Рамиро имѣлъ супругою Принцессу его крови, но свойство не столько ихъ соединяло, сколько любовь, она была перьвая взаимность Альфонзовой любви, и какъ онъ еще въ то время не былъ подъ закономъ супружества, и потому она льститься могла съ нимъ вѣчно быть соединена, то была любовь ихъ другъ къ другу сильнѣйшая; но они предпочитали честь свою и должность собственному своему удовольствїю, и преодолѣвали любовь свою для благополучїя государства, какъ скоро увидѣли, что она оному противна. Альфонзо былъ

младъ

младъ, Арагонское королевство было такое наслѣдство, которое Ишпанія ему оспорить хотѣла, и страхъ войны, которая Аррагоніи для начальной власти Ишпанскаго Короля не инако какъ нещастлива быть могла, принудилъ ихъ желать съ Ишпаніею союза, и дочь сего Короля просить себѣ Королевою. Прованской Графъ, которой тогда правилъ государствомъ, и съ Альфонзомъ поступалъ столь разумно, представилъ ему всѣ важные слѣдствіи и безпокойства, которыхъ Королевство его ожидать имѣетъ, ежели онъ помянутую свою свойственницу Ишпанской Принцессѣ предпочтетъ, почему онъ безъ всякаго размышленія, и не смотря на свою силу, любовь свою и покой, для тишины своего отечества презрѣлъ. Молодая Принцесса будучи столькожъ великодушна, какъ онъ, прежде его къ тому намѣрилась, и сіи любители ободряя къ тому другъ друга побѣдили свои столь пріятные желаніи, и съ великимъ изумленіемъ видѣли всѣ Альфонза Ишпанской Принцессы требующаго, получившаго и съ нею совокупившагося, а напротивъ того сія молодая Принцесса приняла ее какъ вѣрнѣйшая ея подданная,

любила ее и почитала, но они не довольны были симЪ учиненнымЪ себѣ принужденiемЪ, и боясь непрестанно, чтобы прежнее пламя опять не возгорѣло, которое одна только государственная польза погасила, намѣрились положить тому прiятное препятствiе. Альфонзо склоненЪ былЪ кЪ Принцу Рамиру, сей дерзновенной фаворитЪ какЪ скоро увидѣлЪ его сЪ Ишпанскою Принцессою соединенна, то обратилЪ тотЪ часЪ глаза свои на ту, которая ей сердце его уступить принуждена была. Аррагонской Король то усмотрѣлЪ, и не возмогши уже ею владѣть, находилЪ вЪ томЪ нѣкоторое утѣшенiе, чтобЪ совокупить ее сЪ тѣмЪ, которой ему былЪ всѣхЪ миляе. Притчины принуждающiе его искать сего совокупленiя склонили и Принцессу дать вЪ томЪ свое соизволенiе, и бракЪ РамировЪ сЪ нею совершенЪ былЪ безЪ сопротивленiя. Сiе совокупленiе со обоихЪ сторонЪ здѣлало ожиданiе отЪ того дѣйствiя. Супруга Рамирова содержала за законЪ свою должность, которая прежнюю страсть ея скоро побѣдила, а Королевины прiятности совершенно обратили кЪ себѣ Альфонзово сердце. Послѣ сей щастливой премѣны заняли вЪ

нихЪ

нихъ почтеніе и дружба мѣсто любви, и жили въ пріятномъ согласіи, какое добродѣтель и безпорочность въ великодушныхъ сердцахъ возбудить можетъ.

По смерти Прованской Принцессы намѣрился Альфонзо всю склонность свою, которую къ ней чувствовалъ, обратить на сына ея Фердинанда, но въ то самое время преступленіе отца его принудило его то забыть, къ чему былъ намѣренъ, гнѣвъ о томъ и стыдъ, что любилъ толь долго такого человѣка, которой столь мало достоинъ былъ его милости, а притомъ и честь Графини Морнанской, которую онъ вознаградить должественствовалъ, загладили въ умѣ его и память о томъ, что ему въ свѣтѣ было всего милѣе, и чтобъ одной только справедливости мѣсто дать, для того учинилъ приговоръ о казни отца, и о погубленіи сына; но едва только удовольствіе учинилъ чести и отмщенію Графини, какъ почувствовалъ въ себѣ пріятное сожалѣніе о невинномъ Фердинандѣ, вспомнилъ опять все то, что чувствовалъ прежде къ его матери, и представлялъ себѣ сей приговоръ весьма жестокимъ, которой осуждалъ невин-

 наго

наго съ преступникомъ, и для того намѣрился приказать его взять изъ его дому, отнятые пожитки съ наибольшею еще милостію ему возвратить, и со временемъ совокупить его съ Евланіею; но когда бѣгство сего молодаго Принца всѣ его усильныя поиски и намѣренія опровергнуло, тогда лишился онъ всей надежды къ исполненію оныхъ, пока пріѣздъ Донъ Педровъ оную опять возобновилъ.

Сей любви достойной Принцъ имѣлъ на лицѣ своемъ такіе подобія, которые Аррагонскому Королю весьма драгоцѣнны были. Онъ позналъ въ немъ лице Рамировой супруги, а какъ тайность, съ которою Фердинандъ прежде скрывалъ имя свое и рожденіе, чаяніи его утвердила, то не сумнѣвался онъ почти болѣе, что мнимой Донъ Педро самой тотъ есть Фердинандъ, котораго онъ съ такимъ попеченіемъ искалъ; но не хотя открыть своихъ мыслей, пока не познаетъ, достоинъ ли онъ его намѣренія, ни очемъ больше не помышлялъ какъ только испытать внутренность его сердца, и случай съ дикою свиньею, и показаніе другихъ его милостей, къ намѣренію его склонили требовать отъ него

него открытія подлиннаго его имени.

Откровенность Принцова, и та причина, которая удержала его явиться при дворѣ его въ чинѣ Цесарскаго Посла, благородной ево нравъ, храбрость и мужество возбудили въ Королѣ такое къ нему почтеніе, что онъ съ того времени твердо вознамѣрился его ощастливить. Сей великой Король, которой никогда отъ Королевы ничего не скрывалъ, не утаилъ отъ ней и преданности своей къ Принцессѣ, и любви, которую непремѣнно ко всему тому въ себѣ чувствуетъ, что нѣкоторое свойство съ нею имѣетъ, потому не утаилъ отъ ней и радости своей о Фердинандовомъ возвращеніи. Сія разумная Принцесса не имѣя никакой причины сомнѣваться въ непорочной къ себѣ любви своего супруга, ни мало не ревновала любви его къ Рамирову сыну, и не токмо оную хвалила, но равномѣрную чувствовала и въ себѣ, и хотѣла во исполненіе намѣренія о побѣжденіи Евланіина сердца въ пользу сего Принца возможнѣйше вспомоществовать, ибо Король не хотѣлъ принудить ее къ браку

ку съ Фердинандомъ, пока любовь въ ней къ нему такъ не усилится, чрезъ чтобъ она забыла, что онъ раровъ сынъ.

И Хотя все склонно казалось щастію сего любителя, однакожъ нравъ его не былъ спокоенъ, любовь его тотъ часъ провидѣла ту премѣну, которую титулъ Коморскаго Принца въ Евланіиныхъ поступкахъ здѣлалъ. Онъ увидѣлъ безъ труда, что она пріятнѣе его принимать стала, и что иногда казалось ему, что отвѣчала на то своими взглядами, чтобъ онъ ей чрезъ свои взоры открыть отважился; но сія ласкательная вѣрность не достаточна была къ показанію ему ея любви, или ко увѣренію, что она его не возненавидитъ, естьли познаетъ подлинное его имя. Сей непрестанно терзавшій его страхъ, такъ стеснялъ его во всю ночь того дня, въ которой Королева съ Евланіею, а Король съ Констанціею разговаривали, что онъ не могъ столько себя преодолѣть, когда пошелъ послѣ обѣда къ Принцессѣ Аррагонской, гдѣ всѣ придворные въ собраніи были, чтобъ не примѣтили его безпокойства. Онъ показалъ тайную задумчивость, о

чемъ

чемъ Евланія была чувствительна; и по тому тайному участію, которое она въ семъ Принцѣ имѣла, не могла долго быть въ невѣденіи тому причины, для того намѣрилась склонить его ко открытію оной, и тотъ часъ къ тому показался свободной случай

Фердинадъ стоялъ позади Констанціина стула, подлѣ которой Евланія сидѣла, такъ что съ обѣими говорить могъ, не слышимъ будучи ни отъ кого, и какъ Альфонзо и Королева изъ своихъ покоевъ еще не вышли, то каждому свободно было говорить со всякимъ по своей склонности. Евланія пользуясь сею свободою, обратилась противъ Констанціи, и смотря на Фердинанда ей говорила: Коморской Принцъ не долго пробудетъ въ Саррагосѣ, онъ печалится о великомъ дворѣ и его задумчивость довольно показуетъ, что сердце его жестокую разлуку чувствуетъ. Констанція усмѣхнулась, и взглянула на него, будто бы изъ глазъ его утвержденіе сихъ словъ показать хотѣла, притомъ говорила: Я признаюсь, Принцъ, что бы вамъ того не отпустила, ежели бы вы привезли въ Аррагонію такое сердце, ко-

которое плѣнено уже прекрасною Нѣмкою, сіе было бы нашимъ госпожамъ весьма безчестно, и я буду имъ совѣтовать, чтобъ онѣ скоряе вамъ за то отмстить старались. Такъ потому я не имѣю причины бояться ихъ гнѣва, милостивая Государыня, отвѣчалъ онъ, я уже при здѣшнемъ дворѣ получилъ оковы, которые во всю жизнь мою носить буду. Прозорливость Принцессы Евланіи могла ли ей чрезъ познаніе любви моей открыть, что не возможно законамъ любви подверженному сердцу быть неробку, и что страхъ быть презрѣнну молчаніемъ, отъ почтенія наложенное принужденіе, чтобъ скрывать предъ всѣми любовь свою, суть довольно сильные причины къ возбужденію печали и задумчивости. Коморскому Принцу надлежало бы отъ того мученія выключену быть, отвѣчала ему Констанція, съ такимъ взглядомъ, которой ему намѣренія ея знать давалъ, его достоинства запрещаютъ ему сомнѣваться, что бы кто не призналъ за честь себѣ владѣть его сердцемъ, и чтобъ желанія его не исполнены были! Нѣтъ милостивая Принцесса, говорилъ онъ, я не имѣю такого гордаго о себѣ мнѣнія,

нія, я знаю себя, и та, которую я почитаю, не услышит от меня дерзновеннаго объявленія любви моей. Ето правда, говорила при сем Евланія закраснѣвшись, что молчаливость, сколько кто любви, ни достоин, есть знак почтенія, которое многажды бывает чувствительнѣе самаго краснорѣчиваго объявленія; однакож внутреннѣе удовольствіе о том, когда любящій по своим добродѣтелям и достоинствам обнадежен, что его не презирают, долженствует прогнать из сердца и из мыслей его весь страх, безпокойство и смутность. Ах! прекрасная Принцесса, вскричал он, сколь счастливо было бы мое состояніе, когда бы я тѣм себя ласкать смѣл! Любовь была при сих словах столь ясно изображена в Фердинандовых глазах, что сія молодая Принцесса ободрена прежним Королевиным разговором, удержаться не могла, показать и ему в своих взорах часть своей склонности, и смотря на него с пріятным величеством, говорила весьма прелестно: Есть нечто вспомоществовать щасстію Коморскаго Принца, и потому

не можетъ никто ему быть не склоненъ. Сіи слова привели его въ такую чрезвычайную радость, что онъ забывъ, что обрѣтается въ великомъ собраніи, сталъ на колѣни и хотѣлъ за оные искреннѣйше благодарить, ежели бы Арраґонская Принцесса увидя Евланіино о томъ безпокойство отъ того его не удержала, притворясь, будто онъ для ее чинитъ сіе уничиженіе, и для того громкимъ голосомъ говорила ему, что ей въ мысль пришло. Я не чаяла Принцъ, были ея слова, получить такое благодареніе, когда римскому кронъ-Принцу отдаю должную ему справедливость. Я говорю по мнѣнію всего свѣта, и вамъ бы не мало труда было, ежели бы вы всѣхъ такимъ образомъ благодарить хотѣли, которые равное со мною объ немъ мнѣніе имѣютъ. Фердинандъ опомнясь при сихъ словахъ, показалъ Принцессино мнѣніе, принявъ въ тотъ часъ сей случай, которой безъ умыслу она ему подала, и говорилъ: Я притомъ! милостивая Принцесса, что принадлежитъ до римскаго кронъ-Принца, столь чувствителенъ, и мое сердце за его дружбу, которою меня жалуетъ, такимъ благодареніемъ наполнено,

нено, что я довольно радости моей изъяснить не чаю, когда его похваляема слышу, а особливо отъ такой Принцессы, которую онъ премного почитаетъ. Констанція изумѣлась нѣсколько въ семъ принужденномъ отвѣтѣ, и говорила: Я не чаю, чтобы Фридрихъ о той Принцессѣ думалъ, которую онъ не знаетъ и слава обо мнѣ столь мала, что бы я не чла себя обиженною, ежели бы ему со всемъ была не извѣстна. Принцесса Аррагонская столь великою красотою, и столь многими добродѣтелями одарена отвѣчалъ онъ, что всемъ тѣмъ Принцамъ, которые ее супругою желать могутъ, не можетъ не извѣстна быть. Римской кронъ-Принцъ старается о томъ больше всѣхъ, и ни въ чемъ такого удовольствія не имѣетъ, какъ въ пріятныхъ объ ней разговорахъ, и ежели бы онъ не опасался ей весьма дерзновеннымъ показаться, то поѣхалъ бы вмѣстѣ со мною, и увѣрилъ ее самъ, что всѣ короны къ ногамъ ея положить готовъ. Констанція не мало удивлялась, что нечаянно произшедшіе слова случай подали и такому ревностному, впала въ задумчивость, и не отвѣчала ничего. Евланія радуясь

нашедъ такой случай къ начатію того, что обѣщала Королевѣ, притворилась будто не видитъ Принцессина смущенія, и говорила ей. Я Фридриха весьма почитаю, происходящій объ немъ слухъ склонилъ меня уже къ его пользѣ; но его склонность къ моей Принцессѣ весьма умножаетъ то доброе мнѣніе, которое я объ немъ имѣла, а печаль, которую я уже предвижу, что съ нею разлучиться буду принуждена, была бы мнѣ гораздо сноснѣе, ежели бы я увидѣла ее Цесаревою. Я чаю, отвѣчала Констанція, на сіе усмѣхнувшись, что вы обое согласились меня стыдить, и ежели бы довольно была немилостива, то наказала бы обѣихъ васъ за ту отважность, съ которою вы безъ Королевскаго вѣдома заключаете столь важные браки.

Я гораздо больше почитаю ваше высочество, отвѣчалъ Фердинандъ, нежели бы дерзновененъ былъ говорить вамъ неправду. Намѣреніи Короля, родителя вашего можетъ быть не весьма далеки отъ Фердинандовыхъ желаній, какъ бы то ни было, однакожъ я всегда буду порукою склонности сего Принца. При окончаніи сихъ

словъ

словѣ вошелъ Король и Королева въ сїе собранїе, и приходомъ своимъ помѣшалъ Констанцїи отвѣчать. Всѣ встали, и какъ скоро Королева сѣла, то Король говорилъ Коморскому Принцу. Принцъ! Цесарь отправилъ ко мнѣ посла, я получилъ о томъ извѣстїе, ему поручены разные предложенїи, которые мнѣ всѣ прїятны будутъ, потому что онъ жалаетъ, чтобъ Фердинанду, сыну Принца рамира, котораго я столь долго искалъ, и котораго онъ содержалъ при своемъ дворѣ, позволено было отъ меня возвратиться опять въ свое отечество, и чтобъ я наградилъ его чиномъ и честїю достойными его рода.

При сихъ словахъ взглянули обѣ Принцессы вдругъ на Фердинанда, чтобъ ему дать знать, что онѣ теперь видятъ, откуда его разговоръ происходилъ, а прекрасная Евланїя будто бы его укорить хотѣла, для чего онъ ей не сказалъ, что рамировъ сынъ живъ, и что онъ его знаетъ; но Принцъ бояся видѣть въ глазахъ ея казнь свою, отвращался отъ ея взглядовъ, и подошедъ къ Королю, отвѣчалъ: Всемилостивѣйшїй государь, ваше величество изволите знать, что и я дерзно-

дерзновеніе имѣлъ донести вамъ о Фердинандѣ, что онъ не смотря на показанную ему отъ Цераря милость, забыть не можетъ что вы ево государь, и никогда бы не уѣхалъ изъ Королевства вашего, ежели бы ему свѣтъ его разума, которой ево теперь руководствуетъ, во время бѣга столько познанія далъ; но что здѣлать могъ младенецъ подчиненнымъ своимъ наставникамъ, они ползуясь младенчествомъ его увезли, начто ни соизволенія своего ни сопротивленія показать не могъ; но какъ скоро онъ свѣдалъ свое имя, свое рожденіе и нещастіе, которое изгнало его изъ отечества, то непрестанно желалъ съ того времени вашему величеству предать кровь и жизнь свою. Онъ безчувственъ былъ противъ чести полученной при иностранномъ дворѣ, и хотѣлъ подъ вашими законами скончать жизнь свою.

Фердинандъ невиненъ, отвѣчалъ Альфонзо, и я не хочу правость его соединить съ преступленіемъ его отца; но хотя бы и невинность его за него не говорила, то мнѣ довольно и того, что ты объ немъ стараешься, и потому съ радостію его приму. Принцъ отвѣчалъ на сіе почтительнымъ поклономъ,

потомъ

потомъ пресѣкъ король разговоръ, которой сталъ общей; однакожъ Принцессы не малое въ томъ участїе имѣли. Констанцїя погружена была въ глубокихъ мысляхъ; Фридрихъ и посольство были во умѣ ея. Евланїя огорченная противъ Рамирова сына, чувствовала въ себѣ великую досаду, что Фердинандъ за него говорилъ, подражала безмолвїю своей приятелницы и отъ сего вся компанїя гораздо скушна стала. Королева увидя то, и не хотя ничего пропустить, что Альфонзовы намѣренїи скоряе къ концу привесть можетъ, окончала сїе собранїе подъ видомъ нѣкоторой болѣзни, встала, и дала знакъ Принцессамъ, Фердинанду и нѣкоторымъ госпожамъ, чтобъ они шли за нею въ ея покой.

Какъ она во оные вступила, то обратясь къ Евланїи, говорила: Принцесса, я знаю великодушїе твоего сердца, и потому не сомнѣваюсь, что бы ты погубленїя невиннаго желала, однакожъ принуждаетъ меня тайная твоя противъ Рамирова сына злоба, которую бы я весьма желала истребить, просить Коморскаго Принца, отомъ употребить свое старанїе, его краснорѣчїе сильно, и онъ только одинъ способенъ

къ такому

къ такому великому дѣлу. Вашему величеству, отвѣчала она, свѣдомъ источникъ сей злобы, я знаю, что Фердинандъ не виненъ, нежелаю его смерти, но признаюсь, что боюсь его присудствія, и ежели бы я не могла преодолѣть природную мою ненависть, то бы и воли вашего величества на то довольно было, не употребляя къ тому Коморскаго Принца, которой мнѣ и то объявивъ безполезно, призналъ, что онъ его защищаетъ.

А! милостивая Принцесса, вскричалъ онъ, я хотѣлъ бы защищать Фердинанда. Ахъ сколь мало знаете вы внутренность моего сердца, меня принудило непреодолѣнное повелѣніе, говорить предъ Королемъ, такъ какъ вы слышали, почтеніе къ вамъ удержало меня упомянуть вамъ о такомъ имени, которое вамъ какъ мнѣ извѣстно, было ненавидимо, и хотя бы сей нещасливой Принцъ можетъ быть лучшаго щастія достоинъ былъ, однакожъ я объявляю себя его непріятелемъ, ежели вы откажете ему въ своемъ почтеніи. Фердинандъ выговорилъ сіи послѣдующія слова съ такою горячностію что Евланія непонявъ оныхъ, была противъ того весьма чувствительна, думая, что онъ для ея ненависти и дружбу

бу свою оставить хочетъ, которую имѣетъ къ рамирову сыну. Сіи мысли уменшили гнѣвъ ея, стала довольна его молчаливостію, и смотря съ пріятностію на него, говорила: Моя ненависть противъ рамирова сына не столь велика, чтобъ я ему столь страшнаго непріятеля каковъ Принцъ Коморской желала, и стану стараться оную преодолѣть, дабы онъ его возненавидѣть причины не имѣлъ. Намъ должно, говорила при семъ Аррагонская Принцесса, любить добродѣтелъ, и въ самыхъ непріятеляхъ нашихъ, ежели рамировъ сынъ достоинъ почтенія, то ты не права будешъ, когда откажешъ ему оное. Дождемся Посла, говорила Королева, услышимъ прежде, чего Цесарь требуетъ, потомъ Евланіины мысли скоро разрѣшены будутъ. Сія молодая Принцесса успокоена будучи Фердинандовымъ оправданіемъ, приняла опять прежню свою пріятность, и видя Королеву съ Принцессою тайно разговаривавшую, а Коморскаго Принца въ такомъ смущеніи, что онъ почти взглянуть на нее не смѣлъ, старалась его ободрять, и говорила весьма пріятнымъ лицемъ: Отпустите мнѣ, Принцъ, ежели я мнѣнію вашему противные мысли показала, бываютъ такіе

кїе движенїи, надъ которыми сердце не властно, но признаюсь вамъ, что мнѣ рамировъ родъ ненавистенъ, да и нѣкоторую досаду въ томъ чувствую, что его сынъ щастїе имѣетъ, называться вашимъ именемъ. Легко разсудить можно, что въ сей часъ въ Принцовомъ сердцѣ происходило. Онъ пораженъ былъ наизлѣйшею печалїю, не зналъ, говорить ли за Фердинанда подъ именемъ Коморскаго Принца, или при своемъ обявленїи оставить ее въ прежнемъ невѣденїи. Онъ не могъ сумнѣваться, что она его любитъ, ея взгляды, и во время собранїя употребленные слова въ томъ его увѣряли; но когда разсуждалъ, что сїя склонность погибнуть можетъ, ежели она его познаетъ тѣмъ, котораго столь ненавидитъ, то оставляла его надежда, и его состоянїе казалось ему несносно. При семъ неудомѣнїи, намѣрился склонить ее ко открытїю ея любви, а о прочемъ оставить Альфонзу попеченїе. Такимъ образомъ вооружился противъ будущаго страха, и намѣрился пользоваться настоящимъ временемъ, и совершенно послѣдовать движенїямъ своей любви. Въ семъ намѣренїи показавъ ей въ глазахъ своихъ

всю силу мучащей его любви, говорилъ: рамировъ сынъ не столько счастливъ тѣмъ, что называется Фердинандомъ, сколько счастливъ я, что имѣю съ нимъ сїе сходство! увы, сколь горестно бы мнѣ было, ежели бы сей ненарочной случай и меня здѣлалъ вами ненавидимымъ. Ахъ, прекрасная Принцесса, позвольте мнѣ опять быть незнаемымъ Донъ Педромъ и навѣки оставить желанїямъ моимъ столь несчастливое имя. Я невластенъ уже, несравненная Евланїя, скрывать, что васъ люблю, я открылъ вамъ уже оное столь ясно, что вы объ явномъ объявленїи моемъ удивляться не можете, и молчанїе мнѣ уже столь вредительно, что я онаго имѣть далѣе не могу. Милость Короля, королевы и Принцессы обнадеживаютъ меня ихъ согласїемъ; но сего не довольно такому неложному сердцу, каково мое: мнѣ надобно и ваше имѣть соизволенїе. Вы только можете опредѣлить смерть мою или жизнь; отъ васъ только хочу получить мое счастїе и оставлю мое, ежели вамъ любовь моя противна, скажи, прекрасная Принцесса, разрѣши Фердинандову судбину, открой мнѣ чистосердечно, столько ли же тотъ

несчастливЪ будетЪ, котораго вы знаете, сколько тотЪ, которой вамЪ еще незнакомЪ.

Я не знаю, отвѣчала она нѣсколько изумленно, какіе причины васЪ принуждаютЪ соединять столь различныхЪ персонЪ, равность имянЪ отнюдЪ неравное имѣетЪ дѣйствіе вЪ моихЪ мысляхЪ. ФердинандЪ РамировЪ сынЪ долженЪ жизнію убійцѣ моему, а ты сохранилЪ жизнь моего благодѣтеля и государя, ты сіяешЪ во всѣхЪ добродѣтеляхЪ, всѣ тебѣ здѣсь склонны, и всѣ обязуютЪ меня желать тебѣ счастія; но напротивЪ того не обязуетЪ меня ничто желать благополучія такому человѣку, котораго я за непріятеля моего признавать должна. Повинуюся, ПринцЪ, королевской воли, и навела бы насебя гнѣвЪ его, ежели бы неправость имѣла, презирать твою любовь, принимаю объявленіе твое безЪ всякой противности. АхЪ ПринцЪ, какого увѣренія ты еще требуешЪ, когда мнѣ жизнь твоя драгоцѣнна.

АхЪ! несравненная Принцесса, вскричалЪ ФердинандЪ, чемЪ могу я довольно доказать вамЪ радость мою и любовь. ОнЪ хотѣлЪ продолжать, но Евланія увидя, что Королева разго-

ворЪ

воръ свой съ Принцессою окончала, принудила его умѣрить свои движенія, и онъ принужденъ былъ говорить громко, для того, что Констанція и другіе госпожи къ нимъ опять пришли. Чрезъ нѣсколько минутъ послѣ того объявила Королева, что время взять покой, и всѣ разошлись. Фердинандъ затворился въ своей комнатѣ съ сердцемъ наполненнымъ любви, страха и надежды. Констанція и Евланія будучи нѣсколько безопасны, разговаривали нѣкоторую часть ночи о томъ, что въ тотъ день происходило. Принцесса Аррагонская, свѣдавъ отъ Короля Фердинандову тайность по причинѣ Вѣнскаго посольства, а притомъ получа отъ ней наставленіе, какимъ образомъ ей съ Евланіею поступать надлежитъ, не говорила съ нею почти ни очемъ, только о томъ счастіи, котораго она отъ союза съ Коморскимъ Принцомъ надѣяться имѣетъ, напротивъ того ниочемъ не старалась какъ только хвалить ей Римскаго кронъ Принца. Констанція слушала ее безъ досады и не пропуская сей случай употребить въ пользу Рамирову сыну, говорила: Не нахожу въ себѣ, любезная Евланія, никакой противности противъ Фридри-

ха, и обѣщаюсь тебѣ всѣмъ королямъ въ свѣтѣ его предпочесть, ежели ты мнѣ дашъ клятву не престать никогда любить Фердинанда. Евланія не думая, что она о другомъ а не о Коморскомъ Принцѣ говоритъ, отвѣчала ей безъ размышленія, что ея сердце весьма согласно съ ея требованіемъ, и потому отказать ей въ томъ не можетъ, причемъ обнадеживаетъ, что одна смерть разлучитъ ее съ симъ Принцомъ. Въ такихъ мысляхъ одолѣлъ ихъ сонъ, которому они предавались съ великою сладостію.

Фердинандъ не имѣлъ того удовольствія. Онъ увѣренъ былъ, что Евланія престанетъ любить Коморскаго Принца, какъ скоро узнаетъ его Рамировымъ сыномъ, и что ненависть ея еще умножится, когда она свѣдаетъ, что обманута, и такъ видѣлъ онъ предъ собою бездну, которой избѣжать не могъ. Въ сихъ мысляхъ пошелъ онъ, какъ скоро наступилъ день, къ Королю, открылъ свой страхъ, и просилъ, чтобъ ему позволено было окончать жизнь свою въ отдаленной землѣ, и чрезъ то избѣжать того удара, которой изъ Евланіиныхъ рукъ пасть на него былъ готовъ, говорилъ притомъ, что онъ весело

село умреть, когда имѣлъ щастїе его величества милость опять къ себѣ получить, и въ забвенїе привесть ту кровь, отъ которой онъ произошелъ; но Альфонзо употребя въ семъ случаѣ Королевскую свою власть, запретилъ ему отъ двора отбѣжать, утѣшая его, и обнадеживая, что онъ Евланїю получитъ, и взялъ на себя попеченїе о его счастїи. Принцъ не смѣлъ ему отвѣчать, принужденъ былъ повиноваться, и отдался въ волю своей судьбы. Король желая окончать его счастїе по принятому намѣренїю, пошелъ съ нимъ къ Королевѣ, какъ скоро свѣдалъ, что Принцессы къ ней пришли, и по нѣскольких разговорахъ, взялъ Принца одною, а Принцессу другою рукою, и говорилъ ей. Евланїя! я не чаю яснѣе показать тебѣ мою любовь и исполнить мое обѣщанїе, когда я взялъ тебя въ мое защищенїе, какъ совокупя тебя съ Принцомъ Фердинандомъ, твои склонности мнѣ извѣстны, я знаю, что ты его заслугамъ даешъ достойную правость, и такъ желаю, чтобъ ты его любила и почитала въ немъ впредь все твое счастїе. Цесарь тогожъ требуетъ, королева того желаетъ, и вашъ бракъ будешъ мнѣ радостенъ.

достенъ. Евланія закраснѣлась, и чая, что почтительнаго молчанія доволь- но будетъ, къ показанію ея соизволе- нія, отвѣчала только низкимъ покло- номъ; но Альфонзо продолжая рѣчь свою, и называя ее своею дочерью, при- казалъ ей объявить предъвсемъ дво- ромъ, что она на избраніе его согласна, и признается, что склонность ея съ его волею сходна. Евланія не могла болѣе притворяться и поднявъ глаза свои зъ добродѣтельною кротостію, говорила: Ваши повѣленіи мнѣ святы, милости- вѣйшій государь! я всегда причитала себѣ пріятной законъ послѣдовать онымъ; но когда вы требовать изво- лите явно тому доказателства, то я повинуюсь, и признаваю, что изъ всѣхъ благодѣяній, которыми вы меня жаловать изволили, показанное мнѣ теперь возводитъ меня на верьхъ моего счастія. Симъ объявленіемъ обрадованный Фердинандъ сталъ на колено, ее благодарить, а Король далъ руки ихъ другъ другу, и говорилъ: Любите другъ друга, да будетъ бла- гополучіе ваше непремѣнно, и будьте обнадежены моею дружбою. По сей краткой церемоніи обнялъ ихъ обо- ихъ, и объявилъ, что ихъ бракъ по прибытіи Цесарскаго посла совершенъ

будетъ, потомъ подошли къ нимъ Королева и Принцесса Аррагонская, и показывали имъ наиприятнѣйшую дружбу, всѣ придворные ихъ поздравляли, и все съ того часа до прибытія посла показывали чистосердечное участіе въ ихъ удовольствіи. Сіи обрученные клялись другъ другу вѣчною любовію, и прекрасная Евланія показывала себя столь обязанною, что Король не сумнѣвался, что ея любовь въ потребное время ненависть ея преодолѣетъ. Наконецъ прибылъ Цесарской посолъ, котораго со обоихъ сторонъ съ равною нетерпѣливостію ожидали. Фердинандъ опасаясь о всемъ томъ къ Цесарю писать, что происходило, почитаемъ былъ отъ посла по данному ему повелѣнію за Принца Коморскаго. На другой день по прибытіи его далъ ему Альфонзо такую аудіенцію, въ которой о всемъ томъ согласились, что сіи двѣ короны соединить долженствовало, и какъ Альфонзо имѣлъ особливые свои намѣренія, которыхъ Фердинанду не открывалъ, то какъ скоро отпустилъ отъ себя посла, пошелъ тотъ часъ къ Евланіи въ покой. Констанція, и мнимой Коморской Принцъ были у него, онѣ встали, испужавшись

шись сего прихода, Король приказалъ имъ опять сѣсть, и говорилъ: Я принужденъ вамъ обьявить премѣну, которая жестокою вамъ покажется, но ежели вы послѣдовать будете разуму вашему и добродѣтели, которые всегда въ поступкахъ вашихъ важны были, то не будете противиться оной. Цесарь не хочетъ согласиться на бракъ Коморскаго Принца съ Евланїею, но требуетъ его Фердинанду Рамирову сыну, и не хочетъ браку Римскаго кронъ-Принца съ Констанцїею заключить, какъ только на семъ договорѣ: польза моего двора, и благополучїе государства склонили меня принять сїе предложенїе: мнѣ жаль, что Коморскому Принцу не могу содержать моего слова, но опасаюся чрезъ сопротивленїе Цесарскому требованїю, его противъ себя огорчить, никто тому дивиться не будетъ, что я Принца моей крови супругомъ тебѣ ему предпочитаю, сей бракъ навѣки истребитъ неправедную ненависть, и Евланїя еще наисправедливѣйшею оную признаетъ, когда будетъ знать Принца Фердинанда. При окончанїи сихъ словъ, король вышелъ опять вонъ, не ожидая отъ сей Принцессы

отвѣта,

отвѣта, дабы тѣмъ Фердинанду время дать къ совершенію начатаго; но печальная Евланія не въ состояніи была ему отвѣчать, почти всѣхъ чувствъ лишилась отъ ужаса слышанного, и не могла повѣрить, что бы Альфонзо такимъ образомъ слово свое возвратить, и такой жестокой приговоръ ей объявить могъ, и почитала то за привидѣніе, однакожъ слезы текущіе изъ глазъ ея увѣрили ея о истиннѣ, она обращая оные, то на Фердинанда стоящаго предъ нею на колѣняхъ, то на Констанцію, и не нашедъ въ нихъ тѣхъ знаковъ печали, которыхъ желала, говорила съ горкимъ рыданіемъ: Сія ли любовь ваша ко мнѣ, что вы оба безчувственны при моей смерти?

Нѣтъ, любезная Евланія, отвѣчала ей Констанція, ты не умрешъ, подумай къ одобренію твоего разума, что твое послушаніе Констанцію возведетъ на престолъ, а отрицаніе твое возбудитъ несчастливую войну. Прекрасная Принцесса, говорилъ потомъ Фердинандъ, всѣ сіи представленіи не долженствуютъ тебя склонить ни къ какому намѣренію, послѣдуй только движеніямъ твоего

сердца, скажи одно слово, я избавлю тебя навѣки отъ ненавидимаго, Ахъ! жестокой, отвѣчала ему Евланія, или ты думаешъ, что только ненависть причиною моего отчаянія! увы, я отнюдь не чувствую столько ненависти противъ Рамирова сына, сколько склонности противъ Фердинада, Рамировъ сынъ пускай живетъ, пускай будетъ счастливъ, я тѣмъ буду довольна, ежели онъ только у меня того не отъимеmъ, съ которымъ на всю жизнь мою соединили меня наисвятѣйшія клятвы. Нѣтъ, Принцесса, говорила еще съ згорячностію, не ожидай никогда сей премѣны отъ моего сердца, я ненавижу Фердинанда, онъ никогда не будетъ владѣть мною, и сколь ни велика бы была Королевская власть, только свободитъ меня смерть отъ сего ненавистнаго брака. Такъ отними жизнь отъ сего нещастливаго Фердинанда, говорилъ при семъ Принцъ, онъ имѣлъ дерзновеніе тебя любить, онъ утруждалъ столь великихъ особъ для полученія тебя, однимъ словомъ онъ прельстилъ сердце твое подъ чужимъ имянемъ, Коморской Принцъ есть Рамировъ сынъ, но вмѣсто того, чтобъ васъ принуждать хотѣлъ, не ищетъ

онъ ничего, какъ только удовольствовать твою ненависть, и когда надѣяться не можетъ вашего примиренія, такъ примите по крайней мѣрѣ послѣднѣе его издыханіе. При сихъ словахъ хотѣлъ шпагу свою вонзить въ свое сердце, ежели бы ево Евланія въ великомъ страхѣ и ужасѣ съ Констанціею, отъ того не удержали. Стой, вскричала она, Коморской принцъ или рамировъ сынъ, живи. Сихъ малыхъ словъ довольно было ко успокоенію отчаяннаго любителя, шпага упала изъ рукъ его, и онъ бросился къ ногамъ ея, и говорилъ: Такъ здѣлайте счастіе мое совершеннымъ, и позвольте мнѣ жить только для васъ.

Она хотѣла отвѣчать. Король, королева, и посолъ со всѣми знатными прдворными вошли въ ихъ камору, которыхъ Альфонзо о своемъ обманѣ увѣдомилъ, и хотѣлъ ихъ свидѣтелями имѣть счастливаго окончанія онаго. Зракъ столь многихъ людей умножилъ ея смущеніе, Король изъ Принцевыхъ поступокъ и по обнаженной шпагѣ его познавъ произшедшее, подошелъ къ ней, и подавъ руку ей, говорилъ: Что ето любезная

дочь, или ты хочешъ того лишить жизни, которой меня отъ смерти избавилъ. Ахъ, милостивѣйшїй государь! отвѣчала она, поцѣловавъ его руку, чего желаете вы еще отъ моего послушанїя, больше не могла ничего говорить. Король приказалъ Фердинанду встать, познаъ въ немъ его побѣду, Королева обняла его съ радостїю, и Принцесса Аррагонская тожъ учинила, прося притомъ прощенїя, что она помогала ее обманывать. Любовь, и дружба весьма скоро показали свои прїятности, и королева отведши въ тотъ же день Фердинанда въ монастырь къ Графинѣ Морнанской, которой уже вложила объ немъ доброе мнѣнїе, имѣла радость получить соизволенїе ея на его счастїе, которое чрезъ нѣсколько дней потомъ совершено было съ великимъ великолѣпїемъ. Послѣ чего онъ честь имѣлъ именемъ римскаго кронъ Принца, обручиться съ Констанцїею Аррагонскою Принцессою, и проводить ее съ своею любезною Евланїею въ Вѣну, и тамъ принятъ съ великою славою. Цесарь и кронъ Принцъ почтили ихъ многою честїю и подарками, потомъ возвратился Фердинандъ съ своею супругою

въ

вЪ Сарагоссу, и получилЪ отЪ Короля и отЪ Королевы многїе знаки ихЪ благосклонности. ПринцЪ прославился храбростїю своею противЪ СарацыновЪ, покорилЪ многїе бунтующїе городы королевскимЪ законамЪ, и при всѢхЪ сихЪ случаяхЪ, каждой принужденЪ былЪ удивляться его храбрости, разуму и великодушїю, почему его Аррагонцы всѢ обще возлюбили, и прославляли милость и справедливость своего Короля наказавшаго по достоинству преступленїе отца, и наградившаго по заслугѢ сына.

ЭПИСТОЛА

ЭЛОИЗЫ КЪ ОБЕЛАРДУ.

Въ сей страшной храминѣ, въ такомъ уединеньѣ,
Гдѣ святость лишъ одну имѣетъ воображенье,
Гдѣ скука вѣчная въ безмолвїи живетъ;
Не знаю отъ чего, душѣ покою нѣтъ;
Не знаю отъ чего отселѣ мысль стремится
И прежней жаръ опять въ груди моей родится;
Знать я люблю еще, люблю конечно такъ;
Элоиза еще чтитъ Обеландровъ зракъ!
Пребудь въ забвенїи названїе любезно:
И больше не твердись устами безполезно;
Которы клятвъ моихъ священная печать
Закрыла навсегда, о страсти, чтобъ молчать
Хранимь въ моей груди сей образъ сокровенно.
Гдѣ

Гдѣ съ страстью божество лежитъ соединенно,
Постой рука моя не будь писать смѣла;
Что вижу ужъ писать къ нему я начала,
Омой нещастныя слова сіи слезами,
Но тщетно плачусь я, онѣ передъ глазами,
Я въ сердцѣ чувствую движенія однѣ;
Ему рука моя послушна а не мнѣ,
Жилище темное! о зданіе безмолвно;
Которое моихъ стенаній тяжкихъ полно;
Пещеры страшныя, о дикія мѣста,
О храмины молитвѣ и вѣчнаго поста!
Вы камни стертыя коленопреклоненьемъ,
Вы бѣдныя измучены пощеньемъ;
Проводите въ трудахъ въ молитвахъ тьмы ночей
Толики токи слезъ влекущихъ изъ очей,
Хотя я предъ собой всегда вашъ видъ имѣла,
Однако не совсѣмъ въ любви охладѣнела,
Хоть мысль моя должна о Небѣ только быть:
Драгово имени я не могу забыть:
Хоть сердце ужъ мое другой предмѣтъ имѣетъ,
Молитвой ни постомъ моя кровь не хладѣетъ,
Открою лишъ письмо трепещущей рукой,
Страхъ въ мысль мою войдетъ, оставитъ духъ покой
А ты пріятное и жалкое званье!

Тебя

Тебя встрѣчаетъ вздохъ и слѣдуетъ рыданье
Вторично я трепещу, гдѣ слово я найду,
Что новыхъ горестей за онымъ въ слѣдъ я жду,
Чту строку всякую слезъ полными очами,
И окончавъ опять начну читать слезами,
Полна къ тебѣ любви, но чтожъ въ томъ пользы мнѣ,
Въ пустынѣ безъ тебя живу на единѣ,
Законы строгіе страстямъ здѣсь запрещаютъ,
И нѣжность и любовь подъ игомъ утѣсняютъ;
Однако Обеландръ пиши ко мнѣ, пиши,
Соедини тоску, со мной, своей души;
Съ моею грустью грусть, свои съ моей печали,
Вздыханья здѣсь мои твоимъ чтобъ отвѣчали,
Утѣхи сей ничто не можетъ мя лишить,
Такъ можноль, чтобъ одинъ ты могъ свирѣпъ мнѣ быть?
Мнѣ вся забава въ томъ, что слезы проливаю,
Что именемъ въ тоскѣ драгова называю:
Очамъ моимъ забавъ не можно лучше ждать,
Какъ только слезы лишь горчайши и читать,

Такъ дайже мнѣ хоть тѣмъ любезной насладиться
Чтобъ мнѣ съ тобой дѣля печали веселиться.
Ахъ нѣтъ, мой Обеландръ, не мучься, не тужи,
Лишъ на меня одну всю горесть наложи,
Конечно Небеса къ прогнанїю печали,
Сперьва писать людей нещастныхъ наставляли,
Иль тѣмъ любителей хотѣли облехчить,
Заочно чтобъ могли другъ съ другомъ говорить,
Съ какой невинностью любови я ввѣрялась,
Подъ видомъ дружества, когда она казалась,
Какъ Ангела тебя мнѣ умъ воображалъ,
Духъ божескїй въ тебѣ въ то время обиталъ,
Во мнѣ раждалося смятенье безъизвѣстно,
Когда видала я лице твое прелестно,
Безвинно на тебя кидала я свой взоръ,
Безвинно я съ тобой входила въ разговоръ,
Казалось Небеса въ лицѣ твоемъ сїяли,
Божественны слова уста твои вѣщали,
Бесѣдуя съ тобой, ктобъ тронуться немогъ,
Но рано я любовь почла не за порокъ,
Тогда я прелести чувствъ нѣжныхъ покорилась,
И Ангела забыть въ любезномъ смертномъ тщилась,
Далеко отъ себя я Небо стала зрѣть,
А для тебя о немъ не стала и жалѣть,
Ахъ, сколько разъ тогда уста мои вѣщали,

Какъ

Какъ сродники меня къ замужству принуждали,
Я тщетными должна законы все щитать;
Которы не любовь потщалась предписать;
Пускай богатствомъ тѣ и честью веселятся;
Которы для того дерзаютъ сочетаться,
Пусть слава и хвала объ нихъ вездѣ идетъ;
Я также ихъ хвалю, какъ весь пространный свѣтъ;
Та пышность есть ничто предъ подлинною страстью;
Богатство, честь, хвала предъ ней суть бѣдной частью;
Ревнуя богъ любви, что пышность хвалитъ свѣтъ,
Противными страстьми сердца въ отмщенье жжетъ;
Въ женидбѣ безъ любви излишнее богатство
Раждаетъ отъ того забавамъ всѣмъ препятство;
Хотябъ мнѣ льстили быть Цесарскою женою
Всѣ титлы оныя презрѣнныбъ были мною;
За вышнююбъ степень я счастья то почла,
Когдабъ любезному женою я была;

Когдажъ названїе еще прїятней есть
Принять то для него щиталабъ я за
честь.
Какое счастїе когда сердца возженны,
Цѣпьми свободныя любви соединенны,
Природа имъ сама къ забавамъ кажетъ
путь,
Весельемъ каждой взглядъ ихъ наполняетъ грудь,
Ихъ мысли сходственны хотя они въ молчаньѣ,
Въ очахъ написано согласное желанье,
Сїя на свѣтѣ часть есть счастїя глава,
И никогда была часть наша такова;
Но ахъ судба моя со всемъ теперь премѣнна
Вдругъ прежнимъ мысль моя видѣньемъ
пораженна
Любовникъ мой въ крови окованъ нагъ
лежитъ,
И зракъ во кругъ меня текуща кровь кипитъ
Ахъ, гдѣ Элоиза, была ты въ тѣ минуты,
Ты плачемъ бы могла отвесть насильства люты,
Постойте варвары съ убивственной рукой,
Всю ярость не надъ нимъ, вершите надо
мной,
Когдажъ не льзя того, мы съ нимъ виновны оба,

Пускай

Пускай обѣихъ насъ накажетъ ваша злоба,
Жестокая тоска мой бѣдной духъ тях-
читъ,
Имѣйте жалость вы, имѣйте страхъ и
стыдъ,
Рыданїи мои умножилися болѣ,
И горесть не даетъ просить пощады долѣ.
Ахъ можешь ли забыть ты сей печаль-
ной день,
Когда вступили мы монашества въ сте-
пень,
Когда насъ плачущихъ вели какъ бѣдну
жертву,
Какъ мертвымъ я тебя и ты меня чтилъ
мертву.
Колико слезъ я въ тѣ минуты пролила,
Когда судьба меня живую въ гробъ вела,
Когда велѣлъ намъ рокъ съ тобою разлу-
читься,
И съ свѣтомъ навсегда въ дни младости
проститься
Я хладными устами лобзала свой обѣтъ
Свѣтильники тогда пускали блѣдной свѣтъ,
Побѣлу получить въ сомнѣньѣ Небо было,
И Ангеловъ мое желанье удивило,
Вступила наконецъ во храмъ противъ
себя,
Глядѣла не на крестъ, глядѣла на тебя,
Не ревность клятвѣ моихъ была тогда
причиной
То рѣчь нещастныя любви была единой;

Я для того еще погибла не совсѣмъ,
Что тотъ, кто сердцу милъ на вѣкъ разсталась съ тѣмъ,
Приди любезной мой лющуся слезами,
Утѣшь мя взорами и нѣжными словами,
Что бы къ рѣчамъ твоимъ приникла я хоть разъ,
Чтобъ я насытилась твоихъ пріятныхъ глазъ,
Чтобъ съ устъ твоихъ могла я снять отравы сладки;
И въ мысляхъ вображать пріятностей остатки,
Ахъ, нѣтъ не приходи чтобъ грѣшна мысль моя,
На вѣки съ слабостью бѣжала отъ меня,
Приди явити мнѣ желанной путь священства,
И покажи примѣръ мнѣ лутчаго блаженства.
Сіяніемъ Небесъ весь умъ мой просвѣти,
И отъ себя меня ты къ Богу обрати,
Когдажъ не хочешь ты мнѣ дать сію отраду,
Явися сестрѣ моихъ сохранному ты стаду,
То стадо есть твое, то рукъ твоихъ плоды,
Которы о себѣ молить пришли сюды,
Тобою пустыни здѣсь стали плодовиты,
И рай увидѣли тобою мы открытый,
Въ слезахъ живущія въ семъ мѣстѣ сироты,

Не ви-

Не видятъ предъ собой отцовой суеты,
Ихъ предками верьхи церквей непозлащенны,
Здѣсь лики грѣшниковъ руками невнесенны
Что умѣряючи потоки горкихъ слезъ,
Чтобъ Небо пріобрѣсть лишаются Небесъ
Невинность нашу чтятъ невинны стѣны сами,
И имъ Зиждителя возносятъ похвалами
А естьли въ сихъ мѣстахъ представится твой видъ,
Коль придешь ты подъ свой вѣнчанный пирамидъ,
Которой вѣчною покрытъ ужъ темнотою,
Чрезъ кою слабой свѣтъ мы видимъ предъ собою,
Твои глаза тогда разгонятъ мрачность вдругъ
Лучи пріятностей тебя одѣнутъ вкругъ,
Теперь не знаемъ мы нивчемъ здѣсь утѣшенья
Кромѣ собранія печалей и пощенья,
Единъ лишъ только стонъ живущихъ вслухъ твердитъ,
И кромѣ слезъ никто иного здѣсь не зритъ,
Приди ко мнѣ мой братъ, отецъ, женихъ и другъ,
Сестра твоя и дочь, чтобъ твой смягчила духъ,
Чтобъ сими нѣжными могла я именами

Возобновить ту страсть, что днесь забвенна нами,
Уже и то меня теперь не веселитъ,
Природа въ лѣтни дни чемъ здѣсь прельщаетъ видъ,
Ни горы каменны покрыты деревами,
Ни вѣтры тихїе шумящїе листами,
Ни воды быстрые въ поля текущи съ горъ,
Долины озера не веселятъ мой взоръ,
Всѣ прелести сїи меня не утѣшаютъ
Нимало горести моей не убавляютъ;
Лишь скука мрачная въ пещерахъ сихъ живетъ,
Гдѣ только тьмы гробовъ смерть хладная брежетъ,
Печаль мечтательна едина предо мною,
Все смерти въ сихъ мѣстахъ подобно тишиною,
Присудствїе ея меня всегда крушитъ,
Потоки ясныя въ брегахъ она мутитъ,
Въ цвѣтахъ прїятства нѣтъ, и нѣтъ въ лѣсахъ прохлады,
Зефиры не даютъ ни малой мнѣ отрады,
Зеленыя луга противны стали мнѣ,
И скука вѣчная послѣдуетъ веснѣ,
Не вижу прежней здѣсь красы уже Небесной,
По всюду чувствую лишь ужасъ беизвѣстной,
И здѣсь то должно мнѣ остаться на всегда,
Вотъ страсть послушная ввела меня куда,

Вотъ нѣжности моей желанное приятство,
Вотъ счастіе мое горячность и богатство,
Едина только смерть цѣпь бѣдъ моихъ прервет,
Тогда тоска моя и слабость вся минетъ;
Однако тлѣнной прахъ тогда возвеселится,
Когда въ одномъ гробу съ твоимъ соединится,
О бѣдная! тебя невѣстою Богъ чтитъ,
А духъ твой къ смертному любовію горитъ,
Дай Небо помощь мнѣ, къ чему сіе прошенье,
Отчаянье тому пріятно иль смиренье,
Ужели въ тѣхъ мѣстахъ, невинность гдѣ живетъ,
Любовь суровые законы подаетъ.
Я каюсь и могуль то здѣлать, что желаю,
Любовника виню а грѣхъ свой ублажаю,
Я вижу свой порокъ кляну, гнушаюсь имъ,
Но каясь не хочу со всемъ разстаться съ нимъ,
То прелестямъ своимъ я отказать готова,
То возращаюсь къ нимъ, потомъ слабѣю снова,
То къ Небу обратясь я плакаться начну,
То вспомня о тебѣ невинность я кляну,

Могулъ тебя забыть и слабость ненавидѣть
Коль страсть свою хочу въ себѣ всечасно видѣть.
Коль истребить ее желаю до конца,
То чувствую, что я люблю ея творца;
Могулъ я различить съ порокомъ мнѣнье страстно
Раскаянїе съ нимъ мѣшается всечасно,
Коль трудно утвердить намѣренье сїе,
Толь въ сердцѣ чувственномъ и слабомъ какъ мое!
Ахъ сколько должно разъ со всѣмъ чтобъ изцѣлиться,
Съ любовникомъ своимъ и съ нѣжностью сразиться,
Бороться съ слабостьми, стенать, себя губить,
Презрѣть любезнаго, однако не забыть,
Но што ужъ здѣлано чево мнѣ опасаться,
Теперь я Небесамъ могу со всѣмъ предаться,
Приди наставь меня природу обуздать,
Любовь твою, себя и жизнь пренебрегать,
Приди смиренїемъ смягчи любви свирѣпость,
Двѣ нѣжности составь душѣ моей ты въ крѣпость.
Наполни Богомъ грудь изгнавъ горячность вонъ
Тебя чтобъ замѣнить, достоинъ только Онъ,

До-

Достойналь ты сего Элоиза нещастна
Здѣсь непорочны всѣ лишъ ты едина
страстна
Кольсчастлива судьба сестры дѣвицы той,
Котора жертвуетъ невинности святой,
Не каясь здѣсь живетъ она уединенна
Забыла свѣтъ и имъ сама она забвенна,
Ея смиренїе небесны силы зрятъ,
Спокойство и труды судьбы ея дѣлятъ
Приятной сонъ ея спокойствуетъ страданью,
Все дѣйствїямъ ее покорно и желанью
Ей услажденїе приноситъ токи слезъ
Молитвы ихъ отсель восходятъ до Небесъ,
Святая благодать вкругъ ихъ всегда
сїяетъ,
И Ангелъ имъ во снѣ сны сладки представляетъ.
На одръ торженственный Творецъ ихъ
ждетъ возвесть,
И дѣвы чистыя поютъ имъ гимны въ честь,
Для нихъ въ раю цвѣтутъ лилеи вѣчнымъ лѣтомъ,
И серафимы ихъ красятъ небеснымъ свѣтомъ,
При гласѣ сладкихъ арфъ животъ кончаютъ свой
Спѣшатъ въ объятїи невинности святой,
Другїе сны во мнѣ, другое восхищенье,
Приводитъ страстной духъ мечтами
въ заблужденье,
Лишъ вечеръ наступилъ мнѣ мысль вообразитъ,
Тебя

Тебя, каковъ ты былъ, тутъ святость замолчитъ,
Природа заглушитъ своимъ всѣ клятвы гласомъ,
И сердце все къ тебѣ стремится тѣмъ же часомъ,
Гнушаюсь и люблю ту ночь воспоминать,
Изъ мыслей не могу мечты своей изгнать,
Я слышу голосъ твой, тебя я вижу ясно,
Хочу тебя обнять, но льщуся тѣмъ напрасно,
Проснуся съ трепетомъ не вижу ничево,
Тѣнь лютая бѣжитъ отъ взора моево,
Зову ее къ себѣ, она рѣчей не внемлетъ,
Рука моя одну пустую тѣнь объемлетъ,
Сомкну свои глаза, чтобъ сонъ тотъ отвратить,
Приди, любезной сонъ, духъ томной усладить,
Опять увижуся съ тобой, но ахъ напрасно,
Въ степяхъ насъ плачущихъ мнѣ кажетъ сонъ мой ясно,
Въ пещерахъ иногда съ тобой насъ мучитъ гладъ,
Гдѣ безъ прикрытія мы терпимъ зной и хладъ,
На вѣтхомъ зданіи ты кажешься видѣнье,
Которому грозитъ мгновенное паденье,
На камнѣ иногда тебя мнѣ кажетъ страхъ,
Среди кипящихъ волнъ стѣняща и въ слезахъ,
То вдругъ на Небесахъ мнѣ сны тебя являютъ,

Но

То темны обляки съ тобой насъ раздѣляютъ
Всѣ вѣтры возшумятъ и волны заревутъ,
Я съ ужасомъ проснусь съ несносной скорбью тутъ,
Найду себя среди печальныхъ вображений,
И жертвой остаюсь своихъ всегдашнихъ мнѣнiй.
А ты, любезной мой, щастливѣе сто кратъ,
Судьба противъ тебя смягчила звѣрства ядъ
Любовную тоску съ спокойствiемъ смѣшала,
И вѣкъ твой тишиной недвижимо вѣнчала
Любовна страсть теперь души твоей не рветъ,
Какъ тихая рѣка вся жизнь твоя течетъ,
Твой вѣкъ прiятенъ такъ какъ сладкой сонъ такова,
Которой ужъ грѣха не знаетъ никакова,
Безстрашно въ жизни ждетъ по смерти онъ суда,
Отъ искушенiя не чувствуетъ вреда.
Приди же Обеландръ чево тебѣ бояться,
Свѣтильники любви тобой не возгорятся
Опасность страшнымъ быть тебя ужъ не страшитъ,
Законъ тебѣ внушенъ, и естество молчитъ,
Невин-

Невинность чистая душей твоей владѣетъ,
А страсть къ тебѣ еще Элоиза имѣетъ!
О пламя вѣчное, терзай меня, круши,
Какъ предъ лицемъ свѣща лишеннаго души,
Какъ восходящій огнь предъ темнымъ гробомъ ясно,
Ужъ то сіяніе для мертваго напрасно,
Какимъ видѣніемъ еще теперь мятусь,
Куда я ни пойду, куда ни обращусь,
Любезной сердцу видъ послѣдуетъ за мной,
Онъ съ шумомъ ближится ко мнѣ и съ тишиной,
На гробѣ ли упавъ я плакаться начну,
Предъ олтарями ли я страсть свою кляну,
Въ глазахъ мечтается всечасно видъ любезной,
И принуждаетъ жить мнѣ въ пущей жизни слезной,
Всемѣстно кажется мнѣ твой прелестной видъ,
И между Богомъ онъ и между мной стоитъ,
Когда я пѣніе церковное внимаю,
Я твой любезной гласъ тамъ слышать уповаю,
Молиться ли начну за каждымъ словомъ въ слѣдъ,
Потокъ изъ глазъ моихъ горчайшихъ слезъ течетъ,
Тогда какъ облаковъ куреніе восходитъ,
И воздухъ сильный звонъ въ движеніе приводитъ,
Едина только мысль вселится о тебѣ,

Изчез-

Изчезнутъ пышности, и я стремлюсь
къ тебѣ,
Священники, свѣщи и храмы изчезаютъ,
Престолы свѣтлые сіяніе теряютъ,
Какъ Ангелы вкругъ ихъ съ почтеніемъ
стоятъ,
Къ тебѣ все чувствія любовію горятъ,
Къ тебѣ моя душа любезной мой стремится,
Ни Ангеловъ тогда ни Бога не страшится;
Но какъ въ раскаяньѣ я горки слезы лью,
Предъ трономъ Божескимъ со трепетомъ
стою;
Тогда я Господа душею призываю,
И милосердаго прощенья ожидаю,
Приди и извлеки меня отъ мысли той,
О сердцѣ ты моемъ поспорясь съ Небесами,
Блаженство помрачи своими очесами,
Щедроту отъ меня желаній отгони
Мольбы, раскаянье на страсть перемѣни,
Да будетъ мнѣ темна небесная дорога,
Изторгни мя изъ рукъ всесильнаго ты Бога.
Ахъ, что я говорю бѣги меня, бѣги,
И думать обо мнѣ ты болѣ не моги,
Чтобъ горы каменны воздвиглися межъ
нами,
Чтобъ раздѣлились мы пространными
морями,
Не помни обо мнѣ, бѣги и не пиши,
Ты не дѣли съ моей тоску своей души,
Я слово данное съ тобою разрываю,
И помнить о тебѣ до смерти не желаю,
Забудь меня и ты, кляни и презирай

Всѣ

Всѣ прежни нѣжности ты хладностью смарай,
Забудь всѣ прелести, слова, прїятны взоры,
Любовны мысли всѣ и нѣжны разговоры
Утѣхи, коими еще поднесь я льщусь,
Простите на всегда навѣкъ я васъ лишусь;
А ты блаженство душъ, святая добродѣтель,
Прїятность что послалъ въ ограду намъ Содѣтель,
Драгая дщерь Небесъ и всѣхъ веселїй мать,
Безсмертїе тобой лишъ можемъ мы сыскать,
Родись во мнѣ теперь и въ сердцѣ утвердися,
Живи въ немъ и съ моей душой соединися,
На хладномъ гробѣ пасть Элоиза идетъ,
И смерти и тебя къ себѣ съ весельемъ ждетъ,
Что слышу или вѣтръ вокругъ меня днесь вьется,
Иль голосъ чей въ степяхъ здѣсь часто раздается.
Въ едину ночь и часъ съ свѣщой той стерегла,
Которы въ олтарѣ свята любовь зажгла,
Свѣтильники свой свѣтъ незапно погашали
Изъ гроба одного слова ко мнѣ вѣщали,
Ступай сестра моя, ступай скорѣй сюды;
Здѣсь мѣсто для тебя скончать твои бѣды,

Я

Я нѣкогда сама была въ любовной стра-
стиь
Терзалась, плакала, ввергалася въ напа-
сти,
Но наконецъ нашла покой свой въ вѣчномъ
снѣ,
Не страждутъ здѣсь сердца, не мучатся
въ огнѣ,
Любовники стеня здѣсь слезъ не пролива-
ютъ,
И прежни суеты мирскія забываютъ.
Всевышній за грѣхи насъ строго не ви-
нитъ,
На слабости людей всещедрымъ окомъ
зритъ,
Иду къ тебѣ иду къ скончанію печали,
Чтобъ Ангелы мнѣ одръ святой пригото-
вляли,
Чтобъ Лиліи вѣнцы сплѣтали для
меня,
И въ ризу бъ облекли меня свѣтляе
дня;
Иду гдѣ грѣшники спокойство обрѣта-
ютъ,
Святыя души гдѣ суетъ совсѣмъ не зна-
ютъ,
Отдай послѣдней долгъ душѣ моей, мой
другъ,
Чтобъ безпрепятственно стремился къ
нему духъ,
Закрой глаза мои своими ты руками,
Сомкни мои уста своими ты устами,

Души моей тогда желаньемъ не томи;
И мой послѣдней вздохъ съ горячностью
примИ.
Ахъ! нѣтъ чтобъ въ черномъ ты убранствѣ
предо мною
Въ послѣдней разъ предсталъ съ возженною
свѣщою,
Чтобъ крестъ къ моимъ устамъ холод-
нымъ приложилъ,
И умирать меня неробко научилъ;
Потомъ взгляни, мой другъ, на Элоизу
ясно,
Которая тебя любила въ жизни страстно
Померкнетъ прежняя краса ея лица,
Послѣдней лучь очей изчезнетъ до конца,
Держи у устъ своихъ мою ты хладну
руку
Пока намъ учинитъ смерть вѣчную раз-
луку,
То смерть сильна одна представить намъ
въ очахъ,
Что все, что любимъ мы, есть только тѣнь
и прахъ;
Но нѣкогда и тотъ печальной вѣкъ наста-
нетъ,
Въ которой красота твоя на вѣкъ завянетъ,
Что краткой путь отсель намъ перейти
страшитъ,
Святымъ видѣнїемъ твой духъ возвесе-
литъ,
Чтобъ свѣтлы облака съ Небесъ тогда
спустились
И Ангелы

И Ангелы низшедъ вокругъ тебя свѣтились,
Чтобъ дали славы лучь отверсты Небеса,
И брачну спѣли пѣснь святые голоса.
Блаженство, чтобъ тебя съ весельемъ тамъ встрѣчало,
И возложивъ вѣнцы въ объятiи прiяло,
Да наши скроются въ одинъ гробъ имена,
И наша страсть придетъ въ грядущи времена.
Тогда по случаю любовники нещастны,
Пришедъ въ сiи мѣста печальны и ужасны,
Приклонятъ головы, ту надпись прочитать,
Котора будетъ жизнь нещастливыхъ вѣщать,
И нашей тронувшись плачевною судьбою,
Съ слезами говорить такъ станутъ межъ собою:
Всѣ силы должны мы къ тому употребить,
Что бы нещастно толь во вѣки не любить,
Когдажъ судьба велитъ писателю какому,
Предаться какъ и намъ мученiю такому,
Съ любезной будучи въ разлукѣ вѣкъ рыдать,
И красоту ея за очно вображать;
Когда такой какъ мы, горячностью онъ дышетъ,
Пускай нещастну жизнь мою съ тобой опишетъ,

Кто въ нашу жизнь изъ нихъ чувствительней войдетъ,
Тотъ повѣсть жалостну пристойней воспоетъ.

КОНЕЦЪ ПЕРЬВОЙ ЧАСТИ.

